

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LXII

№ 1–2
январь-июнь 2023

ТАШКЕНТ
2023

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Диакон Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках (сверху вниз):

- Стр. 2:** Преподобная Евфросиния Полоцкая. Древний Полоцк (реконструкция П. Татарникова). Спасо-Преображенский собор, Полоцк. (С. 5)
- Стр. 3:** Современный вид перестроенной Никольской церкви в Джизаке. Никольская церковь в Ура-Тюбе (гравюра, с фотографии капитана Кривцова). Современный вид перестроенной Никольской церкви в Чимкенте. (С. 52)

Восток Свыше. 2023, № 1–2 (LXII). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Денис БЫЧИХИН. «Деревце цвета хлеба...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Путешествие Евфросинии. 850 лет преставления преподобной
Евфросинии, игумении Полоцкой (23 мая 1173 года) 6

К 70-ЛЕТИЮ МИТРОПОЛИТА ВИКЕНТИЯ

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский ВИКЕНТИЙ.
«Будем всегда благодарны Богу!» 15

Анна МАТЮХИНА. От Скулян до Ташкента. Отрывки из книги 24

Диакон Сергей ГАЛИЕВ. Сказка о соборе 33

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!»
Голоса верующих 43

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Александр ГАЛАК. Православные храмы Сырдарьинской линии:
от Раима до Катта-Кургана 52

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Людмила БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО), Сергей БОРОШКО.
Военный востоковед Георгий Арандаренко 58

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Чарльз УИЛЬЯМС. Схождение Голубя. Краткая история Святого Духа
в Церкви. Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения Абдуллаева 92

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О Святом Духе. О благодарности 113

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 117

Содержание (окончание)

Евангельские страницы протоиерея <i>Сергия СТАЦЕНКО</i> Христианство и искусственный интеллект	132
<i>Михаил КАЛИНИН</i> . Разрозненные мысли	140

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

«Я понял, что это мой Крест и его нужно нести до конца» <i>Беседа с протодиаконом Александром НЕСИНЬИМ</i>	153
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Елена САФРОНОВА</i> . Поток истории. О рассказе Бориса Евсеева «Сухой брод»	157
---	-----

Авторы номера	161
----------------------------	-----

Информация для авторов	162
-------------------------------------	-----

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Денис БЫЧИХИН

*

Деревце цвета хлеба
дорастает до неба,
солнце над ним сияет,
солнце его выпекает.
Глядя на эту работу
в молчаливой пекарне,
ты понимаешь что-то
о благодарности тварной.

*

Господи наш Иисусе,
пусть мне снится Тунис,
рассвет корабельный в Сусе,
полдень белый, как водяная взвесь,
в Монастире,
весь спасаемый мир в этом мире.

Календарные страницы *главного редактора*

Путешествие Евфросинии

*850 лет преставления преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой
(23 мая 1173 года)*

В Полоцке били колокола и царила обычная в таких случаях суматоха. На улицах темнел народ, сквозь него, гикая и посвистывая, проносились всадники. В сереньком, мокрым воздухе угадывалась весна, которая должна была наступить, но всё медлила.

Евфросиния покидала Полоцк.

Игуменский ее возок был загодя приготовлен и ею же строго осмотрен: путь предстоял дальний и непростой. Готовы были и лошади, и люди, и всё было готово и только ждало ее.

Она медлила. И молилась дольше, и обход по монастырю совершала с такой неспешностью, точно не собиралась никуда. А может, и медлила оттого, что знала, что едет. Едет, едет, когда вернется? Пару раз коснулась ладонью монастырских стен. Прощается, поняли сестры. И сильнее запричитали, хотя слезы по монашескому уставу были не положены.

Плакали не только они – плакал весь город.

И вся братия ее горько скорбела ухода ради госпожи своей. И все горожане вышли проводить ее.

– Вернетесь ли, матушка?! Не забывайте нас, грешных!

– Вернусь, – отвечала игуменья, – если воля Божия будет. И вас не забуду...

Город лежал перед ней, как раскрытая книга. И пятиглавый Софийский собор, выстроенный дедом ее, Всеславом Чародеем. И княжеский терем. И серые воды Двины.

Всю жизнь читала она эту книгу, нарядные буквицы церквей, строки улиц, титла плывущих облаков. И сама украшала ее, выстроив нарядный Преображенский собор.

– Матушка!..

Снова от брата, Давыда Святославовича, со справою. Не переменяла ли своего решения? Наверно ли едет?

Справа была излишней. И брат Давыд, и сестрица Евпраксия, сопровождатели ее, знали: от решений и судов своих она не отступала.

Не отступит и теперь.

Блеклое, еще зимнее солнце дошло до полудня, когда из городских ворот выкатились расписные возки. За возками бежали полочане, крича и размахивая руками, но понемногу отстали. Какое-то время слышался за возками собачий лай. Вскоре стих и лай; собаки, постояв с высунутыми языками, побежали в город, к теплу и еде. Начинались густые леса. С возками остались только вершники, скакавшие рядом при оружии...

Так оно всё было или нет, сказать трудно. Много лет и зим пронеслось над Полоцком. Много воды, то прозрачной и сладкой, то соленой от слез и коломутной от крови, утекло в Двине.

Одно известно точно. На закате своем возымела полоцкая игуменья желание совершить давно задуманное путешествие. Игуменья ехала в Иерусалим.

Расчертив тонкой тросточкой пергаментный лист,
наметив высоту и ширину начальной буквы «вѣдѣ»,
Предислава отрешенно смотрит на белое пространство,
как на вспаханное поле,
готовое принять семена
Божественного Слова*.

Предислава. Или Предслава.

Так когда-то ее звали. Таково было ее детское, домашнее имя. Она оставила его, как оставила и родительский терем, и прихотливую трапезу, и многое другое.

Что означало прежде ее имя, сказать трудно. «Древняя слава»? Или, как думают, «прежняя слава», в память о былой славе Полоцка, склонившейся на закат?

Нет, Полоцк все еще оставался богатым и сильным. Правили в нем потомки Рюрика, из числа которых была и Евфросиния. Полочане все еще держали в своих руках весь торговый путь по Двине до самого Балтийского моря, собирали дань с латгалов, торговали с греками и варягами. Город все еще славился своими гончарами, косторезами и стеклодувами. А по числу жителей, около десяти тысяч, не уступал Киеву с Новгородом. И желал особенности, отдельности от Киева; чему в Киеве, конечно, рады не были.

Летом 1127 года киевский князь Мстислав Владимирович отправил на Полоцк великое войско. Евфросиния помнила этот набег, опустошивший всю ее землю. Мстислав посадил в Полоцке своего сына Изяслава, а местных князей выслал с семьями в Царьград, к императору Алексею. Был среди высланцев и отец Евфросинии, князь Святослав, ее сестры и братья.

В этой ссылке, длившейся десять лет, была, скорее всего, и Евфросиния. Вряд ли оставили ее, княжескую дочь, в беспокойном и враждебном Полоцке. Отправилась, стало быть, со всей своей родней водным путем в Царьград. Обучилась там греческому языку, философии, сиречь любомудрию, и каллиграфии, сиречь добротисанию.

Вот и теперь, прежде Иерусалима, едет она в Константинополь. Поклониться святым местам, поглядеть на места юности своей.

* Здесь и ниже стихотворные вставки – из поэмы Виталия Леоненко «Евфросиния Полоцкая. Литургия Слова».

Долог был этот путь на юг. То повеет теплом, то снова надует морозов; прежде, помнилось игуменье, погода была лучше и покойней. Много злости и игры стало в людях, оттого и наглые холода, и игривые ветры, вон как деревья колышет... Но – слава Богу за всё.

Скользит игуменский возок по снегу, точно долгую строку на свежем листе чертит. А в возке игуменья Евфросиния – то молится, то книгу жизни своей читает. Сколько сама книг перечитала и переписала, вот и эта книга идет к концу. И страницы стали темней и загибистей, и буквицы всё набок прилечь норовят.

8 апреля, на Святую Пасху, паломники достигли границ ромейского царства. Весна уже была в силе, звучала и цвела. А игуменья как-то поблекла и исхудала за дорогу. Но крепость духа сохраняла.

Здесь, на северных границах империи, паломники встретились с войском императора Мануила, шедшего на венгров.

Встреча вряд ли была случайной. Это еще два-три столетия назад Русь для гордого Царьграда была не слишком интересной окраиной мира. Теперь и империя ромеев уже не та – поблекла, ужалась под натиском сельджуков. И Русь не та, что прежде: окрепла, расцвела, переняв у греков вероучение, книжность и государственную хитрость. Мануил искал поддержки русских князей в борьбе с досаждавшими ему венграми. Киевский князь Изяслав Мстиславович – тот самый, при котором семья Евфросинии была сослана в Царьград, – поддерживал венгров. Значит, нынешние полоцкие князья были Мануилу друзья и союзники.

О чем беседовали Мануил и Евфросиния, неизвестно. Возможно, о Руси и Византии, о Киеве, о крестоносцах. О сложных делах веры. Об унии, на которой настаивал Ватикан, с коим Мануил, мечтая подчинить себе Италию, вступил в союз... Итальянским мечтам Мануила не суждено было сбыться; завоевания на юге полуострова будут вскоре утрачены; толки об унии, повисев в воздухе, растают сами собой.

Затем они разъехались. Мануил отбыл на запад, усмирять венгров. А Евфросиния продолжила путешествие на юг. Туда, где лежал великий город, подле которого на картах киноварью было выведено: Царьград.

Въ началѣ бѣ Слово

Слово живое исходит из алтаря с клубами кадильного дыма
Слово взлетает под своды вместе с первым рассветным лучом
Слово крытые лемехом башни зарей золотит
Слово в еловом бору из лосиного зоба трубою трубит
Слово на дальних озерах кричит криком утиных стай
Слово всплескивает плотвою на блестящей глади реки
Слово ветром поет в снастях византийских фелюг
Слово мечами гремит в кимвалы выпуклых франкских щитов
Слово погружает пера острие в киноварь, словно в огонь
Слово ставит багряный знак на девственной коже листа

Всю жизнь она прожила среди слов и молчания. Говорила мало, больше слушала; еще больше – вслушивалась. И вслушанное – тишиной поверяла.

Оттого и от брака отказалась, что тишину эту боялась потерять. Как ни гнал ее

отец в замужество (многих князей красота ее *на любовь привеле*), как ни угрожал, ни улещивал, слушала его Евфросиния, слушала, а сотворила по-своему. Бежала тайно в монастырь, к тетке своей, игуменье. Та оторопела: начала *телом утерпати и сердцем ужасатися*, отговаривать от монашества. И опалы княжеской страшилась: *Отец твой, уведев, со всяким гневом возложит вред на главу мою!*

Но Евфросиния и ее уговорила: недаром и риторству, и философии обучена была. Совершили над ней тайный постриг. К епископу посылать не стали, чтобы не случилось огласки; постриг ее монастырский священник.

Отец, конечно, «уведал». *Вреда на главу* игуменьи возлагать не стал, а свою не пожалел: явился в монастырь, *жалосно терзаше власы главы своея*. Евфросиния осталась непреклонна.

Да и знала уже заранее, что отец смирится. Из книг знала. Всё это уже в иные времена и в ином образе случалось. Была уже и Евфросиния, и отец, желавший выдать ее замуж, и тайный побег в монастырь. Только было то в Александрии, и та Евфросиния бежала в мужской монастырь, переодевшись юношей. До таких крайностей полоцкая княжна доводить свой уход не стала. Без переодеваний своего достигла. Помочил князь монастырский пол слезами, потерзал себе власы, да и смирился.

Осталась Евфросиния в монастыре. Вскоре перебралась в голбец, полуподвальную часть Софийского собора. Стала тишиной наслаждаться, молиться и книги переписывать.

Труд переписчика был нелегко. Буквы следовало располагать между четырьмя мысленно проведенными линиями. Переписывали, держа пергамент на ладони левой руки, локтем упираясь в колено. От такого телоположения ломило спину, затекала рука; за день переписать можно было не более четырех страниц. Потому и считался труд этот мужским; женщин-переписчиц были единицы. Преподобная Мелания Римляныня (383–439), переписывавшая книги Ветхого и Нового Завета. Мария Амнийская (770–821), супруга императора Константина Шестого, насильно отправленная им в монастырь... Были искусные переписчицы и в Западной церкви. В скриптории Шельского аббатства во Франции трудилось до четырнадцати монахинь. Рукописи сохранили их имена: Гирбальда, Гислидис, Аглеберта, Евсевия...

Труд переписчика требовал и внимания, и понимания; иначе не оберешься ошибок. Ошибки и так случались. Тут рука дрогнет, тут слово не так разберешь. Рукописные книги часто завершались извинениями переписчиков.

«Молим вы, егда учнете в сию книгу смотрети, аще что узрите в ней нашим забвением или нерадением, или неведением пройдено, и не исправлено, прощения просим. Простите, и не кляните, паче же Бога за ны молитесь. Аще кто в вас искусен, сам да исправит, и инех да научит».

Так, буква за буквой, строка за строкой переписывала Евфросиния церковные книги. Так, переписывая, писала книгу жизни своей, мысленно расчерчивая страницы дней и нанося на них буквы мыслей, слов и поступков.

Царьград лежал пред ней в своей угасающей славе. Но еще не тронутый тем смерчем, которым налетят на него через три десятилетия крестоносцы.

Еще покоятся в церквах мощи святых, привлекая к себе толпы поклонников (большую часть мощей вывезут крестоносцы). Еще красуется своими свитками и кодексами императорская библиотека, величайшая во всем христианском мире (почти всё это сгорит после захвата города). Еще стоит Студийский монастырь, славный, кроме прочих своих достоинств, школой доброписания и книгоделания (он тоже будет разрушен).

Крестоносцы пока еще дружелюбны грекам. Пока только приглядываются, присматриваются, примериваются. Как и на западных рубежах Руси, куда постепенно доходит второй рукав крестовых походов, и где вскоре и полоцким князьям доведется с ними столкнуться. Как и здесь, на ромейском юге, всё начнется с благих и горячих слов о вере. На юге это будет освобождение Гроба Господня, на севере – крещение ливов (предков латышей), вассальных Полоцку. В 1184 году в Полоцк прибудет монах-августинец Мейнард. «Получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира, которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил к Божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе», сообщал немецкий хронист. Вскоре, кроме церквей, Мейнард стал строить и крепости, а его преемник Бертольд уже явится в устье Двины с отрядом крестоносцев... В 1203–1204 годах (когда будет осажден и захвачен Константинополь) между полочанами и крестоносцами разгорится война. Окончится она для Полоцка неудачей, прибалтийские земли будут для Руси потеряны.

Но это пока в будущем. Теперь же Евфросиния, побывав *поклонившись, и благословившись от патриарха и покупивши различныя потребы, темиян и кадильницу злату, и иде во Иерусалим.*

Снова движется игуменья и сущие с ней вниз, на юг; снова листается пред ней пространство: горы, долины, виноградники. Засинеет и скроется море; опять засинеет во всю ширь, прошумит неподалеку – и снова исчезнет. Снова читает игуменья книгу жизни своей, чувствуя, что скоро уже откроется страница последняя. И чернил осталось на донце, и глаза застилают слезы, и рука, прежде твердая, всё больше дрожит.

Нет, не только над книгами всю жизнь прокорпела игуменья. Два монастыря основала – женский и мужской. Двух сестер родных к монашеству обратила – Гордиславу и Звениславу. Двумя святынями дорогими город одарила – древним образом Божией Матери Одигитрии, из самого Эфеса доставленным, и драгоценным Крестом, Лазарем Богшей, великим рукодельцем, по ее наказу выполненным. Теперь, на закате жизни, в два святых города, Царьград и Иерусалим, на поклонение путешествует.

Снова завиднелось море. Повелела игуменья остановиться, вышла, нетвердо ступая затекшими в пути ногами. Кричали чайки, под стопами паломников скрипела галька. Рядом шла родня, поддерживая ее под руки. Хрипло перекликались волны, на западе садилось тяжелое золотое солнце.

Двигалась линия путешествия Евфросинии, двигалась, и придвинулась к вели-

кому и славному городу, изображаемому на картах в виде крепости, над башнями которой поднимались кресты Гроба Господня.

Иерусалим был в ту пору столицей Иерусалимского королевства, образованного крестоносцами. Правил им Амальрик Первый, приходившийся Евфросинии дальней родней – через французскую королеву Анну, дочь Ярослава Мудрого.

Город лежал перед Евфросинией, дул теплый, почти уже летний ветер. Серели оливковые рощи. С холма была видна часть крепостной стены, желтая кровля арабской молельни, выстроенной на месте Храма, и пара небольших монастырей. После Царьграда всё казалось небольшим и скромным.

Игуменья опустила на колени и перекрестилась.

И пришедши во Иерусалим, и посла слугу своего Михаила к сущему тамо патриарху, глаголющи: «Владыко святой, сотвори милость на мне: повели ми, да отворят ми ся врата Христова».

Это были ворота в восточной части города, через которые, по преданию, в город въехал Христос.

Патриархом Иерусалимским был тоже Амальрик, только другой: Амальрик Нельский, пикардиец. После завоевания Иерусалима крестоносцы учредили в нем Латинский патриархат. Православные патриархи продолжали назначаться, но проживали в Константинополе.

Амальрик просьбу игуменьи выполнил. Врата Христовы медленно отворились.

И пришедши ко вратам, и паде на земли, глаголюще: «Господи Исусе Христе! Не вмени ми сего во грех, занеже изволих изследити по стопам твоим и внидох во святой град сей».

После того направилась сразу ко главной своей цели. *И иде ко Гробу Господню, и пришедши и поклонившись, целовавши Гроб Господень, и сущи с нею.*

В храме стоял сумрак, Евфросиния подняла голову. Сколько раз представляла она, как, поклонившись Ему, заплачет от невыносимой скорби и невыносимой радости. Но слезы не посетили ее. Вместо них пришел свет: свет и боль.

Три дня она ходила в храм Гроба Господня. Раздавала милостыню, молилась, кадила *златою кадильницею и многоразличными фимияны*. На третий день, водрузив кадильницу над Гробом, стала тихо благодарить Господа за то, что получила всё, чего так хотела. Оставалась лишь одна, последняя просьба.

– Прими дух мой в святом граде твоём Иерусалиме! – громко сказала игуменья.

На следующий день она заболела.

Она лежала в монастыре Богородицы, то забываясь, то приходя в себя. Забываясь, снова видела себя за переписыванием книг, расчерчивала листы, выводила буквы... Приходя в себя, отирала испарину и молилась. *Слава тебе, Владыко, яко восхоте и сотвори мне, рабе твоей!*

Об одном лишь жалела – не успела сходить на Иордан. Отправился туда брат ее, Давыд, сестра Евпраксия и прочие сподорожники ее. Она осталась ждать. И снова было забытье и книги, книги, книги. Они плыли по Иордану, не погружаясь и не

намокая. А может, не по Иордану, а по Двине, мимо родного и далекого Полоцка. И рыбаки и люди на берегу вылавливали их и читали, читали, читали...

От шума шагов игуменья очнулась и приоткрыла глаза. Давыд и Евпраксия стояли над ней, улыбаясь и держа водонос с иорданской водой. Хотели напоить ее, но она помотала головой: сама.

Она же, с радостью вставше и примше от них ерданскую воду, и пив, облияся по всему телу своему. И снова возлегла.

И более уже не вставала.

И впад в тонкий сон, увидела ангела, входящего к ней в келью.

– Блаженна ты в женах, – произнес ангел, – и благословен твой труд. Се, отверзуются тебе двери райские, и собрались все ангелы со свечами, ожидая встречи с тобой.

Сообщив это, ангел вышел.

И отправила Евфросиния спешно посланника в Лавру Саввы Освященного. «Вот, – писала игуменья, – пришло мне время, чтобы упокоил меня Господь; примете ли меня, чтобы мне лечь в церкви Святого Саввы?».

Савваиты отвечали, что и рады бы, но имеют запрещение святого Саввы – не принимать в обитель никакую из жен. Взамен предлагали другое, не менее достойное место, монастырь Феодосия Великого, где лежала и мать святого Саввы, и мать самого Феодосия, и мать святых Космы и Дамиана... «Там тебе и подобает лечь», писали монахи.

– Так тому и быть, – игуменья прикрыла глаза.

Проболев двадцать три дня, 23 мая она почила и была с честью погребена в Феодосиевом монастыре.

Монастырь этот, разрушавшийся, горевший, строившийся заново, стоит и по сей день. Но останков Евфросинии в нем уже нет.

– Вернетесь ли, матушка?! – кричали в Полоцке, провожая ее в Иерусалим.

Долгим и трудным было ее возвращение.

После захвата Иерусалима гроб с ее останками был вывезен на Русь. Но до Полоцка его не довели, а оставили в Киеве, в Феодосиевой пещере Киево-Печерской лавры. Времена были смутные, с востока шли монгольские рати, с запада – крестоносцы. Не до переноса мощей было. И хотя в Полоцке почитать Евфросинию начали уже вскоре после ее кончины, но поклоняться мощам ее ходили в Киев.

Так прошло семь веков. С начала девятнадцатого века полочане не раз просили вернуть им их святыню, на что киевские церковные власти отвечали отказом. В 1871 году, после очередного ходатайства местного епископа, в полоцкий Спасский монастырь был доставлен перст ее правой руки.

Лишь при Николае Втором было получено разрешение на перенос всех мощей. 20 мая 1910 года останки Евфросинии прибыли особым поездом из Киева в Полоцк. День был жарким, гремели колокола, на улицах темнел народ.

«Мы прождали с полчаса, – записывал в дневнике великий князь Константин Константинович. – Из пролета под насыпью железной дороги показалось шествие, развевались хоругви, блестели кресты и образа, слышалось пение: несли святые

мощи. И вот жители Полоцка встретили останки своей княжны, отсутствовавшей более семи веков. Картина была торжественная и умирительная. По отслужении молебна на месте встречи, крестный ход двинулся обратно в Полоцк, уже с мощами».

Мощи внесли в Николаевский собор. Через два дня, 22 мая, их торжественно перенесли в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. По обе стороны шествия стояли войска, с музыкой и знаменами. Близ монастыря были устроены зеленые украшенные ворота с надписью: «Гряди, радость наша, Преподобная Мати Евфросиния!».

Наконец, в воскресенье, 23 мая, в день кончины преподобной, мощи обнесли вокруг церкви и водворили в Спасо-Преображенском храме, выстроенном ею более семи веков назад.

Евфросиния вернулась; но, как оказалось, ненадолго. Разразилась Первая мировая война. Во время очередного наступления немцев, когда возникла опасность, что Полоцк будет оставлен, мощи вывезли в Ростов.

В 1920-м их вернули, но и в этот раз пробыли они в Полоцке недолго. Новая власть монастырь закрыла, крест Евфросинии изъяла, а 13 мая 1922 года вскрыла и сами мощи. Они оказались нетленными, что было объяснено «благоприятными почвенными условиями». Мощи отослали на атеистическую выставку в Москву, а после передали в Витебский атеистический музей.

Во время немецкой оккупации Полоцка монастырь был снова открыт. 23 октября 1943 года, с разрешения немецких властей, имевших свои цели, в Полоцк были возвращены и мощи Евфросинии.

В пломбированном товарном вагоне,
с путевым предписанием
от станции «Witebsk»
до станции «Polotzk»,
указанный в секретном распоряжении груз
прибывает в 23.40.
Выгрузка и погрузка – 20 минут.
Полоцкой полевой комендатуре –
выделить для сопровождения
две мотоциклетных команды
из десятого батальона СС.
Телеграммой генерал-комиссара фон Готтберга
епархиальному управлению
настоятельно рекомендуется
совершить в кафедральном соборе,
у мощей преподобной, молебен
о победе освободительной армии рейха
над иудо-коммунистической бандой.

Рокот моторов. Фыркает лошадь,
ей голову кружит бензиновый чад.
За подводой – полушепотом – пенье:
«Земле полоцкая, светло ликуй».

В октябрьскую стылую полночь
возвращается Евфросинья
в город родимый
безмолвно.

Как бы то ни было, но больше мощи не перевозили. В конце 1961 года по всей стране прошла новая волна закрытия монастырей, Спасо-Евфросиниевский был упразднен, монахинь выселили. Но Спасо-Преображенскую церковь, где покоились мощи, трогать не стали. Предполагалось, правда, передать их в местный краеведческий музей, но до этого не дошло. А с начала 1990-х и монастырь открыли, и новую серебряную раку для мощей, взамен изъятой большевиками, изготовили...

На том пока завершилось долгое путешествие игуменьи. Вернулась она в свой Полоцк после долгих странствий. Вернулась телом. А душой – и при жизни пребывала не в Полоцке, не в Царьграде, и даже не в Иерусалиме. Разве что в том, Небесном, где ни ржа не истребляет, ни вор не подкопает, где неверные не порушат и неверующие не напакостят.

На том и мы завершим наше писание. Ежели же найдете какую в нем оплошность, простите и не кляните, а Бога за нас молитесь; а ежели кто из вас искусен, пусть сам исправит и иных научит.

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский ВИКЕНТИЙ

«Будем всегда благодарны Богу!»

Слово в неделю 27-ю по Пятидесятнице

Дорогие отцы, братья и сестры, в этот воскресный день святая Церковь нам предлагает Евангельское поучение о десяти прокаженных, которых Господь исцелил от этой страшной болезни. Она делала этих людей изгоями, они не могли быть вместе с людьми, ибо это заразная болезнь. Им не позволяли приближаться к городам и селениям; кроме того, они находились в страшном положении, тело их разлагалось, и они терпели большие страдания и мучения. И вот, они услышали, что идет по дороге издали Христос Спаситель, и они воззвали к Спасителю, чтобы Он их помиловал. И Господь сказал им: идите к священникам, чтобы они засвидетельствовали ваше исцеление. Они пошли и по пути исцелились. Однако только один из них пришел к Господу, чтобы возблагодарить Его за это благодеяние.

Это повествование, это Евангельское событие актуально и сегодня. Человек, когда бывает в трудности, молит, просит, дает обещания, что если исцелится от болезни, если Господь избавит его от трудностей и испытаний, то он будет постоянно в церковь ходить, причащаться, исповедоваться, молиться, быть с Богом... Много обещает. Но вот Господь исполняет его просьбу – и человек забывает свои обещания. Так же было и тогда. Десять было прокаженных, десять больных страшной болезнью, десять исцелились, и только один пришел поблагодарить. Очень многие получают от Бога благодеяния, но мало кто приходит к Нему, чтобы воздать Ему славу, чтобы возблагодарить за это.

Святая Церковь установила такой порядок, чтобы мы каждый воскресный день приходили и благодарили Бога. Господь, зная нашу немощь, нашу слабость, наше нежелание часто посещать церковь, установил такой порядок. Хотя бы один день за всю седмицу. Представьте, сколько благодеяний Господь нам оказывает в течение одной седмицы! Пожертвуйте хотя бы несколькими часами вашего времени, придите, возблагодарите Его за эти благодеяния. Но мы даже этот порядок нарушаем! А если в течение многих месяцев, лет, то какое огромное количество благодеяний, оказанных нам Господом, накапливается без благодарения. И когда мы придем к Богу на Страшном суде, Он спросит: «А где же вы были?!

Почему вы не благодарили, Я же вам помогал? И помогал очень много, а вы не благодарили».

Но мы с вами должны благодарить Его не только за благодеяния, но за все, даже за болезни, даже за трудности, даже за неудачи. У святителя Иоанна Златоустого есть такие слова: «Слава Богу за всё!». Этот святитель, величайший подвижник нашей Церкви, столп Веры Православной, терпел очень много гонений, скорбей и болезней. И в этих скорбях он видел благоволение Божие. Поэтому он в конце своей жизни сказал: слава Богу за всё, за скорбь и за радость!

Ведь в жизни бывает очень много и скорбей, и болезней, и трудностей. Сам Господь сказал, что путь в Царство Божие узкий и тернистый, скорбный, но ведущий в жизнь вечную. И мы должны понимать этот путь нашего избрания, чтобы мы возблагодарили Бога за все, и за скорбь, и за радость. Ведь чаще всего мы имеем скорби, трудности и болезни, и неудачи в этой жизни по каким-то своим похотям, греховным своим наслаждениям и удовольствиям. И если Господь попускает, чтобы мы болели, то нужно понимать, что этими болезнями Он нас как-то удерживает от греховных дел и греховных поступков. Это тоже Божие благодеяние, и за это тоже надо Его благодарить. Господь есть добро, и делает нам Он только добро. Мы сами, со своими греховными наклонностями и страстями, доставляем себе много болезней, скорбей, трудностей и испытаний. Мы виноваты, а не Бог. И Господь даже в таких случаях благоволит к нам, покрывает Своей любовью наши грехи и старается нам чем-то помочь. И за это тоже должна быть наша благодарность.

Но если нам иногда бывает трудно увидеть любовь и промысление о нас Бога в тех скорбях и неудачах, которые Он попускает случаться с нами, будем благодарить Его хотя бы за оказываемые Им явные благодеяния. Есть ведь и удачи, и очевидная помощь Божия, когда у нас что-то получается.

Поэтому хотя бы один раз в неделю, в воскресный день, мы должны прийти в Церковь, чтобы возблагодарить Бога за то, что Он был распят за нас, чтобы нас искупить и даровать нам вечную жизнь. Это великий подвиг, который Он совершил для нас. Что Он дал нам возможность унаследовать Царство Божие вот этим искупительным подвигом на Кресте.

Дорогие братья и сестры, ежедневно мы совершаем Божественную Литургию, чтобы возблагодарить Бога за всё: за то, что Господь дал нам воздух – дышать, за то, что дает нам силы трудиться, зарабатывать себе на хлеб и кормить себя и свою семью, – всё это тоже Божие благодеяние. За то, что Господь дает нам здоровье, крепость сил душевных и телесных. Каждый день можно приходить в церковь и благодарить за это Бога. Но если это кому-то тяжело, то хотя бы один раз в неделю, в воскресный день, мы должны прийти сюда с тем, чтобы пожертвовать Богу за эти благодеяния. Из Евангелия вы знаете, что Господь стоял один раз у сокровищницы храма Божия и видел, как люди делают туда богатые жертвования. Одна бедная женщина вложила туда самые последние свои копейки. И Господь ее похвалил и сказал, что эта женщина пожертвовала Богу больше, чем все те, которые вложили свои богатства, потому что она от своего сердца полностью, всё, что имела, отдала Богу. И Господь, конечно, ее заметил и воздал ей честь.

Во время Божественной Литургии, когда мы уже готовы к тому, чтобы совершить великое Таинство – Пресуществления Святых Даров в Тело и Кровь Христовы, когда вино пресуществляется в Кровь Христову, а хлеб – в Тело Христово, мы слышим такие слова: *Горé имеем сердца!* «Горé», то есть – к Престолу Божию; и благодарим Бога за то, что Он дал нам это Таинство, и благодарим за все те благодеяния, которые Он совершает, нам ведомые и неведомые, видимые и невидимые. Ведь Литургия есть благодарение Бога за то, что Он дал нам для нашего спасения, для нашего возрастания в Боге. Поэтому мы должны прийти и вместе с Церковью, со всеми нашими братьями и сестрами возблагодарить Бога.

Вы знаете, что Господь сказал, что если кто не причастится Тела и Крови Христовой, Царства Божия не наследует. Вот благодеяние Божие, вот милость Божия, вот любовь Божия к нам. И Он дал нам это таинство, чтобы мы благодарили, причащались, ради нашего же блага, для нашего возрастания в Боге, для получения Царства Божия.

Или вот другая евангельская притча, о талантах. Господин одному дал пять талантов, другому – два, третьему – один. Те двое использовали эти таланты и с благодарностью принесли Ему еще больше, а этот зарыл свой в землю и еще стал обвинять своего Господина: *Господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле* (Мф. 25, 24-25). И тогда Господин сказал: отдайте этот талант тому, который имеет десять талантов. То есть, тому, который благодарит, трудится и радуется благодеяниям Божиим, Господь дает больше. А у неблагодарного забирается и то, что тот имеет. Вот такая особенность этой добродетели благодарения.

Благодарность имеет очень большое значение для нашего блага. Когда Господь видит наше благодарное сердце, Он еще больше дарует нам благ и милости для достижения Царства Божия. Поэтому, дорогие братья и сестры, будем всегда благодарны Богу и будем всегда его благодарить, и за это Господь даст еще больше милости и заступления, и помощи в нашей жизни. С праздником всех вас!

Слово в день памяти мученика Вонифатия Тарсийского (19 декабря/1 января)

Дорогие братья и сестры, этот воскресный день совпал с Новым годом. Мы вступили в новый 2023 год и приближаемся к великому празднику Рождества Христова. И казалось бы, что уже прошло 2000 с чем-то лет с момента пришествия Христа Спасителя, и мы должны были бы за это время укрепиться в вере и любви ко Христу, чтобы отдать себя Богу за то, что Он так много нас полюбил, и так много сделал для того, чтобы нас спасти, и так много Он делает для нашей земной жизни, помогая нам во всех наших нуждах и печалях.

Но, к сожалению, мы видим, что люди, которые должны были прийти сегодня в церковь, чтобы исполнить заповедь Божию, что в воскресный день необходимо посвятить себя Богу, эти люди, многие из них, сегодня не пришли. Они забыли, что в воскресный день следует прийти в церковь, возблагодарить Бога за Его благо-

деяния к нам и попросить у Бога помощи в предстоящем году, чтобы этот год был мирным, благополучным, успешным, благословенным. Вот как нужно было бы нашим верующим людям относиться к этому воскресному дню, пусть даже этот день и совпал с празднованием Нового года.

Я хотел всех вас, дорогие братья и сестры, поблагодарить за то, что вы поставили на первый план почитание воскресшего Бога, Христа Спасителя. За то, что вы поставили для себя приоритетом любовь к Богу, исполнение заповеди Божией о седьмом дне, о том, что шесть дней мы делаем, а седьмой должны отдать Богу, отдать своему духовному возрастаню в Боге.

Дай Бог всем вам здоровья, крепости сил душевных и телесных и помощи Божией в предстоящем новом году. Чтобы действительно Господь всех вас, всех нас благословил в этот год, и чтобы все наши дела, которые мы будем совершать в этом году, были бы успешными. Чтобы мы возделывали нашу душу, чтобы она была смиренна, кротка, терпелива, послушлива, милосердна, любвеобильна. Чтобы она была дружелюбна, чтобы наша душа была исполнена многими добродетелями, которые нас делают богатыми, счастливыми. Чтобы мы были осенены благодатью Божией за исполнение воли Его, за то, что мы с вами стараемся отречься от своей воли и жить по Его воле, взяв свой крест и следуя за Христом, как заповедовал нам Христос Спаситель.

Сегодня мы вспоминаем труды и подвиги святого мученика Вонифатия. Он, как и многие из нас, тоже был объят в свое время земными утехами, удовольствиями, наслаждениями. Но он полюбил Христа и захотел пострадать за Христа, захотел, чтобы страданиями за Христа сподобиться вечной радости со Христом в Царстве Божием, и сподобиться мученического венца.

И вот теперь мы молимся Ему, чтобы Он помогал нам тоже отречься от всего мирского, от всего того, что нас привязывает к земле, и чтобы мы могли думать о Небесном, как говорит апостол Павел: *О горнем помышляйте, но не о земном* (Кол. 3, 2). И мы молимся мученику Вонифатию о том, чтобы по его ходатайству Господь помог людям избавиться от чрезмерного употребления спиртных напитков. В этом помощь этого святого особенно велика, ведь сам он первоначально в своей земной жизни был одержим этим грехом.

И дай Бог, чтобы наша молитва к мученику Вонифатию, к Богу, была бы сильна и действенна. Дай Бог, чтобы окружающие нас люди, наши близкие и наши родные, страдающие от этой зависимости, по нашим молитвам святому мученику Вонифатию от этой страсти были избавлены, чтобы в семьях и в обществе меньше было бы страданий и мучений от нее.

Всех вас, дорогие братья и сестры, еще раз поздравляю с воскресным днем; этот год начинается с воскресения Христа Спасителя, с праздника великого торжества, победы добра над злом, жизни над смертью. Дай Бог, чтобы предстоящий год был действительно победой над всяким злом, над войнами и страданиями, и этот год был годом установления мира, благополучия, радости, братолюбия и человеколюбия! Чтобы мы чтили друг друга, уважали и дружественно выполняли свои обязанности православного христианина в добре, в милосердии, в сострадании, в снисхождении друг к другу, любви и братолюбии!

Слово в неделю 28-ю по Пятидесятнице перед Рождеством Христовым, святых отец

Дорогие отцы, братья и сестры! Сегодня мы вспоминаем своих отцов, которые были сродниками Христа по плоти и через которых Господь напоминал о том обетовании, которое Он дал прародителям нашим после их грехопадения. Господь тем самым проявил особую любовь и особую милость к нам, к людям. Ведь после такого падения греховного, казалось бы, Бог должен был разгневаться так, чтобы отвернуться от человека и больше на него не смотреть. Человек так неправильно поступил с Богом, нарушил заповедь Божию, нарушил послушание Божие, преданность Богу за все Его благодеяния, которые Он совершил для него. Но Господь, зная и имея любовь к Своему созданию, сразу же дал обетование, обещание, что Он пошлет Сына Своего едиnorodного и искупит от греха, проклятия и смерти.

Это обетование проходило через весь Ветхий Завет, через праотцев, отцов и пророков. И народ Ветхого Завета хранил как большую ценность это обещание и ожидание пришествия в мир Искупителя, Христа Спасителя нашего. Люди Ветхого Завета жили верой в Его пришествие, и эта вера не была посрамлена. Христос Спаситель пришел на землю и совершил дело нашего искупления!

Для того, чтобы создать первого человека, нужно было только одно – это совет Святой Троицы: *Создадим человека по образу и по подобию Нашему* (Быт. 1, 26). *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт. 2, 7). И был этот человек вершиной всего создания, венец всего создания. Господь наделил этого человека особыми дарованиями, которые не имел никто из тех, кого Господь создал на этой земле. И вот Господь, несмотря на грехопадение, отступление от Него, и предательство Его, сохранил Свою верность, Свою любовь к человеку. Ибо *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). И эта любовь, особенно к человеку, неизменна, при всех тех падениях, которые совершает человек.

Мы предаем Бога, мы отступаем от Бога, а Он остается верным человеку, и готов его помиловать, простить, и совершить дело его искупления, очищения. Вот это очень важно. Мы с вами должны, дорогие братья и сестры, сознавать, что Бог неизменен. Он любит, и эта любовь не меняется никогда. Мы любим ближнего своего, но если он что-нибудь натворит, мы уже от него удаляемся, отвергаем, не принимаем, не признаем его. Вот это наше человеческое состояние души. А Бог, при всех наших беззакониях, все равно нас сохраняет и готов помочь, ибо Он неизменен. Такова особенность Божественного естества. Конечно, нам нужно тоже стремиться к тому, чтобы наша любовь к Богу и людям была такой же, как и любовь Бога к человеку, к Своему созданию. Если посмотреть на всю историю человечества со времен Ветхого Завета и даже Нового Завета, мы видим, сколько человек совершал беззаконий и падений, но Господь от человека не отказывался. Он наказывал, Он вразумлял, Он по-всякому старался как-то научить, но от человека Он не отвернулся.

И вот эту любовь Божию к человеку мы видим в Новом Завете, когда Господь пришел на землю, воплотился от Духа Святаго и Девы Марии. Более того, Он не

имел даже места для рождения. Мы сегодня слышали евангельское повествование о Рождестве Христовом, Он родился в нечеловеческих условиях, в яслях для скота. Но и это Его не обидело, Он знает, что Он пришел помочь людям. Да, вот таковы мы, люди, – грешные, предатели, предаем Бога, а Он нас не предает, Он нас спасает, Он нас любит, Он нас возводит из глубины греховной, чтобы дать нам Царство и вечную радость с Ним в обителях Небесных.

Повторю, люди Ветхого Завета жили надеждой на пришествие в мир Христа Спасителя, который должен был искупить их от греха, проклятия и смерти. Они жили надеждой, что Господь придет и искупит или избавит их от вечных мучений, потому что все люди – и праведники, даже святые люди, не говоря уже о грешниках, – все после смерти сходили в ад. И они жили надеждой и верой, что придет Искупитель, который выведет их из глубин ада.

Сейчас мы живем уже после – когда уже пришел Христос Спаситель на землю, и совершил дело нашего искупления, и уже вывел всех из ада, и открыл двери райских обителей. И мы можем напрямую идти в Рай, живя здесь, на земле, благочестно и богоугодно и пользуясь теми благами, той полнотой благодати Божией, которую дает нам Господь в Церкви своей. Он – основатель Церкви, и Он наделяет Церковь благодатными дарами для укрепления нас с вами в добродетельной христианской жизни. Поэтому Он и учит нас, чтобы мы шесть дней делали, а седьмой посвятили Господу Богу нашему, который готов в этот седьмой день нам дать все то, что необходимо для нашего блага, для нашего спасения, для нашего возрастания в Боге и добродетельной жизни. Но мы, к сожалению, и здесь проявляем свою самость, и мы еще Богу пытаемся противоречить, пытаемся как-то показать себя даже выше Бога. Мы говорим: я сейчас занят, я не могу, вот, поэтому не могу выполнить свои обязательства. Это и наша дерзость, и наше маловерие. Мы не понимаем или не осознаем те великие блага, которые совершил Господь ради нашего искупления. Он сошел с небес, родился в яслях для скота, терпел много страданий на земле. Для чего? Для того чтобы нам дать вечность, блаженную вечность.

Конечно, мы должны Его любить, это естественно. Такого благодетеля надо любить, уважать, ценить, к Нему надо идти, слушать Его, выполнять все Его слова. Но, к сожалению, мы этого не делаем. Мы по-своему живем, по своим прихотям, похотям, по своим соображениям, а не по соображениям божественным. Но Господь остается неизменным – любит нас, хочет нас возвести к благу, к добру, к вечной жизни. И нам с вами, дорогие братья и сестры, нужно пользоваться этими благами, которые Господь бескорыстно дает каждому, любому человеку. Но человек должен быть разумным. Раз Господь ему дает, даже тогда, когда он не совсем достоин этого дара Божия, то человек должен проявить то же и к Нему, к Богу. Раз Господь мне помогает, то я тоже должен воздать Ему взаимностью. А что Он хочет от нас? Исполнения Его святой воли и отказа от своей воли. Но мы этого тоже, к сожалению, не делаем, а все живем по-своему.

Сегодня мы также празднуем память святого праведного Иоанна Кронштадтского, чудотворца. Мы его называем «всероссийским батюшкой»: в свое время вот такой ревностью к Богу, преданностью Богу он сподобился многих даров. К нему обращались с письмами со всей необъятной России, даже из-за рубежа, и он всем

отвечал, и по его молитвам происходили и исцеления, и многие тяжелые вопросы решались. У него было такое правило: он приходил на службу рано, в 4 часа утра, и совершал Литургию, причащал, а в храме бывало до пяти тысяч человек. И всех он причащал, всех исповедовал, а после службы в алтарь ему приносили все те письма, которые прислали со всех концов мира. И он перед Престолом Божиим молился и всем давал ответ. Например, человек просил здоровья, помощи в семейных вопросах – и по молитвам святого праведного Иоанна их получал.

Как не почитать такого святого нашей Церкви, как не любить его? Ведь если он тогда, живя на этой земле, имел такое дерзновение к Богу о даровании людям всего, что необходимо для их жизни, – тем более, сейчас, в сонме святых, он имеет дерзновение к Богу, чтобы у Престола Божия вымолить для нас всё то, в чем мы нуждаемся. Всё может, но мы к нему не обращаемся. Когда он жил, то к нему приходили тысячи людей каждый день и получали по его молитвам помощь. А мы к нему не обращаемся, мы не имеем той веры, какую имели тогда наши отцы и матери. Дай Бог, чтобы по молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского Господь оживил нашу веру, наше благочестие, нашу любовь к Богу, ко Христу!

Дорогие братья и сестры, мы вступили непосредственно в предпраздничные дни Рождества Христова, пришествия в мир Сына Божия. Великая благодать нас посещает в эти дни. Поэтому оставшиеся дни Рождественского поста постараемся соблюдать его в той строгости, как они уставом нам предписаны. Тогда мы сможем достойно встретить в чистоте своего сердца, в покаянии, в исправлении, эту великую благодать божественную, которую Господь ниспошлет нам с Небес от Царствия своего Небесного, от вечной жизни, где пребывает множество святых угодников Божиих, которые жили на этой земле и сподобились этой вечной радости, вечной жизни Царства Христова!

Всех вас поздравляю с сегодняшним воскресным днем! Уже на этой неделе, в пятницу, мы будем встречать великий праздник Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому поздравляю, будем готовиться, будем стараться достойно принять и встретить этот великий, спасительный для нас праздник!

Слово в неделю 32-ю по Пятидесятнице, попразднство Богоявления

Дорогие отцы, братья и сестры! Сегодня мы снова обращаемся к тому великому событию, событию Богоявления, в котором проявилась вся Святая Троица, вся полнота Божества. Сын Божий окунулся в водах Иорданских, Бог Отец возвещал: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение* (Мф. 3, 17), и Дух Святой сошел на Сына Божия в виде голубя.

Для нас с вами, дорогие братья и сестры, это большое и великое откровение Божие о Своем существе. И мы говорим о том, что Бог един по существу и троичен в лицах. Эта великая божественная тайна бывает для нас очень неудобопонимаемой, но Господь говорит нам на Иордане об этой тайне, раскрывает перед нами ее. Он раскрывает, что в деле нашего освящения, нашего спасения, нашего воскресения

ния и возрождения для Царства Небесного, в этом таинстве нашего возвращения к тому, что мы потеряли в Раю, участвует вся Святая Троица, вся полнота Божества, как и в деле создания человека. Мы помним эти слова: *Создадим человека по образу и по подобию Нашему* (Быт. 1, 26). И в возрождении падшего человека, который в Раю преступил заповедь Божию о послушании, о воздержании, о смирении и был изгнан из Рая, – Святая Троица вновь вступила в Свое творческое деяние в деле возвращения человека в те обители Небесные, которые он потерял. Господь еще в Раю говорил человеку, что Он придет и спасет человека от этого рабства греха, от рабства дьявола. Пришел Христос Спаситель, человек в полноте человеческого естества, но безгрешный, соединивший в Иисусе Христе и Бога, и человека.

И вот Христос Спаситель сходит в воды Иордана и освящает своей святостью это водное естество, чтобы тем самым освятить человека, освятить все, что окружает нас в этом мире, всю природу, и создать человеку условия для его возрастания в Боге, возрастания к Царству Небесному. Вот такое попечение и промышление Божие, полнота Божества, открывшаяся для человека. Какая любовь, какая великая любовь! Какое милосердие!

Это великое милосердие Божие к нам, к людям: несмотря на нашу греховность, на нашу удаленность от Бога, когда мы не ищем Бога, Он, Творец, ищет нас, чтобы восстановить нас в прежнем состоянии. Мы видим в Рождестве Христовом, что когда Христос пришел, не было места для Его рождения, в городе все было занято, люди занимались своими делами. Как и сейчас тоже говорят, что мы все заняты, некогда идти в Церковь, некогда служить Богу, некогда думать о своем спасении, о своем восстановлении в Царстве Божиим... Но Бог не оставляет Свое создание, Бог проявляет Свою любовь, Бог проявляет Свое милосердие и терпеливо ждет, когда мы с вами все-таки обратимся к Нему и попросим у Него помощи, чтобы Он помог нам восстать из нашего греховного состояния. И сегодня мы слышали в Евангельском повествовании слова, которые произносит Христос Спаситель сразу после Своего выхода на служение: *Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!* (Мф. 4, 17). Господь призывает нас к покаянию, ибо через покаяние возможно возрасть в Боге и достигнуть Царства Божия, вечной жизни, которую человек потерял, будучи в Раю, своим непослушанием, своей гордостью, своим невоздержанием. Нам нужно лишь вооружиться такими добродетелями, как покаяние, сознание своей греховности, воздержание от всего греховного делания, избавиться от непослушания воле Божией и жить по Его воле.

И вот перед нами, дорогие братья и сестры, сонм святых угодников Божиих, которые прислушались к голосу Христа Спасителя с первых же Его воззваний к покаянию и исправлению. Уже более двух тысяч лет этот голос Божий громко возвещает нам о нашем покаянии, о нашем исправлении и призывает к Царству Небесному, к вечной жизни. Люди так сильно прилепились к земле, так сильно оземлянились, что Господь продолжает говорить: «Покайтесь!». Ибо не земная жизнь для нас важна, а вечная жизнь в Царстве Божиим, которое принес нам на землю Христос Спаситель. Он Сам прошел весь путь земного странствования, и взошел на Небо через страдания, через крестные мучения, через Свое славное воскресение, и сел одесную Бога и Отца. Вот Он показал нам путь в Царство Божие.

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский ВИКЕНТИЙ. «Будем всегда благодарны Богу!»

И Он готов в любое время прийти к нам на помощь, чтобы мы могли бы пройти этот путь земного странствования к Небу, в Царство Небесное. Он говорит нам: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 28-29). Раз Он кроток и смирен сердцем, а мы Его ученики, то мы тоже должны наполниться кротостью и смирить наши сердца. И тогда Его бремя будет легким. Когда мы следуем за Христом, тогда Христос в нашем земном странствовании помогает нам возрастать в Нем. И для нас становится легко переносить все тяготы этой жизни, потому что с нами Христос, который пронес этот Крест на Своих плечах и знает нашу тягость, нашу слабость. Он готов прийти на помощь и возвести нас к обителям Небесным.

Поэтому, дорогие братья и сестры, в эти дни святого праздника Крещения Господня особая благодать Божия сходит с Небес и объемлет нас, и готова помочь нам нести все свои труды для того, чтобы достигнуть Царства Христова, к которому призывает нас Христос Спаситель, говоря: *Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!* Аминь.

Анна МАТЮХИНА

От Скулян до Ташкента

Отрывки из книги

От редакции. В 2015 году в издательстве «Сократ» (Екатеринбург) вышла богато иллюстрированная книга екатеринбургской журналистки и писательницы Анны Матюхиной «Строитель, наставник, воин Христов», рассказывающая о жизненном пути митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Викентия. Учитывая, что книга в Узбекистане имеется в единичных экземплярах, ВС публикует ниже небольшие фрагменты из нее. Они посвящены периоду до назначения владыки на Ташкентскую кафедру.

Детство. В краю роз

Лето начала 1960-х. Раннее утро. Еще не горячее, благодатное и животворящее солнце, каким оно бывает на рассвете, проливается на плодоносную землю Молдовы...

Солнце развеивает туман над знаменитой рекой Прут, давшей название Прутскому походу Петра Первого, состоявшемуся в 1711 году. Поход историки причислили к неудачным, однако вслед за потерпевшим поражением императором через «окно в Европу» в Россию перебрались тысячи молдаван во главе с князем Дмитрием Кантемиром, чей сын Антиох стал признанным оплотом российской словесности, а дочь Мария, по преданию, чуть было не сделалась преемницей Екатерины Первой. Так что будущая уральская столица могла бы быть названа не Екатеринбург, а Мариенбургом...

Но вот солнце проникает в Скуляны (они же Скулены, они же Скулень), маленькое уютное село в Унгенском районе Молдавии, что на границе с Румынией. Село, чье население по численности никогда не превышало четырех тысяч человек.

Унгенский район прославился, помимо Петровского похода, тем, что именно на его территории был установлен обелиск Григорию Потемкину, который скончался в 1791 году по пути из Ясс (там, к слову, в 1637–1643 годах была открыта первая молдавская типография) в Николаев. А еще знаменитый создатель Эйфелевой башни инженер Гюстав Эйфель спроектировал в 1877 году железнодорожный мост через ту самую историческую реку Прут...

Впрочем, мальчик, которому предстоит прославить село Скуляны Унгенского района Молдавской ССР, пока еще ничего об этом не знает. Ни про поход Петра, ни про то, что рядом с его родным селом проходили кровавые столкновения греческих повстанцев с турками, ни про то, что в его родных Скулянах бывал гайдук Георгий Кирджали, которого Пушкин увековечил в повести «Кирджали». Обо всем этом мальчик узнает позже. А пока он искренне любит цветущими садами и богатыми виноградниками, окружающими село, играет со сверстниками в собственные их возрасту игры. Зимой детвора с удовольствием катается на санках и на коньках, летом бегают наперегонки и играет в прятки.

Семья живет, прямо скажем, довольно скромно, но не бедствует: одноэтажный дом из глины, небольшое хозяйство, в котором лошади, свиньи, коровы, овцы. Матушка, Доминика Ивановна, помимо забот по дому, подрабатывает портнихой. А дети – их двое, Виктор и Анатолий, – как могут, помогают взрослым. Днем вода в селе – на вес золота, так что для того, чтобы всю живность напоить, набирают воду по утрам из-под крана ведрами.

Один из способов заработка – труд в местном совхозе, где выращивают розы и лаванду для эфирномасличного завода. Поэтому порой утро у Виктора и его брата бывает совсем не детским. Ответственное отношение к своему делу и к окружающим людям Виктор Морарь сохранит и потом, уже в бытность свою архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским, а потом и митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием. Мальчик, который сейчас в меру своих сил работает на винограднике и собирает розы и лаванду в совхозе, не может даже предположить, что ему предстоит в будущем. Пока же жизнь не только дарит его семье аромат самых прекрасных цветов на свете, но поворачивается и своими шипами...

Об этих бескрайних цветущих полях он вспомнит потом, спустя десятилетия, когда окажется на другом конце православного мира, в Узбекистане.

Итак, мальчика зовут Виктор Морарь. Он родился 4 октября 1953 года, почти через полгода после смерти Сталина, в православной семье, где было принято отмечать церковные праздники.

Хотя в 1940 году состоялось окончательное присоединение Бессарабии, ставшей для Советского Союза и Румынии (которой она принадлежала с 1918 года) яблоком раздора, к атеистическому СССР, семья Морарей по-прежнему хранит верность православной традиции.

По мнению исследователей, верующим в советской Молдове дышалось ничуть не легче, чем, к примеру, в Москве или Питере, где каждый последователь религии был в своего рода черном списке у глашатаев атеистической пропаганды.

А еще Бессарабия, переходившая одно время от России к Румынии и обратно, как мячик для пинг-понга, сохранила атмосферу подлинной толерантности. Возможно, потому, что представляла из себя сложный этнический микс из фракийцев, гето-даков, римлян, гуннов, славян, монголо-татар, греков-фанариотов, поляков, венгров, цыган и многих других народов.

Например, в тех же Скулянах была довольно большая еврейская община: по переписи 1897 года, из 3375 жителей 1555 были евреями. Однако все проживаю-

щие в селе народности жили в мире и согласии, и это терпимое отношение к окружающим, как и трудолюбие, будущий митрополит сохранит навсегда.

Все же быть православными, тем более – людьми, не скрывающими свою веру, в СССР было, как говорится, себе дороже. Тем не менее каждое воскресенье семья Морарей посещала церковь. Церковь находилась недалеко, за 14 километров от села, и в храм добирались когда пешком, а когда на повозке. В Пасхальную Радоницу ходили все вместе на кладбище. И эти семена веры, заложенные родителями, дали свои плоды: и Виктор, и Анатолий стали священнослужителями. Родители тоже выбрали путь веры – отец будущего владыки Викентия, Александр Дмитриевич, стал игуменом Патроком, матушка – монахиней Параскевой. Чтобы в полной мере оценить значение подобного выбора, сделанного семьей, нужно оглянуться назад.

Русская Православная Церковь переживала в послевоенные годы далеко не лучшие времена: недолгое лояльное отношение власти к Церкви, проявившееся во время Великой Отечественной войны, когда Сталин был заинтересован в консолидации общества, закончилось. В прессе начали делать особый акцент на несовместимости коммунистических и религиозных взглядов. Несколько архипастырей были арестованы, получили внушительные сроки. Арестовывали преподавателей и учащихся Московской духовной академии.

После 1953-го аресты церковнослужителей так и не прекратились окончательно, так что выбор в пользу религиозного пути означал почти неизбежное самопожертвование для того, кто этот выбор делает.

Кроме того, притеснения властей коснулись и бытовой стороны жизни – на крепких хозяйственников стали смотреть искоса, угрожали отобрать скот. Считалось, что семья, которая имеет больше одной коровы или овцы, уже слишком «заелась». Неудивительно, что даже работающие и преданные родному краю люди, которых «били по рукам», были вынуждены терпеть – или уезжать.

Так что семья Морарей, продав всю домашнюю живность, переехала в Кишинев, где поначалу жизнь складывалась очень непросто, приходилось даже скитаться по подвалам. Но, несмотря на все лишения, к пище духовной стремились: сразу после переезда стали ходить в церковь (в Кишиневе на ту пору было четыре действующих церкви).

Священники, которые проводили службы, были на особой заметке у КГБ. За ними следили, не давали свободно проповедовать, общаться с прихожанами. Однако даже вопреки опасности верующие продолжали посещать храмы.

К тому, чтобы посвятить себя церкви, Виктор и Анатолий (к слову, оба были и октябрятами, и пионерами) пришли не сразу. Анатолий хотел поступить после школы в политехнический институт, Виктор – в медицинский. Особенно большое искушение избрать светский путь было, пожалуй, у юного Виктора, поскольку его тетя по материнской линии работала именно в «меде» и обещала свою протекцию. Так что еще чуть-чуть – и мог бы будущий владыка отчасти повторить путь святителя Луки Войно-Ясенецкого, который брался одновременно лечить и тела, и души.

Вопрос с дальнейшим образованием решил отец мальчиков, который трудился

в обоих вузах и много общался со студентами и преподавателями. По его наблюдениям, в светских учебных заведениях царила откровенно атеистическая атмосфера, в которой верующий человек был вынужден постоянно кривить душой. Поэтому он стал настраивать Виктора и его брата на поступление в Семинарию, что они оба и сделали.

Учебу в Семинарии во времена воинствующего атеизма власти, мягко говоря, не поощряли. Те, кто уже имел высшее образование, в Семинарию поступить и во все не могли. Так что братьям Морарь повезло – путь веры привел их сразу в Семинарию, минуя светские вузы.

Лавра

Троице-Сергиева Лавра, пожалуй, главная православная колыбель России. Ее основал в 1337 году один из наиболее почитаемых русских святых – преподобный Сергей Радонежский, благодаря молитвенной помощи и непоколебимой вере которого Руси удалось выстоять и победить в противостоянии с Ордой на Куликовом поле в 1380 году, когда, по большому счету, на карту было поставлено будущее русского народа.

Если бы не духовная поддержка и не молитва Сергия Радонежского, наставника князя Дмитрия Донского, то не бились бы с таким упорством и верой в Божию помощь русичи, а великого будущего России, Российской империи, возможно, и во все не было бы...

Несколько столетий Лавра духовно питала Россию, к святыням монастыря (мощам преподобного Сергия Радонежского, преподобного Никона Радонежского и других) приходили сотни тысяч паломников. А потом на территории Троице-Сергиевой Лавры открылись старейшие духовные учреждения России – в 1742 году Духовная семинария, в 1814-м – Московская духовная академия.

Как ни парадоксально, больший ущерб, чем любая орда или интервенция, нанесли Лавре представители собственного Отечества – большевистская власть. В 1920 году Лавра была закрыта, монахи выселены, колокола сброшены, а мощи преподобного Сергия Радонежского кощунственно вскрыты... Музей, пединститут, клуб и тир – все эти не имеющие отношения к религиозной жизни учреждения располагались на территории главной святыни России аж до 1946 года, когда Лавру все-таки возвратили Церкви. И уже в 1948 году продолжили свою работу Семинария и Академия. Так что к моменту поступления в эти учебные заведения будущего митрополита Викентия Троице-Сергиева Лавра вернула себе былой авторитет, однако по-прежнему находилась «под колпаком» у бесцеремонной советской власти...

Митрополит Викентий:

– Учеба в Московской духовной семинарии и Московской духовной академии была очень важна для меня. В период учебы я ежедневно приходил к мощам преподобного Сергия Радонежского – за благословением и помощью в учебе, в решении проблем, в поиске ответов на вопросы. Все обращения и молитвы приносили хоро-

шие плоды: укреплялись вера, благочестие, любовь к церковной жизни, к Богу. Это настраивало на духовную жизнь.

Кроме того, помимо молитв, была возможность встречаться со старцами, духовниками Троице-Сергиевой Лавры, которые объясняли и помогали сориентироваться, как себя вести в различных ситуациях. Это много дало для моего духовного становления. Наставники, которые нас поучали, продолжали давнюю духовную традицию: духоносные старцы издревле жили в Троице-Сергиевой Лавре. Говорили, что когда Лавру закрыли, а монахов выселили, один старец остался, начертил вокруг себя круг и сказал: кто перейдет эту черту, того Господь накажет. И черту эту, действительно, никто так и не преступил...

Сначала я приехал в Лавру, чтобы получить богословское образование, а потом уже появились мысль и желание посвятить себя Богу, церковной жизни, стать монахом, священнослужителем. Но это все было вдохновлено жизнью в монастыре и учебой в Семинарии. Хорошо, что наша Семинария находилась в пределах монастыря и перед моими глазами протекала вся монастырская жизнь. И я черпал из нее живительные силы и соки, которые меня питали и воодушевляли.

– Ваши наставники в Лавре были строгими, требовательными или, напротив, добрыми и снисходительными?

– Они по-разному обращались с нами, когда строго, когда не очень, но в основном они были очень добрыми людьми. Помню отца Наума, ему сейчас восемьдесят с лишним лет, и отца Кирилла. Отец Варнава был очень хорошим духовником... А отец Андриан, например, имел дар изгнания бесов, отчитывал людей и помогал многим. Вообще все наши наставники много трудились, исповедовали, от них исходила доброта и тепло. И поэтому люди во множестве идут в Лавру.

– Какие ценные советы дали вам наставники? Советы, которые поддерживали вас на вашем пути?

– Я постоянно с ними общался, спрашивал, советовался в вопросах духовного характера. У нас были частые встречи, долгие беседы... Поначалу я задавал много вопросов, на которые, как мне казалось, нет ответов, но старцы с легкостью отвечали мне, разъясняли... И, конечно, давали мудрые советы, которые отпечатались навсегда в моей памяти, в моей душе, а потом принесли добрые плоды.

– Тогдашняя власть следила за тем, что происходит в Лавре?

– Да, представители власти постоянно ходили по территории, отслеживали наиболее активных монахов и семинаристов, слушали, кто с кем и о чем говорит...

Первая и вторая кафедры

Когда в начале 1990-х произносилось слово «Приднестровье», в России у многих замирало сердце. Потому что Приднестровье ассоциировалось с попыткой сбросить культурную, этническую и языковую, в виде сохранения кириллического алфавита, связь с Россией, – в отличие от Молдавии, тяготевшей к Румынии и, по большому счету, к Евросоюзу. Приднестровье ассоциировалось и с многочисленными переселенцами из числа русских, казаков, украинцев и белорусов, которые не знали, какое место им предстоит занять в обществе, уже не объединяемом коммуни-

стической идеей. А еще это была та часть Советского Союза, которая болезненно и мучительно пыталась определить свое будущее, будущее после распада Империи.

Колосс под названием СССР разваливался, и под его обломками оказались миллионы граждан, жителей бывших республик, которым предстояло решить, как жить дальше... И прийти к общему знаменателю не всегда удавалось мирным путем. Так, число погибших в конфликте между Молдавией и Приднестровской Молдавской республикой – только по официальным данным более тысячи человек...

В общем, начало 90-х для Молдавии и Приднестровья – время испытаний. Кульминацией военной фазы конфликта называют июнь 1992-го, когда бронетанковая техника вошла в Бендеры и пролилось особенно много крови.

Митрополит Викентий:

– Моя первая кафедра находилась в Бендерской епархии, я прибыл туда в 1990-м году. Это территория нынешних Приднестровья, Гагаузии и Молдавии. Приднестровский конфликт как раз при мне разгорался, и я видел все ужасы войны, вел службы под визг пуль и снарядов. Я оказался в самом эпицентре военных действий, потому что Свято-Вознесенский Ново-Нямецкий (Кицканский) монастырь, где я жил, находился между двумя фронтами, Приднестровским и Молдавским. Над монастырем пролетали снаряды, некоторые попадали в наше здание, даже Вознесенский храм был поврежден...

Собор в Бендерах находился рядом с райисполкомом, и я слышал, как проходили митинги. К райисполкому приходило множество народа, люди выражали свое недовольство. Народ, видя меня возле храма, просил – приходите к нам, помогите разобраться в жизни! А потом начались военные действия, братоубийственная война, которая ничего не дала, кроме укрепления недовольства, ропота и неприязни друг к другу. Народ тогда много претерпел...

– Церковь в той ситуации что могла сделать?

– Мы пытались примирить, успокоить людей, но в тот момент, когда они находились в состоянии злобы и гнева, это было невозможно. Потом только, когда пыл спал, они поняли, что это была бессмысленная война, которая ничего хорошего не принесла.

Тогда люди говорили: «Это властям что-то не нравится, что-то нужно, а мы от этого мучаемся и столько терпим». Народ понимал, что идет братоубийственная война, отцы и дети, сестры и братья оказались по разные стороны баррикад. Многие были друзьями и близкими людьми, но вдруг в одночасье стали врагами. Часто так называемые непримиримые противники сами не понимали, почему и за что они воюют. Бывали случаи, когда заканчивался бой, перестрелка – и люди говорили: «Зачем нам воевать?». Собирались вместе, ели, выпивали – и забывали, зачем воевали. А потом опять отдавался приказ, и они шли в бой друг против друга.

Пять лет я прослужил в этой епархии. Потом меня перевели в Абакан, это Хакассия и Тува. Там я прослужил четыре года, с 1995-го по 1999-й. Потом уже меня направили в Екатеринбург.

– Наверняка храмы новые открывали?

– В Бендерской епархии при мне открылись свыше 300 храмов, проходило бур-

ное строительство. В Абаканской и Хакасской епархии не было таких возможностей для церковного строительства. Но когда я только приступил к служению, там было всего 8-9 приходов, а когда уезжал – 26-27.

– Как удавалось находить возможности для строительства?

– В первую очередь, народ об этом просил. У людей была потребность в храме, а я старался их поддерживать, и так, совместными усилиями, строили... В Абакане мне помогал в этом мэр города, он сам лично строил один храм, выделил место под его строительство, финансирование нашел. Я же трудился над сооружением Кафедрального собора. К сожалению, не успел его достроить, но основание положил. Мы очень много сил вложили в открытие новых храмов, приходов... При мне в городе Абакане началось строительство трех храмов. И мы открыли несколько приходов в Туве, где до этого был всего один приход.

– Как в Хакасии относились к православию?

– Хорошо. В Абакане проживало довольно много русских.

– Испытывали ли вы сожаление, когда узнали, что предстоит переезжать в Екатеринбург?

– За четыре года служения в Абаканской епархии удалось наладить отношения с местной властью, с предпринимателями, они начали помогать Церкви. И, конечно, было немного жаль, что вот, дела идут хорошо, а надо переезжать на другое место. Но послушание есть послушание!

Екатеринбургская епархия

Митрополит Викентий:

– Мое назначение в Среднеазиатскую митрополию совпало с процессом активного созидания многих объектов в Екатеринбургской и Верхотурской епархии. Храмы находились на разных стадиях строительства, где-то оно было в самом разгаре, где-то приближалось к концу. Естественно, что и расчет окончательный по строительству не был произведен.

Речь шла о пятнадцати объектах, и требовались большие средства, чтобы довести их сооружение до конца. Это были и храмы, и здания, относящиеся к Екатеринбургской и Верхотурской епархии, в частности к молодежному отделу. Не было закончено и сооружение Семинарии... Конечно, если бы я ничего не делал, не строил, то и «долгов» бы не было, а так работа проходила очень интенсивно, и сопутствующая ей финансовая ситуация тоже постоянно менялась...

Вообще я считаю, что о невыплатах и долгах можно говорить только тогда, когда работа уже закончена, а расчет за нее не произведен. Если же прервать работу в некоей промежуточной фазе, то о любом руководителе предприятия можно сказать, что он имеет «долги», которые таковыми не являются.

На момент отъезда я постарался максимально произвести расчет, все рабочие получили причитающуюся им зарплату. А оставшееся уже приписали мне в качестве «долга»...

– Испытали ли вы сожаление, когда узнали о переводе в Ташкент?

– Только в самые первые дни, когда мне сообщили о переводе в Среднеазиат-

скую митрополию, я немного сожалел, что приходится перейти на другую кафедру, не закончив многие дела в Екатеринбурге... Но потом сожаление прошло, и я смирился перед Волей Божией и благословением Церкви. Ведь если подобное произошло, то, значит, так было нужно для блага Церкви. И все сомнения оставили меня, я перестал испытывать тревогу и беспокойство.

– После вашего отъезда многие стали говорить, что ваш перевод в Среднюю Азию – результат интриг и козней... Так ли это?

– Если оглянуться на период моего пребывания в Екатеринбургской и Верхотурской епархии, то некоторые люди постоянно говорили о том, что меня куда-то переводят, перенаправляют, понижают или повышают... Но тем не менее я возглавлял Екатеринбургскую епархию более двенадцати лет.

– Известно, что на посту главы Екатеринбургской епархии было немало правящих архиереев, но лишь некоторые владыки прослужили на кафедре в течение максимального срока – тринадцати лет. Не обидно ли было вам, что до этого срока остается совсем чуть-чуть?

– Да, за сто двадцать пять лет существования епархии архиереи во главе ее менялись часто: всего их было сорок четыре, а самый большой срок служения, действительно, составлял тринадцать лет. Причем владык, прослуживших по тринадцать лет, было всего лишь трое или четверо. Но многое познается в сравнении. К примеру, Ташкентской и Узбекистанской епархии сто сорок лет, а на кафедре побывали двадцать два архиерея, то есть менялись они реже, чем в Екатеринбургской епархии... И это правда – до наибольшего срока пребывания во главе кафедры в Екатеринбургской и Верхотурской епархии мне оставалось прослужить год... Конечно, я не могу сказать, что не дослужить этот год мне было обидно, но данное обстоятельство я про себя отметил...

– До назначения в Екатеринбург вы бывали на Урале?

– Когда я впервые приехал на Урал, это были 1975-1976 годы. Тогда мне показалось, что уральцы – добрый, простой народ, можно сказать, дети природы. Это были мои первые ощущения. Я присутствовал на празднике Святителя Иоанна Тобольского, потом приехал в Екатеринбург, – тогда он, конечно, еще назывался Свердловском, – много общался с людьми... Но к девяностым годам многое изменилось, народ тоже стал другим, ближе к цивилизации, это повлияло на нравственную и духовную жизнь людей.

– Какой вы застали Екатеринбургскую епархию в конце 1990-х?

– В Екатеринбургской епархии в 1999 году сложилась очень непростая ситуация, ее раздирали распри. Епархия разделилась на два лагеря, возникли большие трудности из-за вражды среди священнослужителей, это не могло не влиять на настроение верующих. Проявлялось недовольство в отношении епископа Никола... Говорили, что он ведет несправедный, безнравственный образ жизни, многие представители духовенства были возмущены и требовали его отстранения. Люди выражали свое мнение очень активно и бурно, и из-за этого Святейшему Патриарху Алексию пришлось перевести владыку Никола на другую кафедру, меня же назначили на его место.

О конфликте на Урале подробно писала центральная пресса, я читал о раздо-

рах в Екатеринбурге, еще находясь в Абакане, и удивлялся, что в Екатеринбургской епархии идет такая усобица. Ситуация была, без преувеличения, тяжела, и мне пришлось встречаться с обеими противоборствующими сторонами, примирять их...

Когда я приехал, то беседовал с представителями обеих лагерей допоздна, чтобы каждый мог высказать все, что на душе накопело. Когда все выговорились, я сказал, что обе стороны виноваты перед Богом, Церковью и людьми, потому что учинили раздор. Сказал, что распри священства соблазняют людей и этим отвращают от Бога. Мы пришли к общему мнению, что нужно раскаяться, и назначили трехдневный пост. Тогда как раз было время Успенского поста. Это строгий пост, так что наше трехдневное испытание органично в него вписалось. После поста мы собрались, вместе читали молитвы и просили друг у друга прощения. Священники пообещали друг другу, что забудут обо всех интригах, будут потихоньку смиряться и трудиться во славу Божию. И потом епархия, которая имела дурную славу из-за скандала, стала образцом позитива, и обо всем плохом, что было в ее прошлом, уже забыли. Так что со временем все наладилось.

Диакон Сергей ГАЛИЕВ

Сказка о соборе

Так и хочется написать: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...». Вроде писать начнешь да опять задумаешься – в каком царстве, в каком государстве?

Широка земля русская – ни конем объехать, ни соколом облететь. Как тебя понять, как вместить все твои города да веси? И у каждой веси, у каждого сельца своя история: свои люди, обычки, свой нор. В каждой избе по-разному сказки сказывают, свои словечки-прибаутки за пазухой держат. Течет жизнь, бежит, будто Волга-матушка. Разлился русский народ по свету широко, ни оглядеть, ни сосчитать.

Если в городе Архангельске, где клюквенные болота пересекаются Северной Двиной, что в устье своем шире моря делается, так там жил бы да был бы хитрый торговец, смекалистый и неустрашимый промышленник Садко, которому и сам морской черт не страшен. В этой земле своя правда, поморская, вроде как веселая, но одновременно с суровой серой грустью, будто приполярная зимняя ночь. «Кто в море не хаживал, тот и не молился», – так говорят поморы.

А если взять наш чернозем, там всё иначе: пашет борозду, запрягши змея в хомут, Никита Кожемяка, отмеряет верстами стонушую землю Святогор, стоит и не робеет со своей крестьянской правдой простой муромский мужик Илья, смело глядя прямо в ясны очи Владимира Красна Солнышка.

На Урале иной разговор. Здесь трудится Данила-мастер, точит лари, бляхи, гранит самоцветы. Тут зеленоглазые ящерки прячут в горах россыпи кровавых смарагдов, волшебные цветы яхонтов и алмазиков. Трудятся мастеровые, и не для себя, а для красоты в Божьем мире. В красоте Уральских гор родились – и вот с другими поделиться хотят, чтобы каждый русский человек ту красоту потрогать мог, полюбоваться.

Вот как живет русский народ, и вместе с ним рождаются, живут и умирают города. И города стареть могут, да, бывает. Каждый со своим лицом, с морщинками и отметинами. Вот, скажем, Петербург – стоит на заливе, оседлав Неву-реку. Во фраке, в одной руке трость, в другой портфель с бумагами, сам бледный, худой, «евроглазый»; в старенькую шинель кутается, того и гляди согнет на пронизы-

вающем балтийском ветру. Но нет, терпит – служба, однако! Для того он сюда государем императором и поставлен, чтобы стоять прямо, несгибаемо, всем врагам на зависть, чтобы улицы и каналы как струны натянутые были, чтобы дома строго в линию, как солдаты, по ранжиру: маршальские дворцы, усадьбы генеральские, офицерские фатеры за красными занавесками.

Раз беда случилась: убили царя-императора, и вот рана городу, стоит теперь пестрым ломаным взрывом храм Спаса-на-крови, словно рубец на теле; висит над каналом – линию ломает, золотом куполов смущает плоские крыши, пряничным орнаментом расстраивает регулярность Михайловского парка. Рана она на то и рана, пластырь наклеишь, а рубец останется – вовек теперь не забудешь.

А Москва – купчиха-барышня, вся в золотых веснушках, потешается над чудачком Петербургом. Хохочет живо так, заразительно. Рот смеется, а глаза завидуют. Она и так повернется, и эдак – разукрасится вся высотками, как кокошниками, укутается в меха аллей и бульваров, заблещет куполами, зашепчет колокольным звоном, но куда там! Приемыш Петербург всё на запад глядит, будто ждет чего-то...

А в Уральской стороне стоит наособицу Екатеринбург. Петербург ему старшим братом приходится, но он совсем на того не похож: работяга с мозолистыми руками, с горькой рабочей ухмылочкой на лице, и вечно молодой – всегда ко двору! При царях трудился, железо добывал, при Советах на войну работал, жилы рвал, да и сейчас без дела не скучает. Плоский пруд – словно кепка-кожанка, из-под которой дымят сигаркой заводы.

Но и у него есть своя история, свои отметины. Так, во время кровавой смуты привезли в Екатеринбург царя. Притих город, притаился – что же это будет? Место выбирали большевики, чтобы тихое, неприметное, и чтобы одновременно его можно было бы долго оборонять. Шла гражданская война, опасались красные привлечь внимание белых к такому заключенному, поэтому избрали особняк Ипатьева, стоящий на неприметной улочке. На соседних домах установили пулеметы, военизировали весь квартал, вокруг дома поставили высокий, в несколько метров, забор, чтобы даже из окон второго этажа нельзя было видеть улицы. В глухом заборе оставили прорезь под узкую калиточку, так, чтобы в нее мог войти только один человек. В чем в чем, а в тюремном надзоре большевики разбирались хорошо, сами были из веселой разбойничьей профессии.

В день прибытия поезда с царем у дома собралась небольшая толпа зевак, – слухи о секретном заключенном какими-то немыслимыми путями просочились в народ. Машины с царской семьей сопровождала усиленная охрана. Пришлось охране поработать прикладами, пострелять в воздух, чтобы разогнать любопытных. Лишь когда площадь перед домом очистилась, машины въехали в распахнувшиеся ворота.

Вот так разом посреди города возникла тюрьма, странная, не к месту, словно с неба свалилась; а может, и не с неба, а из подземелий адских выкатилась. Но Екатеринбургу не привыкать, еще с Петра повелось в каждом уральском городке делать места для заключенных. На первые заводы по старому порядку крестьян сгоняли как на барщину, работа была непривычная, трудная, и местные крестьяне всей ду-

шой ненавидели уральские заводы, бунтовали часто; переловленных бунтовщиков надо было где-то держать. Русский пролетариат рождался тяжело, в кровавом поте и тяжких муках, в тоске чистой крестьянской души по хлебному полю.

Принял город эту тюрьму удивленно, как бы нехотя, но потом пожал плечами и вернулся к привычной работе. Так и остался торчать дом Ипатьева, обнесенный тюремным периметром прямо посреди города.

Но вот когда зацелкали собачки револьверов, когда полилась чистая кровь мучеников, – почуял город беду, вся Россия всколыхнулась как бы от стога: «Последний царь!». Новая жизнь пришла – без царя! Тихо стало в городе, сумрачно, так всегда бывает после страшного преступления – сначала страшно, тягостно, а потом голову заполняет ядовитый хмель вседозволенности: эх, пропадай теперь душа, что угодно могу сделать, хоть младенчиков на штыки! Гори всё кругом, гори синим пламенем!

А потом к городу подошли белые, и завертелось, застрекотало, некогда было обдумать содеянное, – так во хмелю гражданской войны Екатеринбург сам не понял, как оказался городом-цареубийцей. Но где-то на дне памяти осталось пятно, нельзя его затереть и забыть никак, оно будто воспоминание страшной ночи, когда в тишине непривычно глухо раздалось: трах-тах-тах, и потом всё опять смолкло...

После революции дом Ипатьева был взят на особый контроль – сделали в нем музей революции. Стала расстрельная комната особым экспонатом этого музея. Все улицы переименовали, возникла перед музеем Площадь народной мести. В музей водили пионеров, комсомольцев и даже иностранные делегации, смело показывая комнату, – вот, мол, не боимся и не стыдимся, правильно всё сделали, такова, мол, логика классово-вражды!

Но внутри сердечко-то ёкало, совесть обличала, давило живую душу сознание преступления, ведь и у большевиков души были. Потому и не захоронили останки царской семьи, надругались над ними и скрыли все следы; где-то на самом дне, где-то внутри преступную власть бередил страх. Сомнение гложило: поймут ли потомки, простят ли? И сердце подсказывало: не простят. Убийство невинных – страшное преступление. Стал скоро дом Ипатьева всем мешать, невмоготу сделалось терпеть это постоянное обличение. Площадь перед музеем решили переименовать, и циничную бравирующую «площадь народной мести» переименовали в «площадь уральских комсомольцев». Вроде как было что-то, трах-тах-тах, но давно, и помнить об этом не следует. Переименовали – но вот дом и музей этот проклятый всё же оставили. Размещали в этом доме архивы, экспонаты Эрмитажа, отдавали под ректорат Урало-Сибирского коммунистического университета, под выставку, посвященную русско-японской войне, однако какое бы ведомство в том доме ни размещалось, его очень скоро сменяло что-то новое. Неприятно было сидеть в этом доме, что-то давило, мешало, напоминало о чем-то, что так хотелось забыть.

В 1974 году благодаря стараниям краеведов дому был присвоен статус историко-революционного памятника. Всё вроде бы, договорились окончательно,

что дом Ипатьева – это в первую очередь история, а не место для всяческих ведомств и не склад под партийную макулатуру.

Но вот незадача: в этом же году несколько бабушек, проходя мимо дома, набожно перекрестились, что не осталось незамеченным бдительными сотрудниками КГБ. Власть насторожилась. А город тянуло к памятнику всенародного преступления, люди жаждали покаяния – ставили свечки, чуть ли не крестные ходы собирать стали.

Тут уж в Москве встревожились не на шутку. Поднял товарищ Андропов вопрос о сносе исторического памятника. И под его личным контролем в 1975 году было принято решение о сносе дома Ипатьева. Однако претворение решения в жизнь постоянно откладывалось – воспротивились историки и краеведы. Дом стали посещать всевозможные комиссии, доказывающие историческую ценность памятника. Дело дошло до того, что из Москвы во главе специальной комиссии вылетел замминистра культуры СССР, чтобы на месте разобраться с решением по памятнику. Такого КГБ допустить уже не мог. В кабинете Свердловского обкома зазвонил телефон, трубку снял Борис Николаевич Ельцин. Вкрадчивый голос сообщил, что директиву ЦК КПСС необходимо исполнить немедленно, до прибытия высокой комиссии. Борис Николаевич был человеком простым, в истории и культуре разбирался плохо. Раз начальство просит что-то выполнить, значит надо взять под козырек, что он и сделал. Говорят, что именно после этого случая карьера Бориса Николаевича резко пошла вверх, словно бы его взяли на заметку и стали продвигать на повышение в Москву. Если так, то можно только посочувствовать тогдашним сотрудникам КГБ, вскормившим будущего разрушителя СССР...

Борис Николаевич план ЦК КПСС выполнил и перевыполнил – снес не только дом Ипатьева, но и весь район, сплошь состоящий из зданий исторического значения, поскольку большинство было возведено в XIX столетии. Район снесли по той же причине, почему уничтожили останки царской семьи, – чтобы и пыли не осталось, чтобы нельзя было даже определить, где этот дом стоял. Словом, «с глаз долой, из сердца вон». Приехал замминистра культуры на выровненный пустырь, поглядел с тоской по сторонам и махнул рукой... Так на месте красивейшего района Екатеринбурга образовался зловещий пустырь, будто бы клочок волос из седой головы выдрали.

Но время шло, пришла перестройка, стала местная интеллигенция широко обсуждать судьбу пустыря. Да и верующие сложа руки не сидели, после сноса дома паломничество только усилилось, на месте дома установили деревянный крест. Крест ломали, поджигали, – но его упрямо ставили на место, пока не заменили металлическим на забетонированной основе, чтобы уж ничего нельзя было с ним сделать. Так возникла идея – храм на этом месте построить. Но времена были неспокойные, страну лихорадило, – конкурс на проект храма шел со скрипом целых два года. Выбрали, наконец, проект и в 1992 году заложили первый камень. Но сразу после закладки камня строительство заморозили: в связи с экономическими реформами нового правительства у епархии и городского совета внезапно иссякли все средства.

Началось новое смутное время: 90-е. В смуту, как известно, не до планов и не до дум, лишь бы голова на плечах осталась. Так о храме постепенно забыли. А работа-га Екатеринбург стал наглым рэкетиром Ебургом, кожанку сменил на малиновый пиджак, главным рабочим инструментом стал пистолет, город приспособился к очередной революционной ситуации. И вновь полилась кровь, вновь застрекотали пулеметы на улицах, как и 80 лет назад, хмель вседозволенности сорвал крышу со всех домов Екатеринбурга и завинтил, закрутил, запорошил улицы свинцовой вьюгой.

В тяжелое время принял владыка Викентий епархию.

1999 год, народ обнищал после кризиса, обозлился сверх всякой меры, молодежь вымирала от наркотиков. Сферы влияния делили между собой лихие группировки, устраивая настоящие военные побоища прямо в центре города среди бела дня. Мэр города Чернецкий и губернатор области Россель находились в состоянии постоянной политической войны.

Владыка особой статью не вышел; не было у него ни богатырского роста, ни низкого басовитого голоса, которым так любят щеголять дьяконы, и вместо пудовых кулаков – простые рабочие руки. Особенностью облика владыки было его лицо: точеный нос с широкими ноздрями, низко нависающие веки, образующие вместе с бровями толстую складку, из-за которой казалось, что владыка или задумался, или на что-то гневается. Однако самой главной чертой были глаза – серые, светло-металлического оттенка. Каждый, кто встречал этот взгляд, запоминал его. Тяжело было его выдержать.

Всё в этом человеке было будто солдатское – походка, выправка, но без щегольства; какая-то спокойная собранность. Хотя служил он в своей жизни лишь два года срочной службы в советской армии. Откуда у него такая схожесть с военным человеком – непонятно. Может, и с того, что каждый христианин – это воин Христов: прихожане – солдаты, пономари – младший офицерский состав, священники – старшие офицеры, епископат – штаб. Не бывает для христианина свободных минут, каждое мгновение – брань: внешняя или внутренняя. Так у иных в постоянной брани за свою бессмертную душу, за право быть образом Божиим на лице навеки отпечатывается готовность к борьбе.

Первой у владыки на новом месте была мысль о заброшенном строительстве храма. Но не такое это было простое дело. В беспокойном Екатеринбурге везде и всюду надо было соблюдать осторожность, иначе и храм не построишь, и людей насмешешь. Вроде бы храм – это дело города, значит, надо к мэру. Но решение мэра может натолкнуться на сопротивление со стороны губернатора, а губернатор, как никак, в весе потяжелее. Значит, надо было идти к губернатору: даже при сопротивлении мэрии сможет он продавить начало строительства.

Долго и обстоятельно обдумывал владыка свою речь перед губернатором. Просто так строить тот не разрешит, это точно. Да еще и бодаться из-за строительства с Чернецким, – точно не подпишется на такое. Тут надо было выдать такое решение, чтобы привлечь внимание Росселя.

Помолившись перед встречей, поехал владыка Викентий в резиденцию губер-

натора. Россель встретил его любезно, но с легким недоумением в глазах. Поэтому владыка сразу начал с дела:

– В городе нет большого собора. Верующим очень нужно место, где можно было бы помолиться. Лучшего места для этого, чем пустырь на месте дома Ипатьева, и найти нельзя. Исторический центр города, находится на возвышении, – с точки зрения градостроительства и архитектурного планирования трудно придумать более подходящее место. К тому же одобрено городским советом, решение по строительству есть, остается его только начать. Так что с юридической точки зрения у этого проекта никаких проблем нет.

Чем дальше говорил владыка, тем глубже становилась складка между бровями Росселя. И тогда Викентий перешел ко второй части своего предложения:

– Понимаете, дорогой Эдуард Эргатович, так уж сложилось, что в нашей стране фактически три столицы: Москва – административный центр, Петербург – культурная столица России и Екатеринбург – промышленная столица, всероссийская кузница. Москву основал Долгорукий, Петербург – Петр, а Екатеринбург был заложен в честь императрицы Екатерины Великой. Вообще в нашей истории только три монарха, прозванные в народе Великими: это Владимир, крестивший Русь, Петр, прорубивший окно в Европу, и Екатерина, закрепившая Россию на Черноморском побережье. Вы же понимаете, как важна в данном вопросе историческая преемственность.

В Петербурге есть Спас-на-Крови, отражающий драматическую историю города Петра. В Москве сейчас восстанавливают Храм Христа Спасителя. И здесь важен сам статус проекта. После завершения строительства храма в Москве возникнет новый исторический памятник, туда будут возить делегации, там будут встречаться президент и патриарх, там будет проходить главная служба страны. Но самое главное, этим жестом Москва показывает, что готова покаяться за содеянное, за разрушение прежнего храма, это своего рода символ восстановления исторической преемственности. А что же Екатеринбург, что же наша третья столица? А в нашей третьей столице до сих пор нет своего собора. Куда же вести президента в случае посещения города, куда вести делегации – на пустырь, на заброшенную строительную площадку?

Проект возведения храма на месте дома Ипатьева – это проект политический, показывающий статус нашего города, и мы не должны лишать его такой возможности исторического и культурного обогащения.

Пока владыка говорил, складка на лбу губернатора стала разглаживаться, уголки рта поползли вверх, глаза внимательно глядели на собеседника. И тогда владыка решил перейти к своему последнему аргументу:

– Через четыре года исполняется 85 лет со дня смерти Романовых. Если мы успеем закончить строительство храма к этому сроку, то сможем пригласить на празднование президента, чем продемонстрируем ему не только культурную значимость проекта, но и твердость и высокий уровень организации, позволившие за такой короткий промежуток времени возвести собор не хуже Храма Христа Спасителя.

Последние слова достигли своей цели. Россель заулыбался:

– Интересные вещи вы говорите, владыка, это дело надо обдумать...

К старым чертежам конкурсных проектов решили не возвращаться. В который раз проект строительства начинали с нуля. Тяжелое это дело – покаяние, каяться всегда нелегко, вроде, кажется, бросился в ноги к Отцу: «Прости, Отче!» – и зарыдал, очистился, напился заново светом родительской любви. Но пока к этому моменту подойдешь, в душе всё десять раз перевернется, будто не пускает что-то – грех держит, разливается кругом вязким киселем сомнений и страхов: «А простит ли?», «Может, и позабыл вовсе?», «Вдруг осерчает и прогонит?», «Может, воротиться, пока не поздно?». Так и с собором: вроде вот оно, строительство, началось, а сколько еще искушений впереди. Владыка только качал головой и оглаживал длинную бороду, думая о них.

А искушения начались сразу, будто на пороге стояли, с самых чертежей полезли. Архитекторы с советским образованием опыта строительства соборов не имели; какой там собор, им и часовню-то по канонам сложить нельзя доверить, а тут такое строительство.

Приносят они проект владыке – ничего не понятно: где трапезная, где иконостас, где приделы?

– Это что у вас? – указал владыка пальцем на непонятный ему элемент.

– Это музей, – отвечают архитекторы.

– А это что?

– А здесь у нас будет ресторан, чтобы люди после посещения музея могли отдохнуть.

– И в том ресторане, наверное, алкоголь подавать будут?

– Не без этого.

Хотелось владыке вытолкать взашей нерадивых зодчих, но сдержался. Что у них после стольких лет атеизма в голове может быть? Они же теперь как язычники, с ними работать надо. Вздохнул владыка:

– Нет, дорогие мои, этого никак не может быть.

– Почему же?

– Вы понимаете, что мы строим архитектурный памятник на месте убийства невинных людей? Но даже и не в этом дело. Это храм, вот в чем соль! В храме не может быть ресторанов, это дом молитвы. Вы же не будете устраивать танцплощадку на гранитной плите со священным огнем? Но и это тоже побочная часть. Самое главное в том, что храм должен возводиться по определенным канонам, и особенно жестко эти каноны регламентируют внутреннее пространство храма. Вот здесь, – он ткнул пальцем в чертеж, – должен быть алтарь со строгой ориентацией на восток, алтарное пространство отделяется иконостасом. За иконостасом будут молиться люди, – это место называется трапезной.

– Трапезной? Так всё-таки есть в храме можно?

– Можно, но это другая трапеза, не ресторанная. В храме принимали пищу прихожане вместе с клиром, сообща покупая продукты и приглашая на такие трапезы больных и нищих, это не просто завтрак или обед: это Агапа – трапеза любви и благотворительности, трапеза сострадания. На такой трапезе нельзя щелкнуть пальцами и сказать: «Мне, пожалуйста, бифштекс с кровью»... За трапезной начинается притвор, здесь можно приобрести церковные товары.

– А я слышал, что до революции в храмах все церковные товары были бесплатными, – раздался чей-то недовольный голос.

Владыка скрепя сердце ответил:

– До революции десять процентов с зарплаты каждого гражданина империи уплачивалось в церковную казну. Нынешняя церковь, думаю, не стала бы возражать против возврата этой старой русской традиции под названием церковная десятина.

– Далее, – продолжал владыка. – Трапезная обычно освещается через окна в барабане, на котором размещен купол. Свет имеет важнейшее значение для пространства храма. Во время утренней службы первые лучи восхода благословляют литургический праздник. А во время всенощной прикосновения заката играют на церковных фресках и иконах, прощаясь с уходящим днем; храм медленно погружается в темноту, предупреждая каждого из молящихся о близости смерти и о необходимости покаяния. Естественный огонь свечей и лампадок дает каждому молящемуся надежду, символизируя никогда не угасающий свет Божьей любви, который будет светить всегда, даже когда солнца и земли уже не станет, когда умолкнут все языки.

– М-да...

– Так что переделывайте проект и не забывайте, что времени у нас мало.

Через некоторое время архитекторы принесли исправленный проект храма. На этот раз он понравился владыке, всё вроде было на месте.

– Ну теперь давайте второй этаж показывайте.

– Вот второй этаж, – рулон развернули на столе.

– Не понимаю, что это у вас?

– Как что, это ресторан.

– Опять!.. Я же вам говорил!

– Но речь шла о первом этаже, здесь горизонт сохранен по всем канонам, а вот второй горизонт, он уже светский. Или вы будете утверждать, что смерть Романовых – это исключительно религиозное событие и светской истории здесь не место?

– Да причем здесь это, – владыка весь сжался в комок, лишь бы не дать выплеснуться накатившему на него гневу. – Поймите же вы... ох, сейчас я вам объясню. – Он вынул платок из кармана и протер им вспотевший лоб. – Вы видели когда-нибудь устройство католической базилики или готического храма?

– Конечно, историю архитектуры здесь знают.

– Вы заметили, что в плане эти здания представляют собой крест?

– Да, заметили.

– Но какой крест? Вы не можете не заметить, что по своей форме он отличается от креста планов православных храмов. Скажите мне, чем эти кресты отличаются?

– Но причем здесь это, когда мы говорим о горизонтальном распределении пространства?

– Погодите. Чем отличаются эти кресты?

– Ну, тем, что католический крест более вытянутый.

– Вот именно, и отсюда следует один важный закон, который формирует всю композицию. Скажите мне, что это за закон?

Архитекторы молчали, никто не понимал, к чему клонит владыка.

– Да симметрия же!

– Ах, да, симметрия... согласен.

– У католиков осевая симметрия в храмах, а у нас центральная.

– И как это относится к горизонтам?

– А так, что центральная симметрия подразумевает другое отношение к сакральной вертикали. У католиков эта вертикаль представляет проекцию. А в православном храме центральная точка храма невидимой осью связывается с самой высокой точкой купола, на которой стоит крест. Сакральная вертикаль в православном храме находится не по краям, не по стенам и не по фасаду, как в готике, а в самом центре трапезной, выходя через купольный крест в небесную высь.

– Ах вот оно что.

– А я так и не понял, – буркнул один из архитекторов. Все тут же начали галдеть, объясняя ему, в чем дело, но владыка попросил всех замолчать.

– Я сейчас ему объясню. Если мы сведем католический и православный храм к простейшим геометрическим формам, то католический будет параллелепипедом, а православный – пирамидой, у которой все линии устремлены к одной точке, устремлены ввысь. Глупо строить над этой точкой этажи, пытаться придать им иную функцию, иначе вы просто разрушите всю композицию.

– Ммм... теперь понял.

– Тогда жду вас в ближайшее время с исправленным проектом. – Владыка устало опустил в кресло.

Третья редакция проекта была уже намного лучше, теперь речь шла лишь о деталях. В конце обсуждения главный архитектор добавил:

– Но цоколь мы будем делать из гранита или красного мрамора, чтобы было понятно, что это мемориал.

Это уже возражений не вызвало.

И вот настал день, завыли бульдозеры, заработали ковши экскаваторов, вспарывая непослушную землю с красными пятнами перестывшей глины. Легла плита фундамента нового собора, словно епитрахиль на голову грешника, настало время для покаяния, для слез, смывающих с души грязный нагар предательства и безумия. Возвели стены, стали крыть крышу, поставили памятник царской семье, позолотили купола, сняли леса строительные...

И заблестал золотом, загудел колокольным звоном новый Собор на крови во имя Всех святых в России просиявших, так что Екатеринбург с непривычки прищурился. Большой, пятиглавый, на красном цоколе, – напоминание, что на крови мучеников поставлен. По стенам протянулись большие арочные венецианские окна, придающие сходство своими рамами с окнами зданий, строившихся в эпоху царской России, словно это сам дом Ипатьева восстал из пыли, да только преобразился, из скорбной тюрьмы превратился в место правды, в место справедливости

и Божьего воздаяния. Заблистал посреди удивленного города на вознесенном широко куполе восьмиконечный крест.

Смотрел владыка на новый собор, радовался, крестился, благодарил Бога за помощь, а сам про себя думал: «Избави нас Господи от таких испытаний, от такого предательства, чтобы жил русский народ честно, и прости нас...». Люди приезжали к собору, кто молиться, кто сфотографировать молодую свадьбу, кто в составе иностранной делегации. Вот так – был при большевиках пустырь, а теперь люди не поймут, как же жили без собора раньше?

Потянулся ко кресту город, снял шапку, приложился губами. Перекрестился Екатеринбург, вздохнул и стал жить дальше, с чистым сердцем. Закрыли рану пустыря, заделали, теперь здоров, теперь мы не одну гору свернуть сможем! Вот и появился на больном израненном сердце Екатеринбурга еще один заживший рубец.

Так оно и было в славной Уральской стороне. А вот случилось как-то в далеком от Екатеринбурга Ташкенте... Но это совсем другая история, я вам ее как-нибудь в другой раз расскажу.

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!»

Голоса верующих

От редакции. По просьбе редакции член редакционного совета журнала и его постоянный автор протоиерей Сергей Стаценко поместил в своем Телеграм-канале (<https://t.me/statsenkosergiy>) обращение к его подписчикам с предложением рассказать о владыке Викентии или просто поздравить его с юбилеем. Ниже мы публикуем поступившие отклики.

Однажды я собралась в храм, и знакомая попросила меня зайти в просфорную и передать от нее привет инокине Ксении. Мне самой было любопытно посмотреть на людей, пекущих просфоры, и я с радостью согласилась. Мать Ксения оказалась немолодой, улыбчивой женщиной невысокого роста. «Вам поклон от Катерины...», – начала я. «Ой, ты помочь пришла?! Надевай скорее халат!»

Так я оказалась в просфорной, в полном смятении чувств. Мое смятение еще больше усилилось, когда я узнала, что и сама мать Ксения получила послушание просфорницы только недавно и печь просфоры все здесь умеют только теоретически... Но назад дороги не было. Примерно неделю прибегала каждый день, шла сначала в храм, просила Бога о помощи. Увидела в Пантелеимоновском приделе икону святого блаженного Павла Таганрогского с просфорой в руке. Я не знала, кто это, и даже не могла прочесть на церковно-славянском его имя. Но молилась горячо: «Старец с просфорой, помоги!».

На следующий день мать Ксения сказала: пойдём к владыке, попросим его благословения, чтобы ты у меня работала. Владыка служил тогда, сидя в инвалидной коляске из-за сложного перелома. Мы его встретили на выходе из храма, матушка попросила благословить меня на труд просфорницы.

Владыка внимательно смотрел на меня снизу вверх, я стояла чуть склонившись. Ощущение было необычное. Будто время остановилось и эти яркие голубые глаза меня просвечивают, как МРТ. Вспомнились все грехи и грешки... Потом владыка благословил меня. Как и всякая христианка, я часто брала благословение и у священников, и у самого владыки. Но то благословение было другим. Не могу передать словами. Я его почувствовала физически. В тот день я отчетливо поняла,

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!» *Голоса верующих*

что апостольское преемство – это не формальная цепочка рукоположения архиереев...

Мы вернулись в просфорную и стали печь. Всё получалось очень легко и само собой, всё стало понятным и встало на свои места. Это было настолько удивительное чувство, что запомнилось на всю жизнь.

Дай Бог многих лет жизни нашему владыке Викентию!

Галина, прихожанка

Это было, когда наш владыка Викентий только начинал свое служение в Ташкенте. На Литургии в Успенском соборе раздавали листки о том, как подготовиться к исповеди. Это был простой листок А4. Подходя ко Кресту, я получила его из рук владыки. Взгляд владыки был при этом одновременно и строгий, и отеческий. Я внимательно прочла листок, стала исповедоваться, причащаться. Поначалу было трудно понимать многие вещи, но спустя годы я стала счастливой христианкой.

Желаю нашему владыке многая и благая лета и добрых помощников в деле распространения и прославления Веры!

Ксения, прихожанка

По прибытии на Ташкентскую кафедру митрополита Викентия по его благословению был организован Социальный отдел и социальное служение инвалидам, сиротам, вдовам, людям, попавшим в трудную ситуацию. Помощь оказывается не только православным, а всем, кто за ней обращается: это и оплата дорогостоящих операций и лечения, и обеспечение продуктами питания и одеждой. С начала служения владыки на Среднеазиатской кафедре сотни людей получили помощь и утешение в скорбях. Был организован Попечительский фонд для одиноких инвалидов – обеспечение горячего питания и уход. Многих обеспечили работой и жильем, многим помогли восстановить их потерянные документы и пенсии. И, главное, эти люди нашли свое место в Церкви

Не перечесть всего, что делается в социальном отделе для помощи нуждающимся и больным людям. Социальный отдел опекает городские Общества инвалидов – детей и взрослых, участников Великой Отечественной войны, детские дома инвалидов, дома престарелых. Всё это благодаря нашему правящему архиерею, владыке Викентию, который сотням людей помог и добрым словом, и добрым делом. Низкий поклон Вам, дорогой владыка!

Социальный отдел

Разговор о владыке Викентии, если таковой вдруг заведется в свободной форме, да в компании, не скованной временем, может затянуться на несколько суток – так многообразна его жизнь и служение. Но для меня как председателя епархиального Просветительского отдела наиболее ценно инициированное им введение огласительных бесед на приходах Узбекистана.

До 2011 года, практически каждый январь, мне приходилось участвовать в Рождественских чтениях в Москве. Начинал я с секции сектоведения, а потом мне довелось стать участником и докладчиком секции катехизации. И в тот раз ее воз-

главил владыка Викентий. Уже тогда среди катехизаторов его имя было на слуху: он, один из немногих архиереев, ввел двенадцать обязательных огласительных бесед в Екатеринбургской епархии.

Сидя на секции напротив президиума, где сидел владыка Викентий, тогда еще архиепископ, я мечтал: «Вот бы и у нас в Ташкенте так было». Вымолил!

Сразу по прибытии на Ташкентскую кафедру владыка сказал, что обязательно оглашение будет введено и в нашей епархии. Предсказал, что в связи с этим будут большие нестроения и недовольство тех людей, кто причисляет себя к православным, но очень далек от Церкви, однако недовольства и нападки быстро закончатся, люди поймут подлинную ценность знаний о вере. Предсказания, основанные на большом архипастырском опыте, сбылись в точности. Приходилось и претерпевать, но удавалось торжествовать и радоваться за то, что люди сознательно пришли к вере.

По благословению владыки, в сентябре 2011 года я заготовил проект указа о введении оглашения на приходах епархии. Владыка внес очень существенные коррективы в содержание этого проекта. Запомнилось его замечание о том, что люди должны открыть для себя и принять Живого Бога, а не только формальные знания о Нем.

Помню недоумение не только мирян, но и некоторых священников. Были и до сих пор встречаются моменты саботажа этого указа. Не мне судить таких священников и мирян...

Помню, как на первое занятие у нас на приходе никто не пришел... Зато на втором уже было человек пятнадцать. А дальше – долгое время приходилось мне молиться перед каждым занятием, чтобы люди могли вместиться в нашу трапезную, где проходили занятия. А она вмещает до семидесяти человек...

Мы, священники, много выслушали на своих приходах нелестных отзывов об оглашении. Очень скупо владыка рассказывал, что приходилось претерпеть ему самому. Доводилось сталкиваться с непониманием светских властей, к которым обращались люди с жалобами. Слава Богу, потом разобрались. Были попытки провокаций. Поднималась травля в СМИ и в Интернете. Приходилось самому владыке часами беседовать с возмущенными людьми, которые после этого сердечно его благодарили и уходили убежденными и воодушевленными.

Претерпевший же до конца спасется (Мк. 13, 13). Владыка в этой «огласительной эпопее» претерпел до конца и тем самым дал правильное направление ко спасению очень многим людям. Достаточно сказать, что приход нашего храма сейчас более чем наполовину состоит из бывших слушателей огласительных бесед...

И здесь я говорю только о просветительском служении нашего архипастыря. А есть еще и социальное служение; есть мощно поставленное паломническое дело и многое, многое другое.

***Протоиерей Сергей Стаценко,
настоятель Александро-Невского храма, Ташкент***

Впервые я увидела владыку Викентия, когда он приезжал на праздничные службы в храм Александра Невского. Увидела его внимание и любовь к нам, про-

стым прихожанам. Помню все его слова напутствия в праздничные дни и молитвы о нас.

И каково же было мое удивление, когда, улетаая однажды из Москвы, в обычном зале ожидания увидела его – нашего митрополита, смиренно сидящего и ждущего посадки. Он был совершенно один, без помощников. И когда я подошла за благословением, а потом, поборов смущение, поинтересовалась, где же его секретарь, владыка ответил смущенно:

- Я всегда летаю один.
- Как? А сумки, портфель – кто это несет?!
- Я, – тихо ответил митрополит.

С тех пор прошло много времени. Владыку я видела еще много раз и беседовала с ним. И каждый раз всё больше убеждалась в его смирении и простоте: когда он поздравлял нас, простых прихожан, дарил подарки, находил для каждого время и нужное слово.

Мира, благополучия, здоровья и долгая лета нашему дорогому Митрополиту!

Наталья, прихожанка Александро-Невского храма

В один из праздничных дней детки из народного ансамбля «Русский лапоток» пришли поздравить владыку. Одним из номеров была песня «Выйду ночью в поле с конем». Ее исполняла моя внучка Александра. Тогда ей было лет пять-шесть (сейчас уже десять...). Владыка, как обычно, всех поблагодарил и одарил гостинцами. Отдельный дополнительный гостинец дал нашей певунье. Важные слова она мне сказала дома: «Бабушка, владыка слушал меня стоя!». Совсем маленький человек, она поняла, что владыка проявил не просто интерес, но и огромное уважение к ней, к ее исполнению.

Гостинец, конечно, был с удовольствием съеден, но коробочку из-под него мы храним...

Благодарю Вас, дорогой владыка, за Ваше внимание к нам. Многая и благая лета!

Светлана, прихожанка

Есть на свете люди, с которыми тепло. Таким человеком является владыка Викентий, правящий архиерей епархии. Искренний и сердечный, незаменимый духовный лидер и истинный защитник веры.

70-летие владыки – это праздник не только для него, но и для всех людей, которые имеют честь быть его духовными чадами или просто друзьями. Его мудрость и щедрость, пример великого лидера и духовного учителя оказывают благотворное влияние на жизнь людей и в Узбекистане, и за его пределами.

Он внес достойный вклад в укрепление межнациональной дружбы и согласия в стране, утверждение в обществе толерантности. Вывел на новый уровень культурно-гуманитарные связи с зарубежными странами. Владыка удостоен множества наград и орденов.

Мы благодарим владыку Викентия за его безграничную любовь, стремление к миру и ежедневное служение другим. Желаем ему продолжения здоровья, радости

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!» *Голоса верующих*

и благополучия на протяжении многих лет. Мы надеемся, что его труды и пример будут вдохновлять новое поколение и способствовать духовному росту и гармонии в Узбекистане и во всем мире.

Владыка заслуживает самых теплых и сердечных поздравлений. Пусть Бог продолжает благословлять его на каждом шагу его непрерывного служения и заполняет его жизнь радостью, любовью и Божественным вдохновением.

Мимедла Усеинов, воин-интернационалист

Владыко любимый, отец наш Викентий!
Мы, все прихожане, Вам ближе, чем дети.
Заботясь о нас, каждый день Вы с молитвой
Стоите на страже, как перед битвой.

Представив всю паству, зовете: «Всевышний!
Взгляни на нас всех. Никто здесь не лишний.
Твой промысел Божий, с Отцовской заботой,
Снабжает нас всех любимой работой,

И хлебом насущным, и всем, что нам надо.
Пасешь, бережешь и ведешь Твое стадо».
И просите Вы, чтоб нас Бог вразумил;
Кривые пути наши все распрямил,

Чтоб ямы заполнил, холмы разровнял
И добрым молитвам ответил и внял..
Но знаем – чтоб Бог мог по просьбам подать,
Должны мы Его всем сердцем принять.

А Вам мы желаем здоровья и сил,
Чтоб Бог всё послал Вам и нужным снабдил,
Чтоб паства была Вашим словом согрета
На многая, многая, многая лета.

Евгения, прихожанка

Не могу и я остаться в стороне и не сказать несколько слов о делах нашего дорогого владыки Викентия, о его участии в судьбе нашей семьи. Моя матушка Людмила страдает онкологией, и лечение, конечно, требуется дорогостоящее и неоднократное. И наш владыка безвозмездно много раз оплачивал медицинские расходы. И если дети болеют, тоже оказывает помощь.

Благодаря владыке я побывал в паломничестве в Иерусалиме, на Афоне и, конечно же, ездил по святым местам Урала. То же могут сказать сотни верующих, которые ездили по святым местам за время служения нашего дорогого архиерея на Среднеазиатской кафедре. Знаю, что он ищет меценатов, которые помогают

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!» *Голоса верующих*

не только в организации паломничества, но и в строительстве храмов на земле Средней Азии. Для нашего храма в Фергане он попросил добрейшего человека, раба Божия Сергия, отлить комплект чудесных колоколов в Каменске-Уральском. Сейчас ведется строительство колокольни для этих колоколов. С приходом митрополита Викентия в нашей епархии в целом произошли значительные перемены: на приходах стали проводиться огласительные беседы перед крещением и перед венчанием. Усилилась социальная работа не только в кафедральном соборе, но и в каждом приходе. А как преобразился Успенский кафедральный собор! Не хуже российских соборов.

Еще хочу сказать про служение нашего митрополита: он неустанный молитвенник. Каждый день он благоговейно служит и причащается святых Христовых Таинств. За год посещает по несколько раз каждый приход в Узбекистане, старается вникнуть в нужды настоятеля и прихожан. Когда он в Ташкенте, в Епархиальном управлении к нему собираются огромные очереди людей на прием, даже до двух часов ночи, я сам не раз был свидетелем всему этому, ибо сам приходил по своим семейным нуждам. И каждого он как отец родной утешит.. Еще много можно говорить о его деяниях, и если подробно писать обо всем, что делает наш владыка, то, думаю, и всему миру не вместить написанных книг. Благодарим Бога, что вовремя Он послал нам такого чуткого архипастыря, который *душу свою полагает за овцы своя*.

***Протоиерей Игорь Ходырев,
настоятель храма во имя преп. Сергия Радонежского, Фергана***

Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!

Я как раз в 2011 году уехала из Ташкента на заработки в Подмосковье. Прихожу в церковь, а там висит объявление, что теперь, чтобы покрестить человека, надо пройти курс огласительных бесед. Я удивилась. И подумала: «Молодцы россияне, обучать будут своих людей!». Ведь этого обучения реально не хватает, чтобы человек хоть немного разобрался в вопросах веры. Я рассказала об этом дочкам, которые жили в Ташкенте. Но еще больше удивилась, когда они мне сказали, что и в Ташкенте тоже ввели этот обязательный курс! Много было недоумений и возмущений у людей и в России, и в Ташкенте из-за этого. Но всё это, слава Богу, позади! Жаль, что не было оглашения гораздо раньше. Многие люди могли бы спастись. Но кто хочет, тот найдет Истину.

Дай Бог нашему владыке духовных и физических сил для дальнейшего служения! А мы будем молиться за него.

Прихожанка

В 2012 году мне посчастливилось с группой паломников побывать на земле древней Византии. Впечатления были настолько яркими, что кажется – вчера это было.

Но самое сильное впечатление осталось от первого дня поездки. Наша группа в основном состояла из немолодых и небогатых людей, что было особенно заметно на фоне состоятельных туристов и предпринимателей. Да и несколь-

ко паломниц возмущались, что им приходится соприкасаться с «таким контингентом».

Мы шли к выходу из Стамбульского аэропорта и услышали, как кто-то по-русски с издевкой сказал: а это еще кто, что за убогие? Не скажу, что было обидно, но запомнилось.

А вечером, после насыщенного событиями дня, мы стояли на набережной и радостно удивлялись, как такое могло с нами произойти. Я случайно посмотрела на верхние ступеньки и увидела владыку Викентия. Он наблюдал за происходящим и выглядел абсолютно счастливым. Я шепнула подруге: «Катя, посмотрите, как владыка за нас радуется!».

Это впечатление легло в основу моего отношения к дорогому владыке Викентию. Много мы увидели храмов, икон, достопримечательностей. Но для меня этот эпизод перевесил всё остальное.

Хочу поздравить дорогого владыку Викентия с юбилеем и пожелать ему Божией помощи во всех его начинаниях, здоровья, сил и преданных помощников.

Ольга Кутюкова

Начну свое повествование издалека. Сама я по происхождению из немцев, но со стороны отца мои родственники были лютеранами, а со стороны мамы – православными, и прадед был даже протоиереем. Детство мое прошло в Эстонии, где моим религиозным воспитанием занималась бабушка-лютеранка. И хотя крещена я была в Ташкенте в кафедральном соборе (кирха тогда в Ташкенте не действовала), воспитание бабушки оказало сильное воздействие на мою душу. Ежедневно мы читали дома Ветхий Завет и Евангелие, еженощно посещали кирху. На летние каникулы я приезжала в Ташкент и часто сопровождала свою православную бабушку на Литургию в кафедральный собор. У бабушки было очень плохое зрение, и без моей помощи ей было бы просто не добраться. В соборе я испытывала чувство отторжения – кругом были одни бабушки, многие были одеты очень неопрятно и от них плохо пахло, другие делали замечания мне, ведь я была одета очень модно и ни за что не соглашалась покрыть платочком свою стильную причёску. Моя православная бабушка была глубоко верующим человеком, но на многие мои вопросы не могла мне ответить ничего вразумительного, потому что в те годы православной литературы не издавали, никаких просветительских курсов не было, и даже полного текста Священного писания в доме не было, только каким-то чудом сохранившееся Евангелие. А вот моя бабушка-лютеранка всегда давала мне исчерпывающие ответы на любой интересующий меня вопрос, да и в кирху ходили всей семьей, от мала до велика, тщательно вымытые, нарядные...

Словом, основываясь на этих, весьма поверхностных, впечатлениях, я склонилась к лютеранству. К моменту, когда открыли кирху в Ташкенте, я уже давно жила в этом городе. Сначала я посещала лютеранский молельный дом, а потом все мы стали посещать кирху. Ее возглавил прекрасный человек – епископ Корнелиус Вибе (Корней Корнеевич, как все мы его называли). И так как среди этнических немцев-прихожан было весьма немного тех, кто знал родной язык, то он меня

благословил проповедовать и вести конфирмационные занятия. Эти занятия похожи на огласительные беседы, но только с гораздо более глубоким погружением в тему, да и экзамен весьма строгий.

И все это продолжалось до 2001 года, когда меня, по Божиему промыслу, стало неумолимо влечь в православный храм. И я стала приходить по вечерам, после работы, на всенощную службу. Моей православной бабушки к этому времени уже не было в живых. И сначала я приходила, чтобы вспомнить, как мы вместе с ней стояли на Литургии, как кротко она выслушивала мои по-детски максималистские замечания, с какой любовью она просила меня задуматься об истинно верном Пути ко Господу.

И вот так постепенно Господь привел меня к осознанию того, что именно здесь и есть истинная Церковь Христова, и я приняла твердое решение перейти в православие. В один из вечеров я встала в очередь на исповедь, и когда она подошла, я объяснила свою ситуацию и спросила, что мне делать. Батюшка велел мне подойти к владыке Владимиру. Буквально на следующий день, отпросившись на работе, я пришла в Епархию и, спросив у проходящей мимо меня женщины, где я могу увидеть Владыку, нашла его сидящим на скамеечке и играющим с котятками. Он был удивительно добрым, и при этом таким мудрым, а также образованным человеком; все годы своего пребывания на кафедре он вел меня за руку в моем неопитстве. Нередко я оступалась, но именно благодаря ему удерживалась от падений.

И вот до нас, прихожан, дошли сведения о том, что владыченку забирают от нас! Большинство прихожан, да и многие клирики восприняли эту весть как пощущение нам от Господа за многие грехи наши, и с тяжелым сердцем расставались с любимым пастырем.

Надо ли говорить, что приезд Владыки Викентия был встречен нами без особой радости, в принятии его было более смирения. И вот, однажды, спустя месяц после появления на кафедре нового Владыки, во время Всенощной, я подошла, опустив глаза, на елепомазание, и вдруг, подняв их, увидела удивительные глаза владыки Викентия – изумительно чистые, небесно-голубые, мудрые, но строгие глаза отца, радеющего о каждом из детей своих. И с этой минуты я поняла, какое счастье выпало на нашу долю.

Владыка Викентий стал деятельно проводить значительные реформы нашей церковной жизни, и, что было особенно отрадно для меня, он ввел огласительные беседы, совершенно необходимые для желающих креститься, венчаться или стать крестными родителями.

Ведь несмотря на то, что сейчас очень много духовной литературы и в епархиальной библиотеке, и в церковных лавках, и в интернете есть множество видеолекций, есть «Радио “Вера”», телеканал «Спас», созданный при деятельном участии Владыки Викентия телеканал «Союз», многочисленные Телеграм-каналы и другие интернет-ресурсы, большинство прихожан удивляют своим полным невежеством в вопросах Православной Веры.

Ко всему прочему, в нашей епархии ведётся активная паломническая деятельность. Мы получили чудесную возможность посещать не только россий-

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!» *Голоса верующих*

ские и местные святыни, но и Святую Землю, да ещё и в предпасхальные дни! А как желанно сердцу каждого православного человека паломничество к Чудотворцу Мирликийскому! И все это стало доступным для нас трудами владыки Викентия.

И по сей день мы не перестаём восхищаться его подвигом ежечасного, ежеминутного служения Господу! И мы, прихожане кафедрального собора, неустанно благодарим Господа за то, что Он послал к нам, недостойным, такого архиерея.

Ольга Эргардт

Александр ГАЛАК

Православные храмы Сырдарьинской линии: от Раима до Катта-Кургана^{*}

Ура-Тюбе

Штурмом 2 октября 1866 года была взята бухарская крепость Ура-Тюбе (ныне Истаравшан в Таджикистане), располагавшаяся на скале. Полковой священник Капитон Высоцкий, приехавший в крепость вместе с семьей в марте 1867 года, повествует:

Приезжаю я, или, лучше, вхожу, в Ура-Тюбе, где меня разными зигзагами, известными здесь под именем улиц, проводят во дворец бывших ура-тюбинских беков: это на самом верху скалы; чрез внешний и множество внутренних дворов, один над другим возвышающихся. <...> На этой-то горе я должен был поселиться. Здесь до моего прибытия не было и помина о какой бы то ни было церкви, и когда у бывшего в то время здесь комендантом и заведовавшего вместе и туземным населением, капитана Г-на, я стал просить места для богослужения, которое нужно было, по случаю великого поста, начать немедленно, он с недоумением сказал мне, что он «не знает, зачем я приехал». «Не думаете ли вы, капитан, что я приехал сюда сам собою? – возразил ему я. – Я имею указ консистории, которая, по просьбе военного губернатора области, назначила меня для удовлетворения христианских потребностей здешнего гарнизона». – «Я не знаю, – отвечал он, – кто здесь нуждается в священнике, по крайней мере о себе скажу, что я в течение трехлетней своей службы никакой надобности в священнике не имел»¹.

Спустя сутки отец Капитон повторил попытку поговорить с комендантом, но тот выслал его вон, не желая говорить. Вскоре, правда, этого коменданта отстранили от управления, и с июня месяца, после назначения нового коменданта, дело приняло другой оборот. Отец Капитон оказался в крепости, не имея, однако, в своем распоряжении ни походной церкви-палатки, ни поддержки начальства.

Командир 3-го батальона, полковник, которого отец Капитон упоминает под акронимом «А.Е. Б-в», лютеранин, предложил ему для богослужения свою обитую

^{*} Окончание. Начало в № 4 (LXI) 2022.

сукном палатку. В этой палатке поставили иконы, принадлежавшие батальону, столик для креста и Евангелие, аналой для церковника и столик для свечей. «Началось говение, – вспоминал отец Капитон, – и солдатики под проливным дождем, стоя в грязи, творили земные поклоны...»².

Отец Капитон Высоцкий стал осматривать местные строения, которые можно было бы приспособить хотя бы под временную церковь.

Наш выбор пал на огромные старые ворота цитадели, построенные из обожженного кирпича, в арабском стиле, с куполом. Здесь в это время была гауптвахта. <...> Я, тем временем, испросив разрешения у духовного начальства на постройку церкви, и в октябре сделал подписку по гарнизону и собрав небольшую сумму, приступил к переделке ворот в церковь. Около сего времени стали съезжаться новые администраторы округа, и первым из них прибыл военный губернатор Сырдарьинской области генерал-майор Н.Н. Головачев. Он с своей стороны выразил сочувствие к нашему предприятию и дал пособие от себя. Заручившись новой помощью, я скоро устроил церковь³.

На торжестве освящения присутствовали начальник гарнизона и чины уездной администрации, а также гости из Ходжента. Благочинный церковей Сырдарьинской области Покровский соборно совершил освящение в сослужении с настоятелем уратюбинской церкви священником Александром Маллицким, священником Нарциссовым и диаконом Овсянниковым. В этот торжественный день местными жителями для новой церкви были подарены два ковра стоимостью в 100 рублей.

Церковь эта, переделанная из бывших Кокандских ворот, была небольшая, но уютная и отделанная внутри в восточном стиле. С наружной стороны она была украшена красивым куполом с крестом и двумя башенками по бокам.

Церковь Святителя Николая была видна отовсюду и резко выделялась своими белыми стенами на темно-желтоватом фоне скал. Поблизости от нее, в барбете (насыпная площадка для орудий) крепостной стены, была устроена маленькая колокольня.

В июне 1868 года на место отца Капитона был назначен вдовый иерей Алексей Зеленецкий, прослуживший на этом приходе до февраля 1872 года.

За неимением средств первые годы в этой церкви не было иконостаса, который заменяли в ней лишь немногими имеющимися иконами. Церковь размещалась в старой башне ворот вплоть до землетрясения, которое произошло в 1889 году, после чего она была закрыта и перенесена в здание больницы до 1894 года. Позже внизу под горою, в так называемом «русском квартале» (гузари рус), при священнике Ионе Оленицком был построен новый каменный храм из жженого кирпича. В советские годы храм был закрыт, обезглавлен; в его здании ныне находится местный историко-краеведческий музей.

Джизак

Укрепление Джизак было занято русскими войсками через две недели после Уратюбе, в октябре 1866 года. Вскоре в нем появляется первая временная церковь, которую решили освятить во имя святителя Николая Мирликийского.

В 1868 году неподалеку от Джизака было построено новое военное укрепление Ключевое. Осенью того же года там в одной из крепостных башен была устроена временная небольшая церковь из сырцового кирпича, но из-за отсутствия антиминса она оставалась до 1869 года неосвященной⁴. Эта церковь была освящена в 1870 году также во имя святителя Николая.

В 1883 году на городской площади Ключевого был построен небольшой храм из сырцового кирпича и освящен в 1884 году. Храм этот, выкрашенный белой краской, по своему виду был очень скромен и более похож на молитвенный дом. Недалеко от церкви была устроена на четырех столбах из жженого кирпича колокольня под железной крышей. В 1893 году в церкви служил священник Евстратий Любимский.

В конце 1894 года все было готово к началу строительства нового здания храма в русской части Джизака, где к тому времени уже насчитывалось 40 домов и 500 жителей. В мае 1895 года был создан специальный строительный Комитет, председателем которого являлся Джизакский уездный начальник подполковник В.Н. Рыбушкин, а членами – настоятель священник Алексей Свиридов и староста той же церкви коллежский асессор Архангельский, инженер Фон-Ренненкампф и секретарь уездного управления коллежский регистратор Амфионов.

В сентябре 1895 года священником Алексеем Свиридовым неподалеку от дома губернатора было освящено место для постройки нового храма. После Божественной литургии 3 сентября крестный ход отправился из церкви на место, предназначенное под сооружение нового храма, которое и было освящено.

К 1900 году при настоятеле отце Иоанне Предтеченском строительство капитального здания церкви из жженого кирпича было закончено и освящено во имя святителя Николая. Здание было построено по проекту известного туркестанского архитектора Вильгельма Гейнцельмана. Это был одноглавый храм в русско-византийском стиле, крестообразной формы и вместимостью 400 человек. На строительство храма были выделены деньги из интендантского ведомства в размере 19 938 рубля 91 копейка. На строительство колокольни, которое не входило в первоначальную смету, средства в размере 1 800 рублей собирались дополнительно самими жителями города⁵.

В 1930 году этот храм, как и Свято-Никольский храм в Ура-Тюбе, был закрыт; позже в обезглавленном здании был размещен Музей природы, который находится в нем до настоящего времени.

Чимкент

В июле 1864 года Чимкент был взят, а в июне 1866-го в распоряжение коменданта укрепления Чимкент, по распоряжению военного губернатора Туркестанской области, был направлен молодой священник Димитрий Вознесенский. При нем в укреплении Чимкента, на горе, вблизи от казарм местного гарнизона, была возведена временная церковь во имя святого преподобного Сергия Радонежского. Она возводилась на добровольные пожертвования, собранные отцом Димитрием; строительство ее обошлось в 2200 рублей. Церковь из сырцового кирпича, покры-

тая камышовой крышей, залитой глиной, была построена к началу 1869 года и вскоре освящена.

Первое здание церкви быстро обветшало, и к ноябрю 1884 года рядом с ним было построено новое, из жженого кирпича, вместимостью 250 человек. Новая церковь была построена по распоряжению исполняющего должность Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Герасима Колпаковского, на казенные средства, по проекту Вильгельма Гейнцельмана, в неорусском стиле. На одноярусной ее колокольне имелось семь колоколов. Однако в церкви не было иконостаса.

В 20-х числах мая 1886 года, в присутствии Туркестанского генерал-губернатора Николая Розенбаха, церковь была освящена во имя преподобного Сергия Радонежского. Здание прежней церкви из-за ветхости было разобрано, на месте его расположения был поставлен крест из жженого кирпича.

Церковь, в перестроенном виде, уцелела в советские годы (в ней размещалась местная филармония), однако в 2007 году местные власти снесли ее.

В 1894 году на православном чимкентском кладбище была построена небольшая церковь из жженого кирпича под железной крышей, вместимостью 50 человек. Она возводилась в течение двух лет на деньги, выделенные из средств Сергиевской церкви, в размере 1000 рублей, и еще 300 рублей, собранных среди православных жителей Чимкента; остальные 700 рублей были пожертвованы самим настоятелем отцом Александром Тихомировым. Церковь эта была 17 аршин в длину, 10 аршин в ширину, а в высоту 6*. Постройка производилась под наблюдением отца Александра и его заботами и трудами. В петербургской мастерской Сидорского и Ракоchio был изготовлен для нее одноярусный иконостас. Освящена она была 10 сентября 1895 года во имя Успения Божией Матери. Как сообщалось об этом событии в «Туркестанских ведомостях»:

Торжество освящения храма привлекло множество богомольцев из городских жителей и близлежащих русских поселений. Когда окончилась Литургия, около церкви, с северной ее стороны, на траве были покрыты скатерти и присутствовавшим при освящении поселенцам была предложена о. Тихомировым скромная трапеза. На скатертях были разложены куски мясного пирога, черного хлеба и затем было подано горячее. Сам о. Александр прочитал молитву Господню, благословил кушание и затем пригласил всех есть на доброе здоровье. Более 100 человек мужчин, женщин и детей тихо опустились на траву и, перекрестившись, приступили к скромной трапезе, предложенной их добрым и предупредительным пастырем. Эта глубокотрогательная, чисто евангельская картина произвела на всех присутствующих неизгладимое впечатление⁶.

При этой церкви Успения Божией Матери была небольшая караулка. На местном кладбище возле церкви был погребен умерший в апреле 1906 года протоиерей Александр Тихомиров, а его вдова матушка Ефросинья осталась жить при приходе чимкентской церкви.

В 1912 году состоялась закладка нового храма. Он был построен по проекту младшего архитектора Сырдарьинского областного управления Ивана Маркевича, конструктивное решение разработано инженерами Н.И. Ботвинкиным и Р.П. Ко-

* Соответственно 12,07 м; 7,1 м; 4,26 м.

чаром. В 1914 году собор был освящен во имя святителя Николая Чудотворца. В 1930-е годы здание было обезглавлено; в настоящее время в нем располагается кукольный театр.

Катта-Курган

Военный гарнизон Катта-Кургана (ныне Каттакурган в Самаркандской области Узбекистана), состоявший, после захвата этой крепости, из одного батальона, сотни казаков, команды артиллеристов и администрации уезда, насчитывал около 1500 человек. 9 октября 1868 года благочинный церковью Сырдарьинской области протоиерей Андрей Малов извещал командира крепости, что вновь прибывший в Туркестанский округ священник Владимир Невоструев назначен в укрепление Катта-Курган. 4 ноября отец Владимир прибыл в Катта-Курган*. Как писал о. Капитон Высоцкий, на летопись которого мы постоянно ссылаемся:

Немедленно по прибытии на место, священник занялся изысканиями помещения для временной церкви и средств к ее устройству. Его выбор пал на большую не занятую саклю, но на нее имел виды и каттакурганский воинский начальник, и священнику пришлось обратиться за разрешением к начальнику Зеравшанского округа А.К. Абрамову. Генерал А.К. Абрамов, выслушав священника, дал разрешение и вдобавок, сделав пожертвования от себя, предложил ему обратиться с просьбой к господам офицерам самаркандского гарнизона. Едва только священник высказал свою просьбу, все они выразили полнейшее сочувствие, и каждый дал, что мог. Так составила сумма до 250 рублей. Заручившись таким капиталом и участием генерала Абрамова, священник возвратился в Катта-Курган...⁷

Начальник Катта-Курганского отдела дал распоряжение коменданту крепости в ближайшее время подготовить отведенное под церковь строение и для его приспособления дать в помощь двух плотников. Большую помощь отцу Владимиру оказал молодой офицер 5-го Туркестанского линейного батальона Николай Каразин, впоследствии известный художник и автор многих романов, повестей и очерков, описывающих среднеазиатскую жизнь**. Не имея под рукою другого материала, Николай Каразин написал для царских врат церкви акварельными красками на картоне сцену Благовещения Пресвятой Богородицы. Им также был выполнен эскиз всего иконостаса с царскими вратами, а отец Владимир, увеличив до соответствующего размера, перенес его на большие, толстые листы картона, крепко склеенные по два листа вместе.

Благодаря высечке и вырезке специальными резцами и долотами иконостас имел вид резного. Над этой работой отец Владимир Невоструев трудился у себя на квартире и предлагал всякому приходящему к нему принять посильное участие. Иконостас был оклеен белой бумагой и подбит красной материей. Иконы для иконостаса и алтаря, писанные на полотне, были пожертвованы и высланы из Москвы разными благотворителями. Перед иконостасом были поставлены подсвечники,

* Об истории каттакурганского храма см. подробнее: *Галак А.* Храм святого равноапостольного князя Владимира в Каттакургане // *ВС.* 2017. № 2 (XLIII). С. 11–16. (Прим. *ВС.*)

** Об Н.Н. Каразине см. также: *Шафранская Э.* Николай Каразин: известный, забытый, возвращенный // *ВС.* 2013. № 2 (XXX). С. 95–99. (Прим. *ВС.*)

сделанные из бухарских военных труб, обращенных вниз своими широкими раструбами и с припаянными в верхнем тонком конце дисками и подставками для свечей. Паникадило было сделано из большой грушевидной тыквы, хоругви выполнены отцом Невоструевым из красного канауса, с наклеенными с обеих сторон хромолитографированными иконами. Первое время у церкви не было своей звонницы, и для звона использовались почтовые поддужные колокола разных размеров.

21 апреля 1869 года в церкви в торжественной обстановке отпраздновали Пасху; по описанию очевидца, «скромная церковь вся была в огнях, с крепостных верхов гремел салют»⁸.

10 декабря 1868 года в присутствии начальника Зеравшанского округа генерала Абрамова состоялось освящение храма во имя святого князя Владимира. На сохранившейся старинной фотографии видно это несложное строение азиатского типа под плоской крышей, отличающееся от остальных разве что маленьким куполом с крестом. Рядом видна небольшая колокольня в виде деревянного помоста под открытым небом.

Здание временного храма не отвечало полностью всем потребностям, и вскоре встал вопрос о постройке более подходящего и вместительного храма. Четыре года спустя, в июне 1872 года, благочинный сырдарьинских церквей протоиерей Андрей Малов совершил освящение второго здания Свято-Владимирского храма. Оно, так же как и прежнее, было выстроено из сырцового кирпича и имело плоскую крышу.

В 1920-е годы были закрыты почти все православные храмы Самарканда и его благочиния; не стала исключением и Каттакурганская церковь. Здание было обезглавлено и приспособлено под одно из административных учреждений города.

Закончить этот очерк о сырдарьинских храмах хочется словами самого священника Капитона Высоцкого, смотревшего в будущее с верой и упованием: «Мало отрадного в этом очерке, ... но мы не теряем упования на Бога и льстим себя надеждою, что лет через 10, несмотря на все затруднения, в нашей области будут построены храмы благолепные. Упование не посрамит»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Высоцкий К., священник.* Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области. (Окончание) // Православное обозрение. Известия и заметки. 1870. № 5. С. 124–125.

² Там же. С. 126

³ Там же. С. 126–127.

⁴ Там же. С. 127–128.

⁵ <Б.а.> Новый православный храм в Джизаке // Строитель: Вестник архитектуры, домовладения

и санитарного зодчества. 1895. № 21. С. 16.

⁶ Новая церковь в Чимкенте // Туркестанские ведомости. 1895. № 68.

⁷ *Высоцкий К., священник.* Письма из Самарканда... С. 129–130.

⁸ *Поспелов Ф.* Церковь Св. равно-апостольного князя Владимира в Катта-Кургане // Туркестанские Епархиальные ведомости. 1914. № 12.

⁹ Там же.

Людмила БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО), Сергей БОРОШКО

Военный востоковед Георгий Арандаренко*

Русские военные востоковеды внесли исключительный вклад в изучение Туркестана. Посетив отдаленные малоизвестные районы Средней Азии, они представили русской и мировой общественности бесценные научные сведения. Одним из первых исследователей края был Георгий Алексеевич Арандаренко, посвятивший службе в Туркестанском крае сорок лет, прошедший путь от подпоручика до генерал-майора, от уездного начальника Ура-Тюбинского района до военного губернатора Ферганской области. Многочисленные географические путешествия, поездки в Бухарское ханство, изучение географии и этнографии Каратегина и Дарваза позволили ему собрать уникальные сведения о жизни, нравах и обычаях среднеазиатских народов – казахов, туркмен, узбеков, каракалпаков, таджиков, а также освоить местные языки. За свои многочисленные путешествия и научно-исследовательские работы он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества. Генерал-майор Арандаренко входит в число наиболее известных ученых и писателей XIX века, является автором работ по туркестановедению, опубликованных в различных центральных и туркестанских изданиях.

Родословная. «Арандаренко» или «Арендаренко»?

Георгий Алексеевич Арандаренко происходил из потомственных дворян, имевших обширные владения в Черниговской и Полтавской губерниях. Он родился 4 февраля 1846 года в браке Алексея Ивановича Арандаренко и Марии Федоровны Тарасевич в родовом имении в селе Малая Кошелевка Нежинского уезда Черниговской губернии¹.

Род Арандаренко свидетельствовал о шляхетском происхождении – от польского дворянского рода Jarand z Grabi i Brudzewa h. Pomian, упоминаемого с XIV века². Истоки этого рода уходят в средневековую Польшу, откуда латифундисты и магнаты Яранда Брудзевские (из польского города Брудзев) в середине XVII века

* Авторы выражают благодарность востоковеду Михаилу Казбековичу Басханову, доктору исторических наук, профессору, за содействие в подготовке этой статьи.

переселились на территорию Левобережной Украины, в село Черняховка (Нежинская первая полковая сотня), и интегрировались в казачью среду. Среди многочисленных потомков рода Яранда Брудзевских в конце XVII века выделяется одна из ветвей, занимавшая старшинские должности сотенного уровня Нежинской полковой сотни. Казацкая старшина была военно-политической элитой нового государства – Гетманщины. Время появления дворянского рода Арандаренко на территории Нежинщины точно определить не удалось: архивные документы дают основания предполагать, что это произошло между 1618 и 1648 годами. В формулярном списке от 29 января 1812 года дед Георгия Алексеевича, корнет Иван Иванович Арандаренко свидетельствовал:

Происхождение предков моих из польского шляхетства от Николая Яранда Збрудзела*. Предки мои имели на фамилию Яранда герб, означающий в красном поле волову голову, пронзенную саблею. Прапрадед мой Иоахим, как возымел жительство в Малой России Нежинского повета в селе Черняховке, то тут простолюдинами переименован с Яранда Аландаром; по смерти же его, сын его, а мой прадед Петр Аландар продолжил Всероссийскому престолу военную казачью службу; по смерти прадеда моего Петра, сын его, а мой дед Михайло, наименовавшийся Аландаренком, продолжал же воинскую службу <...> сотенным старшиною, и при осаде крепости Очаковской на службе жизнь свою кончил <...> Показание всего сего извлечено из записок предков моих, из старых казачьих кампутов, из свидетельств старожилых людей и двенадцати благородных дворян данных мне в 1784 году, из крепости на недвижимое помещичье имение, с патента на чин 1792 года февраля 9, из грамот дворянской Черниговской комиссии и из свидетельства Нежинского нижнего земского суда сего января 12 дня данного³.

Потомки шляхтича Николая Яранда Брудзевского именовались Аландаренко, Арандаренко, Арндаренко и т.п. Одним из известных представителей рода Арандаренко на Запорожье был Тимофей Михайлович Арандаренко⁴, дважды назначавшийся по указу короля Польши гетманом реестрового Запорожского казачества (в 1630–1631 и в 1633–1634 годах). Осуществлявший это назначение коронный гетман Речи Посполитой Станислав Конецпольский, имевший родство с родом Яранда Брудзевских, отметил его мужество, отвагу, опыт «в делах рыцарских» и определил его:

...всему войску Запорожскому за старшего, которому всякую готовность и послушание все будут должны оказывать⁵.

Деду Георгия Алексеевича, сотенному атаману Ивану Арандаренко, в 1787 году, во времена правления Екатерины II, за оказанную в службе «ревность и прилежание» был пожалован золотой Императорский орден Св. Владимира 4-й ст. Его отец, полковник Алексей Иванович, был начальником следственного отдела губернской жандармерии.

Мать Георгия Алексеевича, Мария Федоровна была представительницей богатого и знатного дворянского рода Тарасевич, родоначальником которого был гетман Запорожского казачества Тарас Трясило. Многие ее предки занимали

* Т.е., «из Брудзева».

старшинские должности сотенного уровня Нежинской первой полковой сотни⁶.

Стоит отметить, что Георгий Алексеевич в различных публикациях, документах, докладах и рапортах подписывался двояко – как Арандаренко и как Арендаренко. Оба этих написания верны, но традиционно мы используем написание фамилии «Арандаренко» как единственную форму, официально используемую родом потомственных дворян Черниговской губернии. Впервые форма написания «Арандаренко» была принята и опубликована в 1839 году, а окончательно она была утверждена Указом Герольдии 11 июня 1841 года за № 8146. Но несмотря на принятую официальную форму написания, некоторые представители рода Арандаренко до конца XIX века продолжали использовать форму «Арендаренко». Даже в одном документе эта фамилия иногда писалась и через «а», и через «е»⁷. 1 июля 1910 года Азиатский отдел Главного штаба выдал Удостоверение № 41338, указывающее:

Бывший Мервский Уездный Начальник, затем Генерал для поручений при Туркестанском Генерал-Губернаторе и наконец Военный губернатор Ферганской области Генерал-Майор Георгий Алексеевич Арандаренко, уволенный от службы Высочайшим приказом 9 декабря 1904 г., в официальной переписке, в том числе и в всеподданнейших докладах Военного Министерства, именовался и Арандаренко и Арендаренко, во всех официальных бумагах, письмах и приказах, имеющихся в делах Главного Штаба, подписывался Арендаренко, а в послужном списке значился Арандаренко⁸.

Видимо, Георгий Алексеевич был последним из дворянского рода Арандаренко, который использовал двоякое написание фамилии.

Начало пути

Начальное образование Георгий Алексеевич получил в родовом имении Малая Кошелевка, где его мать, Мария Федоровна, будучи образованной женщиной, основала частную школу. Когда ему исполнилось десять лет, он был зачислен в Петровский Полтавский кадетский корпус, к которому были приписаны молодые дворяне Полтавской, Харьковской, Екатеринославской и Черниговской губерний⁹. Окончил он кадетский корпус в 1863 году. Выпуск 1863 года дал Российской империи 14 генерал-лейтенантов; несколько однокурсников Георгия Алексеевича сделали блестящую придворную и административную карьеру. В числе лучших выпускников Арандаренко был направлен в 1-е военное Павловское училище Петербурга. Он вступил на службу юнкером 23 августа 1863 года¹⁰ и окончил это училище по первому разряду 8 июня 1865 года, получив чин портупей-юнкера. Этого звания удостаивались лучшие из юнкеров «за отличное исполнение служебных обязанностей, при хорошей нравственности и успехах в науках».

Как один из лучших выпускников, 19 сентября 1865 года Георгий был переведен в высшее военное Михайловское Артиллерийское училище. В середине 1860-х годов оно считалось привилегированным высшим военным заведением, в которое с 1853 года принимали только детей потомственных дворян. Через четыре месяца, 13 декабря 1865 года портупей-юнкер Арандаренко сдал все выпускные

экзамены по высшему баллу, окончил полный курс обучения по 1-му разряду. Он был произведен в подпоручики со старшинством с 7 августа 1865 года и 20 декабря препровожден в Инспекторский департамент Военного министерства с назначением в Оренбургский стрелковый батальон, находившийся в подчинении генерал-майора Дмитрия Романовского, сформированный 21 февраля 1865 года и квартировавший в Ташкенте.

Одним из друзей Георгия Алексеевича по 1-му военному Павловскому училищу был будущий военный министр Алексей Куропаткин. Куропаткин окончил 1-е военное Павловское училище в 1866 году, выпущен подпоручиком в 1-й Туркестанский стрелковый батальон. Он прибыл в Туркестан осенью того же года. Пропустив весеннюю кампанию 1866 года, он участвовал в октябрьских боях за крепости Ура-Тюбе и Джизак¹¹. Последующие походы против бухарцев, штурм Самаркандских высот, бой на Зерабулакских высотах, повторное взятие Самарканда и другие боевые действия еще более укрепили дружбу будущих генералов Арандаренко и Куропаткина, которой они будут верны всю жизнь.

Подпоручик Арандаренко начал военную службу в самом сложном регионе Российской империи, попав в действующую часть, несущую потери в условиях наступательных боевых действий. Военная кампания против Кокандского ханства велась с 1853 по 1865 годы и переросла в вооруженный конфликт с Бухарским ханством. В первые месяцы 1866 года войска Романовского начали концентрацию в районе захваченного генералом Черняевым в июне 1865 года Ташкента, объявленного столицей русского Туркестана. В ответ на это бухарский эмир Музаффар, заручившись поддержкой кокандского правителя Худояр-хана, потребовал от России очистить Ташкент. Переговоры, продолжавшиеся до начала мая 1866 года, ни к чему не привели. Боевые действия начались 8 мая 1866 года при урочище Ирджар. Это было первое масштабное сражение, в котором принял участие подпоручик Арандаренко. Бухарская армия потерпела поражение, потеряв около 1000 воинов.

Ускоренным маршем отряд Романовского двинулся в сторону расположенного на берегу реки Сыр-Дарьи сильно укрепленного города-крепости Ходжент и 20 мая 1866 года осадил ее. Подпоручик Арандаренко прибыл к батальону в день штурма крепости, 24 мая 1866 года¹². Защитники Ходжента обороняли город-крепость решительно, стойко и мужественно. В результате жестокого боя, в котором погибло не менее двух с половиной тысяч защитников, крепость пала. Как писал очевидец:

Трупы собирались и хоронились в продолжение недели. Кроме того, толпы раненых, на третий же день по занятии Ходжента, стали являться на наш перевязочный пункт, с просьбою о помощи; число их было так велико, что при всей неутомимости наших докторов, по необходимости, раненые должны были ожидать очереди по несколько дней. Трофеи наши состояли, кроме множества ружей, значков, Фальконетов и другого оружия, из 18 орудий и одного большого кокандского знамени. У нас в продолжение осады и штурма выбыли из строя: убитыми 5, ранеными 65, контуженными 57 и без вести пропавшими 6; из этого числа – офицеров ранен 1 и контужены 6; всего 133 человека¹³.

Через четыре с половиной месяца, приняв участие также во взятии Ура-Тюбе, Арандаренко подаст рапорт и перейдет на административную службу. Что послу-

жило тому причиной, он не объяснял, однако в течение последующих сорока лет службы он показал себя талантливым ученым, дипломатом и администратором, утверждавшим власть Российской короны в Туркестане не силой оружия, а верховенством закона и личным авторитетом.

Итак, 12 октября 1866 года двадцатилетний подпоручик Арандаренко был откомандирован от батальона для «исправления должности заведующего Ура-Тюбинским районом», которую занимал до 20 декабря 1867 года, обладая самыми широкими полномочиями.

Населением заведовало в то время военно-народное управление, формировавшееся исключительно из лучших войсковых офицеров, которым приходилось не только управлять, но и начальствовать <вверенными им армейскими> отрядами¹⁴.

Назначение подпоручика Арандаренко, с менее чем полугодовым боевым опытом службы в Туркестанском генерал-губернаторстве, на высшую административную должность главы только что завоеванного района свидетельствовало о его высоких личных качествах. Это был его первый управленческий опыт.

Спустя год он был введен в состав Аулиеатинского организационного комитета, результатом работы которого стало образование 21 октября 1868 года Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области.

После работы в комитете было направление «на усиление военно-народного управления Джизакского уезда» (21 августа 1868 – 12 марта 1869). В течение следующего года подпоручик Арандаренко исправлял должность Джизакского уездного судьи (12 марта 1869 – 13 марта 1870), с постоянным проживанием в городке крепости Джизак.

Прошло чуть более года с тех пор, как русские войска завоевали эту некогда неприступную крепость. Поскольку среди обороняющихся и погибших было значительное число местных жителей, неприязнь к русской администрации не ослабевала. Город-крепость Джизак и весь район считались наиболее беспокойным местом, и ожидание неминуемого восстания витало в воздухе. В докладах генерал Романовский писал, что жители Ура-Тюбинского и Джизакского районов являются самыми агрессивными и своевольными.

В 1868 году Бухарский эмират признал зависимость от царской России. Царская администрация создала новые органы управления. Была введена должность генерал-губернатора, которому были предоставлены самые широкие полномочия¹⁵. После введения принципа выборности на должности судей выбирались люди, угодные царским чиновникам, часто не знавшие правил и основ мусульманского права, не умевшие читать и писать на языках коренного населения¹⁶. Естественно, писари, переводчики и другие подчиненные казию (судье) служащие, совершая правосудие, брали инициативу в свои руки. Это приводило к различным злоупотреблениям. Как писал Арандаренко:

Вмешательство дошло до того, что население перестало считать суд правильным (справедливым), и обращались по всем самым ничтожным вопросам к начальнику отдела¹⁷.

Это выдвигало необходимость изучения местных языков и традиций, что Георгий Алексеевич и осуществил успешно в кратчайшие сроки.

13 марта 1870 года подпоручик Арандаренко, к тому времени имевший авторитет знатока Туркестана, языка, обычаев и традиций местного населения, был откомандирован в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. Через год, в 25 лет, он стал Туркестанским уездным судьей и с 8 марта 1871 по 9 ноября 1874 года исполнял эту важную должность¹⁸.

Этнограф, географ, историк

Для становления Арандаренко как востоковеда большое значение имела служба на судебных должностях, которая позволила ему ознакомиться с особенностями правовой культуры, обычаями и традициями местного населения. Будучи управляющим нагорными бекствами в верховьях реки Зеравшан (Магианское, Фарабское и Кштутское бекства), он имел возможность изучить жизнь и природу как степного, долинного, так и горного Туркестана¹⁹. К этому же периоду относится и начало его литературной деятельности, публикация первых работ по востоковедению. Как отметил Сергей Абашин:

Многие военные были молоды и неопытны в гражданских делах. <...> Однако молодость и отсутствие систематического образования компенсировались, во-первых, любознательностью, стремлением получить новые знания, быстрым обучением практикой, а во-вторых, соприкосновением с живым «материалом», тогда еще не затронутым сильно русским влиянием. Труды таких великолепных знатоков Средней Азии, как <...> Г. Арандаренко, А. Хорошхин, Н. Гродеков и др., которые служили в армии либо начинали карьеру как военные, до сих пор остаются едва ли не главным источником по исторической этнографии Средней Азии²⁰.

Большинство своих работ Арандаренко впервые опубликовал в газете «Туркестанские ведомости» – первом печатном органе в Средней Азии. В «Туркестанских ведомостях» выходили его статьи по географии, истории, юридическим проблемам, мусульманскому законодательству, этнографии, ирригации, сельскому хозяйству, метеорологии, лингвистике, страноведению, военным проблемам, отношениям с сопредельными странами, экономике и многим другим вопросам. Объем этих статей зачастую превосходил стандартный формат газетной публикации и печатался серией в нескольких номерах. Приведем далеко не полный перечень этих материалов: «Юридическая оценка русского и мусульманского законоположений о находке и пригильном скоте (лёкота)», «Ирригация Туркестанского уезда», «К вопросу о каризах (подземных арыках) Туркестанского района», «Между туземцами степного уезда», «Малоизвестные города Зеравшанского округа», «Статистические сведения по городам Пенджакенту и Ургуту», «Скотоводство в Зеравшанском округе», «Кишлак Карнак», «Халифа Хасан (биографический очерк)», «Народный суд у туземцев», «Цистерны в Каршинской степи», «Ирригация в Зеравшанской долине», «О метеорологических познаниях у туземцев», «Заметка о мостах на Зеравшане», «Сельское хозяйство в Зеравшанской долине», «О кредите у туземцев»,

«Роль туземного населения в довольствии войск», «Эксплуатация горного леса в Зеравшанской долине», «В горах Дарваза и Каратегина», «Афганский Туркестан в 1878–80 годах», «Бухарские войска», «Лесной вопрос», «Несколько дней на озере Курчук-ата»...

Названия статей, которые Арандаренко публикует с завидным постоянством, говорят о его экспедициях в самые неизученные районы Туркестана, о его интересе к наиболее актуальным вопросам взаимодействия туркестанской администрации и коренного населения: «В гостях у сарта. Дастархан», «Пир в степи. Ишаны», «Суд биев. Волостные выборы», «Между туземцами степного уезда». В свои тематические обзоры он включал журналы своих экспедиционных путешествий.

Уже из названий этих работ видно, как обширны и разносторонни были наблюдения Арандаренко, сколько полезных и необходимых сведений сообщил он на страницах «Туркестанских ведомостей». Своими работами Георгий Алексеевич не только способствовал развитию и изучению Туркестанского края, но и открывал внешнему миру практически неизвестную ранее Среднюю Азию. Эти работы, опубликованные им в первые два десятилетия существования «Туркестанских ведомостей», вошли в «золотой фонд» научной литературы о Средней Азии.

Кроме «Туркестанских ведомостей», Георгий Алексеевич публиковал свои статьи в «Известиях Императорского Русского географического общества», «Военном сборнике» и других изданиях. Первые его публикации выходили под псевдонимами «Ар-ко, Г.», «А-р-о, Г.» и «Г.А.», за подписью «Арандаренко», а с середины 1880-х годов – за подписью «Арандаренко»²¹.

Георгий Алексеевич был одним из первых исследователей, развивавших жанр этнографических зарисовок применительно к Средней Азии. Словарь русских писателей и ученых представляет Арандаренко именно как этнографа²². Он опирался на данные широкого круга источников, таких как донесения, отчеты, восточные хроники, древние книги и документы. Кроме того, он собрал прекрасную библиотеку древних книг и текстов, которые мог читать в первоисточнике. Его работы отличались ярким описанием географии Туркестанского края и быта коренных народов.

Начав писать работы о народах Средней Азии в 25-летнем возрасте²³, за сорок лет службы в Туркестане Г. Арандаренко опубликовал исследования по истории, военному делу, этнографии и религии народов Туркестана, работы по экономике и юридическим вопросам. Сборник «Досуги в Туркестане»²⁴ поставил его имя в ряд лучших географов Российской империи XIX века.

Особое место среди исследований Арандаренко занимает его аналитический труд «Афганский Туркестан в 1878–1880 годах (Очерки политических событий)»²⁵.

Автор рассказывает об истории образования в XVII веке страны за Амударьей – Афганского ханства, о его эмирах, распрях между ними, междоусобных войнах племенных вождей, о первом военном вмешательстве англичан в дела Афганистана, их вступлении в Кабул, истреблении афганцами английского отряда и событиях второй англо-афганской войны. Последующая история Афганистана приводится со всеми подробностями, которые сумел получить исследователь во время вы-

полнения дипломатической миссии при дворе Бухарского эмира Музаффар-хана. Сведения о главных событиях в Афганистане в 1869–1879 годах, собранные Арандаренко из первых рук и переданные им в Ташкент, послужили ценным аналитическим материалом для Азиатского отдела Генерального штаба Русской императорской армии.

Арандаренко собрал сведения об организации войск, принятых Гулям-Гайдарханом, о полной распущенности афганских войск. Он дает характеристику политического положения и властных полномочий сердара Абд-Ул-Рахман-хана и сердара Исак-хана. Автор подробно описывает события, предшествующие вступлению Абд-Ул-Рахман-хана в Кабул, и политическую обстановку, способствовавшую его дальнейшему воцарению на Афганском престоле. Не менее подробно повествуется о Бухарском ханстве, его войсках, политических процессах внутри ханства и его взаимоотношениях с соседними государствами²⁶. Впервые эти работы были опубликованы Арандаренко в 1881 году и повторно вышли в сборнике «Досуги в Туркестане» в 1889 году. Эти работы, ставшие классикой афгановедения, были недавно переизданы²⁷.

«Зеравшанская долина будет наиболее привлекательным местом во всем Туркестане»

Российское командование проявило интерес к изучению верховьев реки Зеравшан, водные ресурсы которой имели важное значение для хозяйственной жизни Бухарского ханства. В стратегическом отношении Бухара была уязвима в случае потери контроля над этой водной артерией. Для изучения района верховьев Зеравшана была сформирована специальная экспедиция, которую возглавил генерал-майор Александр Абрамов. Отряд выступил 25 апреля 1870 года, благополучно прошел Фальгарское бекство, радушно встречаемый жителями Фальгара и Ягноба, которые просили защитить их от горных матчинцев. При вступлении же в горную Матчу* местное население отнеслось к ним враждебно. В результате этой экспедиции, в ходе которой было убито и ранено 37 ее членов, горные бекства, под названием «нагорные тюмени», были присоединены к России, войдя в состав Зеравшанского округа²⁸.

12 ноября 1873 года Г. Арандаренко был произведен в чин штабс-капитана, а 9 ноября 1874 года назначен управляющим Нагорными туменами Зеравшанского округа. (Под этим названием – Нагорные тумены – независимые горные бекства Матча, Фальгар, Фан, Фараб и Магиян были присоединены в 1870 году и вошли в состав Пенджикентского уезда Зеравшанского округа, а в 1887-м – в состав Самаркандской области.)

В чине штабс-капитана Арандаренко прослужил в горных бекствах три года. Территория горного Зеравшана (которая впоследствии станет оплотом басмаческого движения вплоть до 1940-х годов) изначально являлась самой беспокойной в русском Туркестане. Несмотря на частую опасность, Арандаренко приступил к исследованию вверенных ему территорий, впервые описав малоизвестные города

* Горный район на территории Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

Пенджикент и Ургут²⁹. Он впервые опубликовал данные о численном населении этих древних городов, экономическом, социальном положении жителей, приведя подробные таблицы населенности и положения промышленности в городах этих нагорных тюменей³⁰.

В 1874 году Арандаренко опубликовал первое исследование по кяризам – традиционной подземной гидротехнической системе в Средней Азии, совмещающей водопровод и систему орошения³¹. Кяриз представляет собой подземный канал (глиняная горизонтальная штольня), соединяющий место потребления с водоносным слоем. Исследователь приводит подробные сведения о кяризах, связанных между собой галереями, при помощи которых подпочвенные воды выводились на поверхность земли. В частности, он указывает, что в местности Багаджат, между Каратагом и Актагом (долина Зеравшана) на склоне горы были выкопаны рядом восемь колодцев, соединенных между собой глубоко под землей. Из последнего колодца вытекала струя воды, которая использовалась для орошения окрестных полей и садов. Существовало общинное и частное водопользование. Впоследствии, в начале 1900-х годов, кяризы Туркестана изучал востоковед Василий Бартольд³².

Уделял Георгий Алексеевич внимание и другим аспектам водопользования. Из его «заметок» видно, какой драгоценностью была вода в Средней Азии, как ею пользовались, как берегли, как делили. Арандаренко приводит практические указания для правильного решения вопроса об увеличении культурной полосы земли Зеравшанской долины. Зависимость от воды определяет особую систему орошения и строго определенный порядок распределения воды по отдельным полям и хозяйствам. Местность может опустеть или, напротив, процветать и населяться, смотря по тому, как решится вопрос о воде. Автор указывает, что население выработало весьма разумный распорядок, в котором слишком усердное вмешательство русских властей производило иногда только ненужную путаницу. Арандаренко осуждает администраторов, которые без внимания к местным условиям затевают выдуманные в кабинете планы ирригации.

Пользование на правах полной личной собственности допускалось при условии, если земледелец проведет из реки, ручья или родников канал (арык) лично и за свой счет, произведет его очистку также сам. Личной собственностью также считались родниковые воды в некоторых районах. Хозяином их становился тот, кто раньше успел освоить близлежащие земли. Мобилизация населения для ремонта и очистки оросительных каналов называлась хашар и бегар. Принимались меры для содержания головы каналов в исправности, ремонта и очистки каналов, арыков, кяризов. Для ремонта каналов на Зеравшане работало до 460 рабочих в течение 16–20 дней. По правилам каждый собственник земли обязан был выставить одного рабочего с кетменем³³.

Обратил Арандаренко внимание и на древние цистерны-сардобы. В статье «Цистерны в Каршинской степи» он описывает эти грандиозные сооружения, возведение которых народная молва приписывает знаменитому Абдулла-хану. Арандаренко пишет, что кроме канализации в Туркестане с древних времен практиковалось устройство цистерн, собиравших и сберегавших дождевую воду. Эти цистерны (обширные каменные постройки, углублённые в земле в виде колодцев)

делали возможным переход через безлюдные и безводные степи. Исследователь отмечает, что многие из них на момент описываемых им событий были испорчены и превратились в клоаки, и делает предложения по их возрождению³⁴.

Георгий Алексеевич считал Зеравшанскую долину лучшим уголком в Средней Азии, восхищаясь ее природой и жителями. Несмотря на многочисленные волнения коренного населения, Арандаренко утверждал, что «при правильной организации военно-народного управления, Зеравшанская долина будет наиболее привлекательным местом во всем Туркестане»³⁵.

Предметом особого интереса исследователя был аграрный вопрос в Бухарском ханстве³⁶. Статья Г. Арандаренко «Заметки по сельскому хозяйству в Зеравшанской долине» сообщает о земледелии в средней части долины и в «нагорных тюменях», объясняет, почему сетования на плохое будто бы состояние сельского хозяйства, как прямое следствие отсутствия улучшенных земледельческих орудий и агрономических знаний у местного населения, не имеют под собой оснований.

На новой должности Арандаренко проявил себя как реформатор-хозяйственник. Изучив вопросы спроса и внутренней торговли Восточной Бухары сельскохозяйственной продукцией, он выделяет из них самые востребованные. Стоимость зерновых продуктов, особенно в зимнее время, была очень высокой. Например, в Ширабадском бекстве килограмм риса продавался за 6 рублей 50 копеек, килограмм пшеницы – за 1 рубль 80 копеек, ячменя – за 1 рубль 20 копеек³⁷. Чрезвычайно высокая цена риса была обусловлена его дефицитом и большим спросом в безводных регионах Туркестана. Поэтому усилия были направлены на преодоление этого дефицита и внедрение особого сорта суходольного риса, который не требует такого большого количества воды, как рис обыкновенный, а довольствуется обычной поливкой пашни. Благодаря энергии и личным связям начальника Зеравшанского отдела Арандаренко, в 1874 году семена этого сорта риса были разосланы во все уезды Зеравшанского округа. Самарканд получил эти семена, и первые опыты посева риса дали вполне удовлетворительный результат. Рис хоть медленно, но все же вошел в число местных полевых культур. Естественно, быстрого успеха и общего распространения этого сорта риса в Туркестане нельзя было и ожидать. Но Арандаренко доказал, что рис растет и в безводных регионах. Самаркандские посевы риса были настолько велики по площади, что Зеравшанский округ до самого конца XIX века был единственным регионом Российской империи, где культура суходольного риса не только удержалась, но и распространилась в некоторых, далеко не обильных водою, местностях.

Арандаренко посещал самые отдаленные уголки горного Зеравшана, будучи практически первым европейцем, столь тщательно обследовавшим этот регион Туркестана. Во время исследования высокогорных районов он совершал длительные переходы, совмещая физическую выносливость путешественника, пытливую любознательность ученого и властные полномочия уездного начальника. Он писал, что горцы отличаются терпеливостью, сильной волей, выносливостью и отважностью. Они неутомимы в ходьбе по горам, способны делать по 80-120 верст в один день пешком³⁸.

По долгу службы и по призванию ученого, он изучил пути сообщения в «нагор-

ных тюменях», опубликовав статью «Заметки о мостах на Зеравшане», в которой рассказывает о дорогах между горными кишлаками, о мостах через горные реки и о способе поддержания в порядке этих путей и мостов.

Арандаренко уделял большое внимание изучению хлопководства, посвятив этому вопросу несколько обширных исследований (каких?). Особенно выделял он вопросы по улучшению сортов хлопчатника и посевам американского сорта хлопчатника, который был производительнее и качественнее местных сортов хлопка. Эти публикации и донесения о перспективах выращивания хлопчатника легли на стол Кауфмана.

Вопрос был актуальным. В 1873 году специальная комиссия представила Туркестанскому генерал-губернатору фон Кауфману сведения о местных сортах хлопчатника³⁹. Ферганская долина, Самарканд, Закаспийские области, Хивинское ханство и Бухарский эмират по своим природным и климатическим условиям отвечали задачам хлопководства.

Генерал-губернатор ценил мнение Арандаренко в области выращивания хлопчатника. В 1875 году он обещал отвести первому хлопкопромышленному товариществу «Янов и К^о» до 30 тысяч десятин земли. В инженерных работах особое внимание уделялось землям вокруг Бухары. Георгий Алексеевич предлагал восстановить пришедшие в негодность оросительные сооружения. Он был инициатором строительства новых оросительных каналов по следам старых арыков, выведенных из Амударьи. Эти работы могли в самое короткое время способствовать получению высокого урожая хлопка. Было предусмотрено провести дополнительные работы по изучению пустынной приграничной полосы Бухарского эмирата и созданию здесь новых хлопковых плантаций. Благодаря проведению нового арыка в Термезском гарнизоне во всех вновь орошаемых здесь землях стали сеять хлопчатник. Амударья, Сурхан, Вахш, Кафирниган, Пяндж, Кызыл-су стали использоваться для расширения орошаемых земель под хлопчатником⁴⁰.

Одной из первостепенных задач, поставленных перед русской администрацией в Туркестане, явилось расширение посевных площадей под хлопчатник. Эта задача через пару десятков лет оказалась выполнена блестяще: была полностью обеспечена потребность российской промышленности в туркестанском хлопке и исключена зависимость от импортного хлопка.

Уделял Арандаренко внимание и другим вопросам, которые составляли важнейшие элементы жизненного уклада коренного населения. Побывав с экспедиционной поездкой в Сурханском оазисе, он опубликовал сообщение, посвященное коневодству. Он писал, что в оазисе разводят несколько пород лошадей (по окрасу их называли саман, жейран, турик, буз и др.). Узбеки в основном разводили карабаирских, локайских, туркменских лошадей, иногда и арабских. Для выращивания местной карабаирской породы использовали туркменских, арабских и монгольских лошадей. Путем скрещивания с участием карабаирских лошадей были выведены такие породы, как узбекская, миёнкулская, ургутская и другие.

Упомянул Арандаренко и об экономической важности этого вопроса. Лошади считались не только транспортным средством, они были самым дорогим и ценным товаром. Самые лучшие кони оценивались от 400 до 600 рублей, а туркмен-

ские – до 1000 рублей. При этом в конюшнях Бухарского эмира Насрулло содержалось две сотни породистых лошадей, а в конюшне Аллаёра Фаргоначи в 1870–1880 годах – около трехсот⁴¹.

Арандаренко был уверен в возможности улучшения благосостояния края посредством поддержки коневодства, о чем он написал в отосланной Кауфману на «благоусмотрение» докладной записке с практическими предложениями⁴².

Эта исследовательская черта существенно выделяла Арандаренко на фоне остальных туркестанских чиновников. Кауфман характеризировал его как человека «известного своей даровитостью и умением обращаться с азиатами и хорошо притом знакомого с туземным языком и обычаями»⁴³.

«Разбор русского и мусульманского законоположений...»

В 1873–1874 годах в «Туркестанских ведомостях» Арандаренко публикует свои первые работы, посвященные мусульманскому законоположению⁴⁴. Признавая большое влияние, которое традиционно имели аксакалы, он изучает судебные порядки и обычаи, принятые в среде коренного населения⁴⁵. Эти публикации являются первыми исследованиями русской уездной администрации, опубликованными в первые годы существования русского Туркестана. В течение десяти лет судебно-административной службы Арандаренко изучал местное юридическое право. Он опубликовал серию своих наблюдений в восьми номерах «Туркестанских ведомостей» в 1879 году⁴⁶.

Подробное описание местного управления, быт кочевого и оседлого населения Степного края, политика и практика царского административно-судебного аппарата по управлению краем – все эти вопросы впервые были подробно описаны в трудах Арандаренко⁴⁷. В 1876 году молодой штабс-капитан занимался исследованием степных народов Туркестана, прежде всего киргизов, их особенностей быта, обычаев и местных законоположений. Его работа, опубликованная в 1880 году, затрагивает практически все сферы их жизненного уклада и далеко выходит за рамки обычного этнографического исследования, описывая конкретные жизненные ситуации, с которыми Арандаренко сталкивался в течение службы:

Воровство в киргизской степи, по своим размерам и организации, составляет страшное хроническое зло, разъедающее и благосостояние народа, и его нравственность. Вслушавшись в судебные процессы по делам краж, во мнение населения кочевого и отчасти оседлого, я пришёл к тому убеждению, что воровство у киргизов совершается вовсе не по нуждам, а так сказать по баловству вначале, жадности впоследствии и привычке в заключение⁴⁸.

Арандаренко практиковал длительное проживание в среде туземного населения. Будучи главой законодательной и исполнительной власти, он изучал законы шариата и местные обычаи. Его судебные решения были основаны на соединении законов Российской империи и местных законов⁴⁹. Это обеспечивало его личный авторитет, стабильность и отсутствие беспорядков. Археолог и востоковед Василий Вяткин писал:

Именно таким ученым-востоковедам, как Арандаренко, Петровский, Андреев, Половцов, Громбчевский и Снесарев, а совсем не сановным служакам, народы Туркестана обязаны были тем, что всегда, за очень редкими исключениями, улаживали мирным путем непростые отношения друг с другом и со своими беспокойными соседями⁵⁰.

Арандаренко первый среди русских ученых подверг критике политику вмешательства администрации в дела правосудия. Он писал, что нельзя надеяться на справедливое и правильное решение, не устранив те препятствия, которые созданы в процессе судопроизводства и контролем народных судов (у кочевников суд биев по зану – обычаю, у оседлых туземцев суд казиев, по шариату) неподготовленными представителями русской администрации⁵¹. Юридические вопросы и деятельность народного суда, писал Арандаренко, меньше всего привлекали внимание лиц, занимающихся изучением Туркестана, и этот важный предмет надлежит безотлагательно изучить в самое ближайшее время.

Изучил Георгий Алексеевич вопросы кредитования местного населения, столь важного в сельском хозяйстве, и вопросы ростовщичества, которым занимались индийцы и бухарские евреи. Главными ростовщиками были индийцы, временно приезжавшие в Туркестан для наживы и взимавшие за ссуду до 180% в год. По вычислению автора, из одного только Самаркандского отдела этими ростовщиками вывозилось более полумиллиона рублей золотом ежегодно.

Мерилом к определению выгодности ростовщичества между туземцами обыкновенно служат здесь данные о капитале индийца при начале деятельности и при полной ликвидации дел чрез период 5–10 лет, на который обыкновенно приезжают в Туркестанский край эти желтолицые сыны Будды. Такими проблематическими данными нельзя, конечно, получить правильного вывода о размерах оборотов каждого ростовщика-индийца или еврея (в гг. Туркестане, Чимкенте), но что обороты эти значительные, что чрез руки индийцев-сосунов (сут-хур), как называет их народ, уплывает в Индию каждогодно порядочная часть русского золота тех 40 миллионов, которые незримо устремляются ежегодно «заграницу», что под действием такого классического кредита благосостояние населения значительно слабеет <...> Уже самый факт значительного наплыва индийцев в последние 8 лет, при сопоставлении его с несомненными данными, что в своей специальной профессии ростовщичества индийцы взимают 180 процентов, что деньги выдаются большею частью под урожай, что туземцы, при своей похвальной склонности к своевременному взносу податей, не брезгают и таким возмутительным кредитом, лишь бы рассчитаться с казною, – это уже достаточно иллюстрирует роль и значение для края индийцев, этого несимпатичного во всех отношениях промышленного элемента⁵².

Он негативно оценивал предоставление таких прав иностранцам, указывая, что российская казна теряет миллионы рублей, и настаивал на необходимости государственного контроля над этой сферой финансовой деятельности в Туркестане. При этом он не выделял индийцев, не относился к ним предвзято, а не скрывал негативное отношение ко всем ростовщикам, независимо от их национальности:

Посмотрите на того же богача, отпускающего деньги киргизам под разбойнические 160 процентов. Какими увертками, обсчитыванием, запугиваниями он опутывает свою жертву, чтобы вытянуть от нее все, чем можно воспользоваться⁵³.

Исследование Арандаренко о ростовщиках, напечатанное в «Туркестанских ведомостях» в 1877 году, имело практические последствия. Кауфман внимательно ознакомился с данной работой и прекратил деятельность индийских ростовщиков. Чтобы обеспечить коренному населению дешевый кредит, Арандаренко составил проект вспомогательной кассы, принятый к сведению при составлении правил для действующих в крае ссудных касс. Работа «О кредите у туземцев» наглядно демонстрирует финансово-экономические познания автора, его стремление упорядочить денежные потоки, которые циркулировали в Туркестане и которые, при грамотном распоряжении, могли приносить прибыль русской администрации и быть менее разорительными для земледельцев.

«Обаяние Зеравшанской администрации...»

Управление нагорными тюменями было столь успешным, что штабс-капитан Арандаренко уже в 1875 году, всего через несколько лет после кровопролитной летней Зеравшанской экспедиции, беспрепятственно посещал горные кишлаки горного Зеравшана, установив там прочную административную власть:

Обаяние Зеравшанской администрации на горцев держалось так прочно, что в случае необходимости удаления из их среды беспокойных людей, поручение это исполнялось без затруднений, просто джигитами управления, и вызывавшиеся горцы беспрекословно следовали к начальнику за посыльным, даже в случаях, как были примеры, заведомо ожидавшей их ответственности по делам тяжких преступлений. Должностные горцы: арбабы, амины и муфтии вполне добросовестно и с совершенною преданностью исполняли свои обязанности, как это доказывается сбором податей во все года (население Когистана платит *херадж музаф*), а также <принятием> своевременных мер к предупреждению распространения беспокойной агитации извне⁵⁴.

В начале лета 1875 года управляющий нагорными тюменями Арандаренко повторил летнюю Зеравшанскую экспедицию генерала Абрамова, совершив 40-дневное путешествие, которое сам он называл экскурсией, проехав до озера Ис-кандеркуля с конвоем лишь в двадцать казаков.

В августе 1875 года Арандаренко в Пенджикент доставили прокламации-воззвания к жителям Высокогорной Матчи от сановитых людей Коканда, призывавших всех мусульман «на войну за веру». Матчинцы просили оградить их от каратегинского шаха, Магомет-Рахима, который грозил вторгнуться в Матчу чрез Пакшифский перевал. Арандаренко, по поручению начальника Зеравшанского округа Абрамова, с конвоем в восемьдесят казаков выехал в нижнюю Матчу, чтобы успокоить горцев и предупредить намерения каратегинского шаха в такой степени, что тот не замедлил прислать в Пенджикент своего раиса с письменным уверением в своей преданности русским и в несправедливости, будто бы, наветов матчинцев. После этого умиротворения до октября 1875 года в горном Зеравшане было спокойно.

Стабильное положение в горном Зеравшане продержалось лишь несколько месяцев. Обострение ситуации осенью 1875 года вынудило штабс-капитана

Арандаренко принять активное участие в кровопролитной Кокандской компании 1875–1876 годов.

В 1875 году составил заговор против Кокандского правителя Худояр-хана, к которому примкнул наследник престола Сейид-Мухаммед-Наср-Эддин с андижанским гарнизоном. На сторону мятежников перешел Пулад-хан, имевший значительное число приверженцев и вооруженные силы. Худояр-хан собрал свою казну и под усиленной охраной выехал из Коканда в Ходжент, затем бежал под защиту русских войск в Ташкент. Мятеж охватил огромные территории, включая города Ош, Наманган, Маргелан и Ассак. Календер-бек из Польдерака, при поддержке Пулад-хана, поднял мятеж в горной Матче. Общее число восставших матчинцев достигало трех тысяч человек.

В течение трех месяцев отряд Арандаренко участвовал в столкновениях в Фальгарской и Фанской волостях. Он проводил патрулирование в кишлаках Дарваза, на горных тропах через Витаб, Илиз, Сабак к Польдераку и обратно от Польдерака к Самарканду. Как отмечал военный историк генерал-лейтенант Михаил Терентьев:

Прекрасный знаток языка и обычаев горцев, 29-летний штабс-капитан Арандаренко лично возглавлял казачьи сотни, перебрасываемые в самые горячие горные районы Каратегина, охваченные восстанием...⁵⁵

Штабс-капитан Арандаренко выступил из Пенджикента 14 ноября, в 8 часов утра. При отряде следовали 28 джигитов для разведок и возки корреспонденции. Отряд снабжен был сухарями, спиртом и приварочным довольствием* на 26 дней. На каждое ружье пехоты и кавалерии было взято по 120 патронов. Обоз состоял из 75 ишаков и 10 лошадей под орудие и зарядные ящики. От Пенджикента отряд следовал правым берегом Зеравшана. По пути следования до кишлака Шабатки-баля** отряд не встречал никаких препятствий: везде отводились для него просторные сухие помещения, снабжённые подстилочными кошмами и соломой. Население нижнего и среднего Фальгара повсюду радостно приветствовало отряд, высказывая одновременно жалобы на матчинцев, успевших уже похозяйничать в селениях. Начиная от кишлака Рарз к кишлаку Нахут, отряд оттеснял, без перестрелки, сторожевые пикеты повстанцев, в 30-50 человек, которые, по мере приближения отряда, быстро оставляли селения и следили за отрядом Арандаренко из горных укрытий. В полдень 19 ноября 1875 года отряд вступил в кишлак Шабатки-баля, оставленный конным пикетом восставших, числом в 360 человек, отступивших в кишлак Вишаб. В кишлаке Шабатки-баля отряд застал несколько стариков, которые сообщили, что остальное население, в числе 80 семей, выселилось 16 ноября в горные ущелья левого берега реки Зеравшан. Командир отряда восставших, кокандец Мулла-Караул-беги решил дать бой отряду Арандаренко в Шабатки-баля, так как этот кишлак был расположен на пути в средний Фальгар и замыкал движение к кишлаку Вишаб и в Матчу.

* Приварочное довольствие войск — довольствие войск мясом или рыбой, солью, овощами и другими припасами, необходимыми для приготовления горячей пищи.

** Ныне село Шавадки Боло в Согдийской области Таджикистана.

Кишлак Шабатки-бала состоял из 120 сакель, с одной большой мечетью и с густыми по окраинам садами, разбросан террасами по южному склону гор Туркестанского кряжа, круто спускающемуся в Зеравшан. С севера крутые скаты сланцевых, скалистых гор, окружающие кишлак, резко переходят в массу Вишабского хребта, высотой в 6 тысяч футов над берегом Зеравшана, представляя возможность поражения наступающих двухсторонним огнем и камнями. Совершенно обнажённые от всякой растительности, ущелья Шабатки-бала хорошо укрывают утесами обороняющегося и дают возможность поражать наступающего камнями на каждой точке движения⁵⁶.

Вскоре выяснилось, что повстанцы приготвились защищать дорогу правого берега в Вишаб и с этой целью по хребту, сопровождающему путь на протяжении 4-х верст, расставили стрелков и камнеметателей, а самую тропинку перерезали частыми завалами. Штабс-капитан Арандаренко, рассчитав невозможность обойти неприятеля, решил вытеснить его с этого горного гребня и подвигаться к Вишабу, где, по сведениям, были расположены главные силы Календер-бека.

В 4 часа ночи на 20 ноября 1875 года штабс-капитан Арандаренко двинулся на высоты Шабатки-бала по крутой, скалистой отлогости. В постоянной перестрелке с восставшими, сбивая с уступов неприятельские засады, потеряли убитыми 1-го унтер-офицера, 4-х рядовых и ранеными: 1-го офицера (шт. капитан Арандаренко пулею в грудь и контужен в руку) и 10-ти рядовых. Дальнейшее наступление с 40 рядовыми, истомленными чрезвычайно трудным восхождением, оказывалось невозможным: неприятель, в числе до 800 человек, занимал вершину хребта, укрепленную сильными завалами, из-за которых встречал наступавших весьма метким огнем. Отряд поднялся еще 8 сажень вперед; потеряв убитыми 4-х рядовых и заметив, что на подкрепление обороняющихся двигается с верховьев Шабатки-бала 200-300 человек, начал отступление. Отступавшие несколькими меткими залпами остановили намерение неприятеля перейти в наступление массами. Только десятки смельчаков, вооруженные саблями, батиками, бросались в рукопашный бой, и все почти остались убитыми <...>. Весь штурм <...> лишил неприятеля убитыми до 140 человек и много ранеными⁵⁷.

Спустившись с высот Шабатки-бала и присоединившись к резерву, полувзводы, артиллерия, казаки и обозы были переведены штабс-капитаном Арандаренко в кишлак, где отряд укрепился для обороны на случай нападения повстанцев, которые собирались большими массами на высотах Шабатки-бала. В 3 часа дня 20 ноября большие массы восставших выдвинулись из-за утесов со стороны Вишаба и атаковали отряд, закрепившийся в Шабатки-бала. Огнем орудия, пехоты и казаков атакующие были отброшены. Ночи с 21 по 24 ноября проведены были под ружьем, в перестрелке с повстанцами, пытавшимися повторить атаку на позиции, занятые отрядом Арандаренко.

Арандаренко решил держаться с отрядом в Шабатки-бала до получения подкрепления. 21 ноября начальник Зеравшанского округа генерал-майор Абрамов командировал в Шабатки-бала артиллерии капитана Шпицберга для принятия начальства над отрядом. Одновременно было отправлено из Пенджикента, в подкрепление отряда, 50 низших чинов стрелковой роты 3-го Туркестанского линейного батальона, под командованием поручика Сарапулова. Пройдя усиленным маршем,

с пятьюдесятью казаками 1-й Оренбургской сотни, 130 верст Фальгарской дороги, 23 ноября Шпицберг прибыл в Шабатки-баля.

В ожидании прибытия в Матчу Ура-Тюбинского отряда, генерал-майор Абрамов поручил начальство над обоими отрядами полковнику Александру Яфимовичу, который и прибыл из Самарканда в Шабатки-баля с 1-й Уральской сотней 26 ноября⁵⁸.

После многодневных и ночных боев 25 ноября 1875 года восставшие отступили с высот Шабатки-баля к Оббурдану, что дало возможность полковнику Яфимовичу передвинуть объединенные отряды 27 ноября в кишлак Вишаб, также оставленный мятежниками. После взятия высоты Озахак, 29 ноября, отряд полковника Яфимовича вступил в Оббурдан, куда прибыл и Ура-Тюбинский отряд. Отряд Арандаренко 10 декабря возвратился в Пенджикент⁵⁹.

13 января 1876 года отряд Георгия Алексеевича вновь выступил из Пенджикента в горы и 20 января захватил Календер-бека.

Обратно в Самарканд отряд прибыл 3 февраля. Ни снежные сугробы, ни горные осыпи, ни обледенелые скаты, ни бураны, при 20-градусных морозах, не задерживали движения отряда, который в передний путь прошел по горам 236 верст без дневок, а в обратный (до Самарканда) – 406 верст, с 3 дневками. ...Активная фаза восстания была подавлена⁶⁰.

Французский журнал «Le Mémorial diplomatique» в январском номере 1876 года поместил статью, в которой был описан этот военный поход, предпосылки и сложности его выполнения⁶¹.

Арандаренко за боевые заслуги был награжден в 1876 году орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

7 февраля 1876 года император Александр II издал указ, согласно которому Кокандское ханство вошло в состав Российской империи и из его территории образована Ферганская область.

Самаркандские труды и досуги

Однако чаще Арандаренко организовывал не военные, а этнографо-географические экспедиции. Как он сам писал в своих путевых заметках 1876 года:

Мне представился удобный случай познакомиться с жизнью туземцев степного уезда во время четырехмесячной поездки в кочевья и оседлости <...> К дорожному комфорту я никакой склонности не имел <...> надо было иметь ввиду, что, обставляя себя в кочевой жизни удобствами обстановки бая (богача), я теряю шансы сближения с народом, который и нужен был для целей моей поездки⁶².

Результатом этой поездки были многочисленные наблюдения о сартах, особенностях их психологии, уклада жизни, отличии оседлых народов от кочевых и горцев.

Туземное население Туркестана различается на кочевое (киргизов) и оседлое (сартов). Семиреченская область и некоторые уезды Сырдарьинской области населены исключи-

тельно одними киргизами. В городах господствует сартское население, а киргизы кочуют в своих кибитках по степям, беспрестанно меняя пастбища для своих обширных стад баранов, лошадей и верблюдов, составляющих их исключительное богатство и почти единственный промысел⁶³.

Подчеркивая честность и верность слову и традициям горных и кочевых племен, Арандаренко упоминал их приверженность обычаю кровной мести. Вместе с тем он даже не скрывал своего негативного отношения к зеравшанским сартам (как называли представителей автохтонного городского населения).

Где больше дают, туда мы и тянем, – вот девиз сартов, для которых нет другого кумира, кроме рубля <...> Ученый казий будет надоедать вам слезливыми жалобами на незначительность доходов от судебной практики, и просияет, <...> если ему предложат противошариатское исполнение обязанностей сборщика податей, где перепадают очень и очень значительные крупницы <...> Достаточный земледелец не подарит работнику и одного часа, а при расчете перегрызет его сначала упреками за нерадивую работу и бросит ему пренебрежительно 8-12 рублей, да старое белье и ношенный халат за 9 месяцев непрерывной работы в поле, на землепашестве <...> Слово, данное сартом, ничего не стоит, обещание никто из сартов не выполняет. Сарты обманывают всегда и во всем не только приезжих, но и преимущественно друг друга⁶⁴.

Разумеется, в своих оценках Арандаренко не был свободен от этнических стереотипов; однако они были характерны не для него одного и были достаточно распространены среди администрации края. Начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Георгий Федоров, оставивший свои воспоминания, также дает стереотипно-негативный портрет городского жителя и описания его жилища:

Дом сарта представляет собою отвратительную грязную саклю, без печей, без окон, еле сбитую из комков глины и покрытую плоскою крышей, смазанною той же глиной с рубленной соломой. Конечно, богатые сарты живут лучше, но едва ли чище, а вся огромная масса населения живет в этих ужасных конурах. Дворы представляют собою нечто ужасное. Навоз и человеческие отбросы гниют во дворах. Улицы и проулки во время дождей представляют собою непроходимые болота, а летом, в зной, буквально душат ужасной пылью⁶⁵.

К тридцати годам штабс-капитан Арандаренко являлся одним из самых авторитетных знатоков Туркестана. 21 июля 1877 года был переведен на пост начальника Самаркандского отдела Зеравшанского округа и 5 августа 1877 года получил чин капитана. После преобразования в конце 1877 года Самаркандского отдела в уезд, он получил должность уездного начальника, которую исполнял в течение двенадцати лет, до 15 декабря 1889 года. Будучи в этой должности, 8 января 1881 года он был произведен в майоры, а 6 мая 1884 года – в подполковники⁶⁶.

Обладая значительной властью, Арандаренко, в отличие от подавляющего большинства туркестанских офицеров и чиновников, не был замечен в склонности к карточным играм или к каким-либо неблагоприятным делам. Он не только использовал свое служебное время для изучения и управления вверенного ему уезда, но посвящал все свободное время, весь свой досуг исследованию Туркестана.

Вероятно, это и послужило причиной выбора названия для его самого значительного произведения, озаглавленного «Досуги в Туркестане».

Будучи разносторонне образованным человеком, Арандаренко выписывал столичные издания. В архиве Достоевского сохранилось письмо:

1876 года, Июня 5. Письмо читателя Г.А. Арандаренко, который посылает деньги <...> и просит высылать ему «Дневник Писателя» за 1876 г. в Самарканд⁶⁷.

Самаркандский период ознаменовался интенсивной научной работой. Ее основой были регулярные экспедиции для исследования присоединенных к Российской империи территорий. Арандаренко составлял карты районов, изучал быт, нравы и язык местного населения, говорившего на тюркских или иранских языках и их диалектах. Георгий Алексеевич путешествовал по вверенным ему территориям, являясь первым русским исследователем Туркестана, который десятилетиями проживал непосредственно в изучаемой им области.

Бухарская миссия

В 1880 году политическая обстановка в Туркестане снова осложнилась. Причиной была ситуация в Бухаре.

Еще в 1868 г. вооруженная борьба между Российской империей и Бухарским ханством завершилась поражением последнего. Бухаре был навязан неравноправный договор, и она стала вассалом Российского государства. Однако царские власти, и в первую очередь туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман, заставивший эмира Сеид Музаффар хана принять это соглашение, отнюдь не был уверен в его преданности. Тем более что до него непрерывно доходили слухи и сообщения о различных интригах британских посланцев в окрестных землях... <...>

Неточность и разноречивость поступающих из ханства сведений вынудили его воспользоваться статьей 16 Русско-Бухарского мирного договора от 28 сентября 1873 года, по которой правительство Российской империи получило право держать при эмире своего представителя...⁶⁸

Выбор туркестанского генерал-губернатора пал на начальника Самаркандского отдела капитана Арандаренко. Как писал Кауфман в письме Н.К. Гирсу, этот выбор вызван тем, что Георгий Алексеевич был известен генерал-губернатору «своей даровитостью и умением обращаться с азиатами и хорошо притом знаком с туземным языком и обычаями»⁶⁹.

Будучи доверенным лицом Кауфмана, Арандаренко на восемь месяцев уезжает в Бухару⁷⁰.

Политический смысл этой поездки отметил военный востоковед Дмитрий Логофет:

После того, как вопреки русско-английскому договору афганский эмир Абдурахман-хан занял часть бухарских бекств, неотложная необходимость понудила генерала Кауфмана немедленно командировать бывшего в то время начальником Зеравшанского округа капитана Арандаренко в Бухару. Особой инструкцией ему предписано было собирать сведе-

ния о положении дел в Афганистане и Бухаре, представляя периодически составляемые им журналы, которые по просмотре генерал-губернатор отправлял министру иностранных дел⁷¹.

Какие же вопросы привлекали внимание Кауфмана? Прежде всего и главным образом – угроза британского проникновения, возможные контакты Англии с Бухарским ханством. Этот круг проблем и был поставлен во главу угла заданий Арандаренко. Ему поручалось выяснить взаимоотношения правителей Бухары с англичанами и Афганистаном, приезжают ли в ханство разведчики – британцы либо индийцы, – действующие от их имени. В частности, приезжал ли в сентябре 1879 года афганец «Шир-Магомет», присланный якобы в Бухару из Лахора.

Но миссия капитана Арандаренко не ограничивалась сбором информации. Ему давались и дипломатические поручения. Среди них существеннейшее заключалось в том, чтобы не допустить эмира Сеида Музаффера к захвату власти в Чар-Вилойяте. Совместно с бухарским кушбеги (премьер-министром) Арандаренко поручалось разработать систему выдачи паспортов подданным эмира, проживающим в городах Российской империи.

Капитан Арандаренко прибыл к эмирскому двору с достоинством, подобающим этому событию:

Мы спустились со снежного перевала Тахта-Карача в долину Кашка-Дарьи и продолжали свой путь в пограничном Китабском бекстве. Не доезжая до селения Кайнар мне представился с почетными лицами Китаба Рахматулла-мирахур и передал приветствие бухарского эмира <...> В Кайнаре парадировали встречу* беки: Худойназар-парманачи Каратегинский, Рахманкул ишик-ага-баши Дарвазский, Яхшибек-токсаба и шигаул Ауля Кулыбек-мирахур... Пред воротами цитадели караул сарбазов, при офицере, отдал честь. Церемониймейстер двора эмира и брат бека пригласили сойти с коней и пройти чрез дворцовый дворик. Проводившая меня в приготовленные покои почетная публика поспешила доложить, что в этих помещениях, состоящих из анфилады громадных богатых сакель, останавливается сам хазрат, а дворцовое помещение отведено по личному приказанию самого эмира⁷².

Прибытие в Бухару Арандаренко породило самые разнообразные слухи, и каждый из них широко распространялся. По одной версии, он прибыл в эмират для организации совместных военных действий против Афганистана, по другой – чтобы восстановить в Шахрисабзе бывшего правителя Джура-бека, по третьей – чтобы разместить для постоянного пребывания в Бухаре отряд из 600 казаков (хотя у Арандаренко их было всего 10) и тем самым закрепить над ней российский контроль. Среди населения сразу же стали распространяться домыслы, что его отряд намерен захватить крепость, свергнуть эмира и присоединить Бухару к России. Только политический талант Георгия Алексеевича и его умение ладить с местным населением, подкрепляемое знанием местного языка, законов и обычаев, убедило эмира, что российский представитель не намерен предпринимать никаких силовых действий⁷³.

Арандаренко так описывал свою первую аудиенцию у эмира:

* *Парадировать* – участвовать в параде; в переносном смысле – делать что-либо напоказ.

Среди огромной залы, оклеенной обоями и устланной паласом, на широком кресле, обитом кумачом, сидел в шубе, покрытой канаусом, повелитель ханства – красивый, солидный годами брюнет с мягкими темно-карими глазами, с небольшой узбекской бородой, со спокойными манерами⁷⁴.

Генерал-губернатор Кауфман ожидал от Арандаренко сообщений о положении в Дарвазе, Бадахшане, о землях, находящихся на пути от Амударьи к Мервскому оазису, о взаимоотношениях с эмиром Музаффаром – и регулярно получал его всеобъемлющие отчеты.

В своих отчетах Георгий Алексеевич был точен и беспристрастен. Его «Журналы командировок» содержат сведения о расстановке политических сил в ханстве и в Северном Афганистане. Он приводит разнообразные детали, характеризующие жизнь населения Бухарского эмирата и Афганистана, свидетельствует о постепенном укреплении позиций «бежавшего сардара» – Абдуррахман-хана, который вскоре занял кабульский престол и царствовал более двадцати лет (до 1901 года), оставив о себе память как об одном из наиболее волевых и целеустремленных эмиров в афганской истории.

Большое внимание Арандаренко уделяет состоянию Афганского Туркестана в 1878–1880 годах. Он описывает всю неурядицу, которая началась в Чар-вилайет после смерти эмира Шир-Али. Поскольку известно, что Арандаренко лично в Афганском Туркестане не был, очевидно, что эти данные им собраны по расспросным сведениям. Он практиковал вербовку и заброску своих агентов в труднодоступные или закрытые для европейцев участки Афганского Туркестана. Собранные ими сведения являлись ценными и практически единственными источниками этих военно-политических и историко-этнографических разведанных.

Одним из многочисленных результатов командировки Арандаренко был подробный отчет об истории и состоянии бухарских войск в 1880 году. В статье «Бухарские войска в 1880 году»⁷⁵ он приводит несколько систем обучения бухарских войск: сперва персидскую, потом русскую, введенную беглым сибирским казаком Османом. Он описывает применение к бухарским войскам русских приемов, замечая, что укрывающиеся в Бухаре русские дезертиры в глазах эмиров пользовались большим расположением.

У бухарцев, сообщил Арандаренко, сохранились некоторые военные приемы Николаевских времен («требуется, чтобы стволы блестели, шомпола звенели»), некоторые команды производятся по-русски. Военные упражнения бухарцев «оставляют в памяти представление о такой военной комеди, которая своей неподдельной оригинальностью способна вызвать улыбку самого серьезного наблюдателя»⁷⁶.

Вместе с тем Арандаренко явно преувеличивал коварство, исходящее от коренного населения:

Из близкого знания всего строя жизни бухарского населения и правительства, мы готовы утверждать, что бухарская искренность, как в настоящем, так и в будущем, останется прямо пропорционально нашему военному положению на Зеравшане и обратно пропорционально близости к ней военной силы. Этого никаким образом не следует забывать, имея в виду примеры истории политической жизни Бухарского ханства, издавна претерпевавшего правительственные перевороты, отпадение вассальных владений без всякого пред-

видения, без всяких даже предварительных симптомов, в силу единственно исторического воспитания народа, способного, под лукавой преданностью, расположением, дружбой таить самое ярое недоброжелательство, измену, готовность проявить по отношению к друзьям ненависть и мщение при первом удобном случае⁷⁷.

Эта работа во многом предопределила отношение русской администрации к Бухарскому эмирату и ту роль, которую играли русские войска во внутренней и внешней политике генерал-губернатора фон Кауфмана в русском Туркестане.

Главной задачей в выстраивании отношений с Бухарой, которую исполнял капитан Арандаренко, было ограничение внешнеполитической деятельности эмирата. В свете этого проводился жесткий контроль контактов эмира Музафара с Афганистаном и предотвращались любые его контакты с британскими дипломатическими лицами. Военное руководство Туркестанского генерал-губернаторства сохраняло политику внешнего подобия невмешательства во внутренние дела Бухарского ханства, при фактическом контроле всей внешнеполитической деятельности. Выполняя важную дипломатическую миссию, Арандаренко способствовал укреплению позиций сардара Абдурахман-хана, вскоре занявшего кабульский престол и правившего Афганистаном последующие два десятилетия.

Изучению Афганистана в этот период в военном ведомстве Российской империи придавали первостепенное значение. Сведения, собранные Арандаренко, существенным образом дополняли данные о народах Северного Афганистана, имеющиеся в описаниях военного востоковеда Гродекова и подполковника Матвеева. Арандаренко свидетельствовал о бедственном положении жителей левобережья Амударьи, подчиненных Афганистану. Он приводил петиции русским чиновникам, содержащие желание перейти в русское подданство. Эти данные были оценены военным руководством русского Туркестана, так как лояльности местного населения и их прорусской позиции во время подготовки к вторжению в Афганистан в период обострения англо-русских отношений уделялось повышенное внимание.

Параллельно с решением разведывательных задач Арандаренко собирал научный материал⁷⁸. В 1882 году он подал рапорт генералу Герасиму Колпаковскому с просьбой разрешить научную экспедицию в южные и восточные бекства Бухарского ханства. Целью экспедиции был сбор материалов по этнографии, статистике и экономическому положению этих бекств «для издания полного описания современного состояния Бухарского ханства»⁷⁹. Колпаковский санкционировал этот выезд, и 20 марта Арандаренко двинулся в путь. В конце апреля генерал получил первый отчет с подробностями взаимоотношений между бухарским эмиром и туркменскими феодальными властями. Предпринятые Георгием Алексеевичем исследования долины реки Харгос (правого притока Или) в Семиреченской области, на границе китайских владений, способствовали дальнейшей колонизации этих территорий и расширили владения Российской империи.

Дипломатический талант Арандаренко был высоко оценен, и он рассматривался в качестве основного кандидата на роль политического агента в Бухаре.

С завершением военной фазы русского продвижения в Центральной Азии единоличные исключительные полномочия, выданные капитану Арандаренко, стали излишни, и мини-

стерство иностранных дел решило основать в Бухаре собственного постоянного резидента – Политического агента⁸⁰.

Но было принято решение о целесообразности дальнейшего продвижения Георгия Алексеевича по линии управления. За этими событиями стоит история внутренней борьбы военного и внешнеполитического ведомств. В 1883 году майору Арандаренко был пожалован орден Св. Анны 3-й степени⁸¹.

«Горная страна Дарваз не видела до настоящего времени ни одного европейца»

Одной из несомненных географических заслуг Арандаренко является изучение и картографирование районов Памира: Шугнана, Каратегина и Дарваза, а также прилежащих районов, изучение быта, нравов и языка местных племен.

После командировки в 1880 году ко двору бухарского эмира Музаффар-хана Арандаренко пользовался заслуженным расположением и уважением представителей этой правящей династии. В начале 1882 года он воспользовался своим положением, решив с научной целью посетить юго-восточные бекства Бухарского ханства, провести личное комплексное исследование этого края – Дарваза и Каратегина.

Первые расспросные сведения о них были собраны и опубликованы Арандаренко еще в 1877–1878 годах. Он исследовал Каратегин, Дарваз, горную страну Когистан, расположенную по верхнему течению реки Зеравшан и входившую во владения Бухарского эмирата, и Шугнан. Не имея возможности проникнуть на территорию, контролируемую англичанами, он собирал информацию у местных жителей, являвшихся его агентами и выполнявших сбор разведывательных данных. Арандаренко в первой публикации о Дарвазе и Каратегине указал, что данные получены по расспросным сведениям, через посылавшихся в эту отдаленно-восточную часть гор нарочных туземцев. Его работа оканчивалась словами:

Все сведения о Каратегине основаны только на многократных расспросах горцев этой страны... настоящий очерк сообщает не более четвертой части того, что могло бы дать исследование этой интересной страны специальной экскурсией⁸².

Будучи чиновником военно-народного управления русского Туркестана, он изучал психологию, религию и традиции коренного населения Дарваза. Этнографическое изучение края стало одной из важнейших задач для реализации его служебных и научных целей.

Он выехал из Самарканда 20 марта, имея с собою секретаря для официальной переписки, переводчика Джалаль-Этдина Камалединова и десять конных джигитов из самаркандских туземцев. Экспедиционный отряд проехал через Китаб и Шахрисабз в Карши, где Арандаренко получил личную аудиенцию у эмира. Пояснив эмиру цель поездки и предполагаемый маршрут, он заручился согласием Музаффар-хана на посещение его владений и получил заверение в полном содействии местных чиновников в течение всего путешествия.

Мой путь шел из Карши, чрез Бухару, в Чорджуи и отсюда вверх по Аму-Дарье, чрез бекства Наразым, Бордалык, Керки, Келиф, Ширабат, Кободиан, Курган-тюпе, Куляб, Бальджуан, Дарваз, Каратегин, Хисар, Бойсун и Гузар. При знании языков тюркского и персидского, при достаточном навыке к расспросам туземцев, имея опытных разведчиков из самаркандцев и пользуясь содействием бухарских властей, мне удалось собрать весьма полные этнографические, статистические и экономические сведения в пройденных бекствах <...> Не станем описывать здесь весь пройденный путь южной и восточной частей ханства <...> а ограничимся сообщением сведений о пути, ведущем из Куляба, чрез Бальджуан, в Дарваз и Каратегин. Сделав в один день, без привала, переход в 80 верст от урочища Ташрабат, через горный кряж Джилоны-тау (змеиная гора) – водораздел рек Вахш и Кызыл-су (Кчн-сурх-об) <...> к вечеру 12 мая мы добрались до селения Гуль-баг, на правом берегу Кызыл-су⁸³.

Арандаренко был одним из первых европейцев, лично побывавшим в 1880–1882 годах в Дарвазе, собравшим наиболее подробные сведения о крае и в 1883 году опубликовавшим их⁸⁴. В донесении на имя Туркестанского генерал-губернатора от 28 марта 1880 года он пишет:

Горная страна Дарваз, занимая возвышенности левобережья среднего течения р. Пяндж и ее притоков, не видела до настоящего времени ни одного европейца и остается поэтому совершенно неизвестной в географическом, этнографическом и в других отношениях, имеющих значение для науки. Не больше знают о Дарвазе и бухарцы и само правительство эмира⁸⁵.

Арандаренко собирал и публиковал устные предания жителей Дарваза об истории и хронологии этой страны.

Политическая прошлая жизнь <Дарваза> может быть очерчена только по одним преданиям, весьма достоверным вследствие общей склонности замкнутого народа передавать поколениям рассказы о подвигах предков, о судьбе их родной и соседних стран⁸⁶.

Делал Георгий Алексеевич и антропологические наблюдения:

По наружному виду у дарвазцев, как у каратегинцев, кожа смуглая; волосы прямые, густые, чёрные, рыжие и каштановые; глаза чёрные и светло-карие; лицо правильное, выразительное, с открытым крутым или низким лбом, с крутым носом; рост выше среднего, телосложение крепкое, с развитой грудью, с сильной мускулатурой, с тонкими икрами, стан стройный, чаще худощавый, но никогда не тучный⁸⁷.

Результаты своих экспедиций, географические и статистические сведения, анализ собранных материалов Арандаренко публиковал в «Туркестанских ведомостях» в 1870–1880 годах, в «Военном сборнике» в начале 1880-х годов⁸⁸, обобщил в авторской монографии «Досуги в Туркестане» в 1889 году⁸⁹.

Географическая изолированность Бадахшана способствовала устойчивости сложившихся здесь отношений внутреннего порядка. Характеризуя эту страну, Арандаренко в одном из своих отчетов туркестанскому генерал-губернатору писал:

Историческая судьба Бадахшана совершенно тождественна с судьбой всех горных стран Средней и, пожалуй, Южной Азии. Труднодоступные для завоеваний, малопривлекательные бедностью природы, до столкновения с европейской силой, с расчетливым европейским влиянием, они чужды были событий, терзавших долину, чужды были этнографических переворотов, они сохраняли свою независимость удельного начала, они имели изредка счеты и потасовки только между собой. Так сохраняли свою независимость под управлением наследственных или узурпаторских шахов, миров, беков горные гнездилища Куляб, Больджуан с Кафирниганом, Дарваз, Шугнан, Каратегин, Матча, Фан, Фальгар, Кштут, Магиан⁹⁰.

Арандаренко опубликовал статистические и этнографические сведения о населенных пунктах Дарваза и Каратегина, приведя названия 159 селений Дарваза, состоящих из 4523 домов, и Каратегина, состоящего из 512 селений, включающих 10741 дом. Описывая кишлаки, Арандаренко приводит не только названия рек, на берегах которых они расположены, но и указывает, на правом или на левом берегу находится кишлак⁹¹.

Некоторым селениям Арандаренко уделяет особое внимание. Он приводит очень обстоятельные сведения о положении населения уединенного и отдаленного от большой дороги кишлака Карнак, посвятив ему отдельное этнографическое исследование. Он подробно описывает топографию кишлака, количество дворов, жителей, их основные занятия. Рассказывая о земледелии карнакцев, автор отмечает:

Карнакцы обрабатывают <...> постоянно только озимые посевы, чтобы не истощать почву ежегодной обработкой, пропахивают ее три раза: в марте (куклам) после поливки, в половине мая (джауза) и в конце июня (саратон) без поливки, а только увеличивая сошник для этой перекрестной пахоты. Наконец, в половине сентября (мизан), после обильной поливки, засевают и боронят слегка один раз за все лето <...> Благодаря такой пахоты, карнакцы без удобрения получают с озимой в хороший урожай сам – 8-6 пшеницы, сам – 4 проса⁹².

Арандаренко приводит описание типов селения в Дарвазе, внешний и внутренний вид постройки, домашнюю утварь горцев⁹³. Он отмечал, что, несмотря на тяжелые условия жизни горцев, заболеваемость, смертность в горах ниже заболеваемости и смертности в долине⁹⁴.

Исследователь описывал местный процесс сватовства, размер калыма, бракосочетание, свадьбы; отмечал, что разводы среди горцев бывают очень редко; редки и случаи нарушения супружеской верности⁹⁵. Он также описывал празднование, связанное с обрезанием, а также погребальные обычаи дарвазцев⁹⁶.

В конце своих этнографических исследований Арандаренко, ежедневно наблюдая горцев, их отличительные черты, делает такой вывод:

Как у всех первобытных, неиспорченных народов, в характере горцев особенно выдается добродушие с общественным призрением сирот, вспыльчивость, кровомщение, уважение к старшим, к чужой собственности, правдивость, твердость в слове, отважность на все случаи опасности с полным презрением трусов, терпеливость, стойкая выносливость всяческих лишений в борьбе с природой, с социальными явлениями, расположение к госте-

приимству до готовности каждого поделиться, хотя бы и с случайным гостем, последними крохами домашнего хозяйства <...> Умственные способности горцев выражаются большою понятливостью, склонностью к наблюдениям, обширною памятью, они знают свою генеалогию, множество преданий и легенд, многие молодые люди из их числа заканчивают бухарские и самаркандские медресе с большим успехом, чем жители долин⁹⁷.

Эти сведения, впервые опубликованные Арандаренко, явились первой достоверной информацией о традиционной жизни населения Дарваза и Каратегина и послужили началом интенсивного изучения этого ранее недоступного региона Средней Азии. Собранные исследователем сведения о Дарвазе и Каратегине использовал в своих исследованиях русский военный востоковед Александр Снесарев⁹⁸.

Арандаренко впервые описал систему податей в Дарвазе и местную торговлю, которая велась преимущественно обменным путем. Наиболее ходовым «денежным знаком» у дарвазцев был мешок тута, которым население оплачивало подати. С настоящими монетами они познакомились лишь тогда, когда серебряные деньги к ним стали проникать из Гарма и Кокандского ханства⁹⁹.

Довольно подробно представлены в работе Арандаренко вопросы охоты, описывается охотничье снаряжение, обычаи и методы охоты. Он отмечает, что этот вид занятий для горцев является не только способом обеспечения своих материальных и продовольственных потребностей, но и элементом состязания и проявления воинской доблести и умения¹⁰⁰.

Не забывая о своих обязанностях чиновника, Арандаренко выяснял стоимость охотничьих трофеев, уровень доходов, получаемых охотниками от продажи шкур диких зверей. Он отмечает, что продажа мяса и шкур позволяет горцам пополнять свой скромный домашний инвентарь, приобретать одежду и все товары, столь необходимые в быту.

Интересовался Георгий Алексеевич и религиозными верованиями жителей Дарваза и Каратегина. Он писал, что они продолжают хранить верность своим доисламским традициям и придерживаются смеси мусульманских и маздаистских взглядов:

Мировоззрение горцев, отвечая полной замкнутости их жизни, исполнено суеверия и боязни злого духа, «мстительного» (лятгор) и «покровительственного» (патхор). В Дарвазе не знают ни года магометанской эры, ни названия месяцев, ни названия стран света. В мире светит солнце (афтоб), его считают источником жизни, света; луну – убежищем усопших; полярную звезду (кутор) – указательницей пути. Молнию и гром приписывают стараниям чёрта подняться на небо, причем ангелы бросают в него огненосные камни. Весна и лето посылаются Богом из отделения рая, а осень и зима из ада. Землетрясения приписывают вздрагиванию ада от мук грешников¹⁰¹.

Арандаренко описывает «дома огня» в Каратегине и Дарвазе, ежедневные сборы в них мужчин и роль в повседневной жизни горцев огня, который является священным в зороастрийской религии¹⁰². Важным наблюдением в области религиозного мировоззрения горцев было упоминание об отсутствии религиозного фанатизма, хотя среди городского населения Бухарского эмирата, по его мнению, он господствовал:

Бухарцы успели познакомить дарвазцев с чашбаном (вуаль из черного конского волоса), никогда ранее не применявшимся в горах свободной жизни. Пока только этим и обозначилась миссия бухарцев в Каратегине и Дарвазе. В остальном жизнь горца остаётся такую же первобытною, какою она была тысячу лет тому назад¹⁰³.

В народе вера в верховные маздаистские божества была практически вытеснена и заменена верой в Аллаха. Сохранялись бесчисленные суеверия и обряды, не имеющие отношения к исламу, но использующие арабско-персидскую религиозную терминологию, веру в мусульманских святых, предков, духов природы, шайтана и джиннов, в магическую силу божьего слова, защитную и оздоравливающую силу мест поклонения.

Кладбища, где находились мазары почитаемых святых, отвечали, по наблюдениям Арандаренко, санитарно-гигиеническим нормам. Место их расположения должно хорошо проветриваться и располагаться на некотором расстоянии от селения. Почва должна быть сухой и не каменистой. Таких же разумных требований придерживались при строительстве домов и духовных заведений. Управляющий медресе Илгор (Южная Фергана, поселок Риштан) рассказывал Арандаренко, как выбирали место для строительства:

Взяли куски мяса и положили в разных местах. Везде оно на жаре быстро портилось и только здесь сохранилось долго¹⁰⁴.

На этом основании местность была признана благоприятной для строительства.

Рассказывая об обычаях и обрядах населения Зеравшанской долины, Арандаренко пишет:

В некоторых селениях Матчи горцы умиловывают природу к ниспосланию снежной зимы, необходимой для того, чтобы озимая (тиромой) пшеница (гандум) хорошо уродилась, следующим диким обычаем, аккуратно выполняемым ежегодно осенью, в праздник рамазан: после полудневого намаза, которым заканчивается мусульманский 30-ти дневный пост, все население кишлака прямо из мечети отправляется на площадь, куда выносят большое корыто (корсан), с мешалкой из муки, называемой атала. Каждый из присутствующих, малые и большие, должен попробовать пятерней это даровое угощение; затем толпа схватывает кого-нибудь из стариков, кладет его в корыто, где он добровольно и лежит, пока эта оригинальная колыбель не будет раздавлена ногами всех присутствующих...¹⁰⁵

Изучая антропологию горцев, Арандаренко сталкивался с распространенными среди них легендами¹⁰⁶. Они писали, что на Памире было распространено мнение, что светловолосые и светлоглазые памирцы являются потомками воинов Александра Македонского. Легенды Памира гласят, что Александр поселил там свое потомство и оставил им сочинение Дастур ал-Амал (Правила управления), после чего власть в Бадахшане до XIX века непрерывно находилась в руках его потомков. Правители Дарваза и Каратегина, которых посетил Арандаренко, утверждали, что именно они являются прямыми потомками Падишаха Искандара.

Из числа коренных жителей Когистана (Каратегин, Дарваз, Шугнан, Вахан) исследователь выделял горных таджиков, или народ «гальча». Хотя он относил их к

представителям иранской ветви арийцев, говоривших на диалектах персидского языка, в то же время утверждал, что гальча имеют немало общего со славянами:

...и в языке их, как и в физическом облике, есть столько нам родственного, что наши солдаты в Туркестане, когда видят их, то зовут их братьями. Численность их невелика; однако в Каратегине есть до 100,000 душ; в Дарвазе же и Шугнани гораздо менее¹⁰⁷.

Арандаренко писал, что происхождение гальча в Средней Азии восходит к временам древней Персидской монархии и похода в Азию Александра Македонского. В настоящее время в антропологической литературе таджики в отношении своего этногенеза упоминаются как восточноиранские племена, имеющие индоевропейское происхождение.

Арандаренко впервые описал историю борьбы таджикских и узбекских ханств Северного Афганистана и Бадахшана за свою независимость. Он был одним из первых военных востоковедов, представивших хронику политических событий в Северном Афганистане и Бадахшане в начале 1880-х годов. Современные востоковеды подчеркивают, что работы Арандаренко насыщены большим количеством фактов и статистических материалов, характеризующих военно-политическую и экономическую обстановку, содержат географические и этнографические зарисовки края, повествуют об утверждении власти эмира Афганистана Абдурахман-хана на этих территориях¹⁰⁸.

Арандаренко досконально исследовал Когистан, расположенный в западной части Памиро-Алайской горной системы, «горную страну, ближайшую к узловым высям, называемой Памир». Он сообщал, что:

Изолированность этой страны <...> заметно отразилась на всем бытовом складе жизни населения <...> Каратегинцы могут с гордостью сказать, что они не знают, что такое воры, что в среде народа вовсе не бывает преступлений из побуждений корысти, что скот пастется и в отдаленных местах без присмотра, что двери домов часто оставляются незамкнутыми. Но рядом с этим может быть отмечена и малая развитость народа. Каратегинцы не имеют никакого представления о мерах длины даже по той градации, которая известна у туземцев долины. Времяисчисление ведут по дневным намазам и годовым праздникам; мера торгового веса также неизвестна <...> местные жители взаимно одолжаются продуктами <...> причем мерой служит емкость головной тубетейки, или же менюю продуктов на продукты, на скот и на домашние изделия¹⁰⁹.

Исследователь пишет, что природная среда Каратегина (мягкий климат, плодородные почвы, неограниченные запасы воды для орошения) способствовала развитию именно земледелия, а вместе с ним и оседлого образа жизни. Кочевое же скотоводство и кочевничество здесь не могли развиваться ввиду незначительных размеров пастбищ и, следовательно, ограниченных возможностей для кочевания.

Крупных скотоводов здесь нет и быть не может, так как суровые и многоснежные зимы (снег выпадает глубиной до 2-х сажень) не позволяют держать скот на выгонах, на подножном корму, а заготовить сено на 5 месяцев довольно трудно¹¹⁰.

Спустя два десятилетия об этом же писал и Александр Снесарев:

Киргизы Каратегина разводили главным образом овец и крупный рогатый скот, реже лошадей и верблюдов. Но в целом местное скотоводство едва удовлетворяло внутренние потребности местного населения¹¹¹.

Собранные Арандаренко в пройденных им бекствах этнографические, статистические и экономические сведения вошли в исследования деятельности таджиков Кулябской области, в частности – практикуемого ими отгонного скотоводства¹¹².

Георгий Алексеевич отмечал трудности жизненного уклада, постоянно сопровождающие горцев:

Сила привычки и способность к ходьбе горцев выработались, конечно, необходимостью взбираться на подоблачные крутизны для посева хлеба, необходимостью скитаться по неделям в скалистых хребтах на охоте за дикими баранами, горными козами, медведями, необходимостью уходить на зимний период, за сотни верст, в Куляб, в Гиссар, в Кокан и даже в Бухару для заработка в 20-40 рублей, на которые горец мог купить своей семье бязи для рубахи, платок жене, муки, соли, но ничего больше, потому что в такой суровой жизни, при малом достатке вообще, излишество не полагается¹¹³.

Арандаренко отмечал преданность горцев своей земле, их любовь к своей родине. Он расспрашивал побывавших в Бухаре горцев, почему они не перевезут свою семью в долину, где людям лучше живется, где легче зарабатывать, и неизменно получал такой ответ:

Знаем, что в Бухаре и в Самарканде лучше живется: есть там пахотная земля, есть рис, бараны крупнее наших, но для нас дорог наш сладкий (ширин) «вотан» – родина, и когда случается жить в Бухаре, мы скучаем как в зиндоне – темнице, спешим вернуться¹¹⁴.

Уделял Арандаренко внимание и исследованию языков горных племен. Особый интерес представляют собранные материалы по язгулемским наречиям и ведению счета на этом говоре¹¹⁵. Хотя первым о существовании язгулемского наречия бегло сообщал А.Э. Регель¹¹⁶, но именно Арандаренко впервые среди исследователей записывает в 1882 году образцы язгулемского языка, первые 34 слова.

Арандаренко считал земли Дарваза и Каратегина перспективными для использования в сельскохозяйственных и промышленных целях:

Самое главное богатство описываемых стран, при совершенной нетронутости горных недр, составляет тучная, свободная от камня почва побережья рек и склонов гор, дающая возможность вести хлебопашество в огромных размерах. Те же условия плодородности почвы, поддерживающие повсюду обилие трав, позволяют держать достаточно скота. Масса диких зверей в лесах и речная выдра составляют предмет охоты туземцев, доставляющей большие выгоды от сбыта медвежьих шкур, лисиц, огневок и выдр. Нельзя не упомянуть также и о промывках жителями, весной и осенью, на берегах верховьев Амударьи золота, дающего зерна величиною в обыкновенную чечевицу¹¹⁷.

Повсеместная добыча золота населением Туркестана была обычным явлением. Золото добывалось на берегу Амударьи, в Дарвазском бекстве – на берегу реки Пяндж, в Курган-Тюбинском и Кабадианском бекствах – на берегу реки Вахш.

Арандаренко сообщал, что в Бальджуанском бекстве золото добывалось в верховьях Оби-Санги Мазар и по реке Яхсу жителями ближайших тридцати кишлаков, практикующих в золотодобыче не только промывку россыпного золота на реках, но и добычу золотоносной породы шахтным способом.

Арандаренко был первым российским ученым, изучившим многообразие влияния леса на климат, на почву, на состояние водных артерий в Туркестане:

Многие новейшие научные исследования неопровержимо доказали огромное значение лесов, не только лесохозяйственное, но и общее – в климатологии. Наука выяснила, что с поднятием местности над уровнем моря возрастает влияние леса на количество выпадающих дождей; что лес умеряет испарение воды из ручейков и служит главным резервуаром для водяных ключей; что лес, представляя собою механическую преграду, замедляет таяние снегов, сдерживает опустошительные наводнения¹¹⁸.

Он проводил ирригационные работы и осуществлял лесоразведение, создавая степные питомники, в которых выращивал строевой лес. В статье «Эксплуатация горного леса в Зеравшанском округе» он выясняет значение горных лесов, вычисляет доходы углеобжигателей и лесопромышленников, высказывается за необходимость и возможность искусственного возвращения горам истребленной древесной растительности. По его инициативе в 1891 году были организованы лесные хозяйства и можжевелевое лесоустройство в Северном Таджикистане:

На безводной земле никогда раньше никому не приходило в голову делать посадки деревьев. Народ темный и теперь сомневается, чтобы багринская казенная плантация дала бы годные строевые деревья. Только глубокою и тщательною обработкой почвы возможно достигнуть успеха в лесоразведении¹¹⁹.

Он описал южные склоны Гиссарского хребта с лесами из грецкого ореха, яблони, дикого винограда, дал описание фисташников на хребтах Кара-Тау и Газималик, а также в Южном и Северном Таджикистане¹²⁰.

Арандаренко запрещал сплошное вырубание деревьев, проводил работы по ирригации и лесоразведению, создавая степные питомники, в которых выращивал строевой лес. Только использование каменного угля, на котором настаивал Георгий Алексеевич, предотвратило хищническое вырубание леса¹²¹.

В горах это воспрещение с 1879 года действует так устрашающе, что жители одного селения (Артуч) спрашивали моего разрешения срубить четыре дерева арчи, чтобы исправить мечеть, остающуюся без крыши уже четыре года. Я порадовался, конечно, этому факту такого сильного влияния наших требований на полудикое население, но и удивился такому чересчур буквальному применению мер к охранению арчи, которая всегда служила горцам как топливо и единственный строительный материал¹²².

Интенсивно развивающееся в конце XIX века горняцкое и кузнечное производство, использовавшее ранее древесный уголь, получаемый из деревьев, при нарастающих объемах, поставило под угрозу исчезновения лесные угодья.

В 1886 году Арандаренко оказал помощь французской экспедиции путешественника Бонвало. Его советы по выбору маршрута экспедиции и оптимальных

путей через заснеженные высокогорные перевалы, откомандирование в экспедицию двух проводников-джигитов, помощь в покупке местных пород лошадей позволили участникам экспедиции преодолеть самые труднопроходимые отрезки горных перевалов Памира¹²³. Аналогичную помощь получил и британский путешественник Лансделл:

Я решил воспользоваться случаем и захватить к уездному начальнику, господину Арандаренко, который очень любезно предложил предоставить в мое распоряжение двух джигитов, сопровождавших нас до Оксуса. Мистер Арандаренко дал ценные советы по поводу нашей работы и по некоторым вопросам восточного этикета, которые необходимо соблюдать в Бухаре¹²⁴.

Исследования Арандаренко были высоко оценены европейскими учеными. Отмечалась его добросовестность в исследовании горцев Каратегина и Дарваза¹²⁵, ирригации в Средней Азии¹²⁶; в одном издании он был назван «одним из лучших знатоков Туркестана»¹²⁷.

История Каратегина, опубликованная Арандаренко на рубеже 1880-х годов, долгое время оставалась первым и единственным свидетельством исторического прошлого этой страны. Однозначно и наиболее кратко высказался по поводу работ Георгия Алексеевича о Дарвазе и Каратегине профессор Николай Веселовский, сказав: «Это лучшее, что мы имеем в литературе по описанию Дарваза и Каратегина»¹²⁸.

«За выдающиеся заслуги перед отечеством в деле географического исследования Средней Азии» Георгий Алексеевич Арандаренко 9 марта 1888 года был избран действительным членом Императорского Русского географического общества¹²⁹.

Работы Арандаренко задали вектор последующих исследований Дарваза и Каратегина. Десятки исследователей принялись за изучение Туркестана. Работы его открыли Российской империи и Европе новые «белые пятна» на географической карте мира. Востоковедческие труды Арандаренко в большей степени носят справочно-энциклопедический характер, но собранные и приведенные в них статистические, географические, этнографические, демографические, антропологические и лингвистические данные о народах, проживающих в то время на огромных просторах Средней Азии, не потеряли своего значения и поныне.

Окончание следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. – СПб.: С.–Петербург. губ. тип. 1901. Т. 1. С. 4–5.

² См.: Szybkowski S. Brudzewscy herbu Pomian na Kujawach i w Wielkopolsce: Uwagi o majątkach, starostwach i genealogii // Roczniki Historyczne. 2013. № 79. S. 77.

³ Государственный архив Черниговской области. Ф. 343. Оп. 1. Д. 203. Л. 59–60.

⁴ См.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (Историко-литературный

сборник). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1897–1904. Т. VI. С. 347.

⁵ Грушевський М.С. Історія України–Руси. Роки 1626–1650. – Київ–Львів, 1922. Т. 1. С. 336.

⁶ См.: Присяжные книги 1654 г. Белоцерковского и Нежинского полков / Сост. Ю. Мицик, М. Кравец – Киев: ИАД НАН Украины, 2003. С. 351.

⁷ Напр., в метрическом свидетельстве о рождении брата Георгия Алексеевича, Алексея Алексеевича Арандаренко, фамилия их матери Марии Федоровны

Арандаренко была написана в одном месте через «а», в другом – через «е» (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. / ЦГИА СПб. / Ф. 268. Оп. 1. Д. 588. Л. 103).

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 588. Л. 156.

⁹ См.: Ромашкевич А.Д. Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1-го октября 1909 г. по 1-е октября 1910 г. Год седьмой. – Полтава: Электрическая типолитография И.А. Дохмана, 1910. Стр. 132–133.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7104.

¹¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1741. Л. 34.

¹² РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11779. Л. 64 об.

¹³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3 тт. – Т. 1. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. С. 350–354.

¹⁴ Арандаренко Г.А. Памяти Дмитрия Ильича Романовского // Русская старина. 1905. № 5 (122). С. 468.

¹⁵ См.: История Таджикской ССР / Под общ. ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе: Маориф, 1983. С. 117.

¹⁶ См.: Давлетшин А. – Г.А. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 74.

¹⁷ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане (1874–1889). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 173–183.

¹⁸ РГВИА Ф. 489. Оп. 1. Д. 7104. Л. 34–36.

¹⁹ См.: Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Часть III. 1869–1880. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1962. 181 с.

²⁰ Абашин С.Н. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 35–62.

²¹ См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 тт. Т. 1. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. С. 79.

²² См.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (Историко-литературный сборник). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1897–1904. Т. VI. С. 347–348.

²³ См.: Арандаренко Г.А. Значение власти аксакала в отдельных кишлаках // Туркестанские ведомости. 1874. № 25. С. 102–104.

²⁴ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 666.

²⁵ Там же. С. 480–537.

²⁶ Там же. С. 538–570.

²⁷ Арандаренко Г.А. Бухарское ханство и Афганский Туркестан. Вторая англо-афганская война. – М.: URSS, 2014. С. 145.

²⁸ См.: Аминов Г.А. Искендер-кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. 1873. № 13. С. 14.

²⁹ См.: Арандаренко Г.А. Малоизвестные города Зеравшанского округа. Пенджагент и Ургут // Туркестанские ведомости. 1878. № 13, 14 и 16.

³⁰ Эти данные были впоследствии использованы в: Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX вв. – Душанбе: Ирфон, 1976. С. 240–241.

³¹ См.: Арандаренко Г.А. К вопросу о кяризах (орошении) // Туркестанские ведомости. 1874. № 29.

³² См.: Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Бартольд В.В. Соч. в 9 тт. – Т. 3. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. С. 97–232.

³³ См.: Арандаренко Г. Заметка об ирригации в нагорных туманах Зеравшанского тумана. // Туркестанские ведомости. 1876. № 51. С. 14–49.

³⁴ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 244–249.

³⁵ Там же. С. 250.

³⁶ См.: Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX вв. – Ташкент: Фан, 1966. Т. 1. С. 285, 310.

³⁷ См.: Кап. Гинтылло. Сведения по интендантской части, собранные в Бухарском ханстве // Геог., топогр. и статист. материал по Азии. Вып. XXI. – СПб.: Военно-ученый ком. Главного штаба, 1886. С. 1–53.

³⁸ См.: Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 454.

³⁹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И–1. Оп. 15. Д. 133. Л. 1.

⁴⁰ См.: Бегалиева М.О. История торговых отношений Сурханского оазиса в периодической печати // Бюллетень науки и практики. Т. 6. № 3. 2020. С. 561–562.

⁴¹ См.: Арандаренко Г.А. Коневодство // Туркестанские ведомости. 1881. № 9. С. 12–18.

⁴² Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 135.

⁴³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. И–9. Оп. 8. Д. 1880–13. Л. 1–3.

⁴⁴ Арандаренко Г.А. Юридическая оценка русского и мусульманского законоположения о находках и пригильном скоте. (Лекота) // Туркестанские ведомости. 1873. № 20.

⁴⁵ Арандаренко Г.А. Значение власти аксакалов в отделенных кишлаках // Туркестанские ведомости. 1874. № 25.

⁴⁶ См.: Арандаренко Г.А. Зеравшанские заметки о народном суде у туземцев // Туркестанские ведомости. 1879. №№ 14, 17, 18, 19, 20, 23, 28, 29.

⁴⁷ См.: Нарбаев Н.Б. Государственный Совет России и Казахстан, 60–90-е годы XIX в. – М.: Российский университет дружбы народов. 1990.

⁴⁸ А<ранда>р<енк>о Г. Между туземцами степного уезда // Туркестанские ведомости. 1880. № 42. С. 8–31.

⁴⁹ См.: А<ранда>р<енк>о Г. Постановления мусульманского законодательства о дольщиках // Туркестанские ведомости. 1886. №№ 33, 35.

⁵⁰ Новоселова К. Звезда Альтаир. – Ташкент: Изд. литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1983. (URL: <https://coollib.net/b/395497-kapitolina-ivanovna-novoselova-zvezda-altair/read>).

⁵¹ См.: Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. – Душанбе: [б. и.]. 2007. – Т. 1, Ч. 1. С. 215.

- ⁵² *Расуль-Заде П.Н.* Из истории Среднеазиатско-индийских связей второй половины XIX – начала XX века. – Ташкент: Фан, 1968. С. 117–118.
- ⁵³ *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 9.
- ⁵⁴ *Г. А.<рандаренко>.* Возмущение в Матче и действия против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. 1876. № 3.
- ⁵⁵ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В 3 тт. – Т. 2. – СПб.: Типо-литогр. Комарова, 1906. С. 400.
- ⁵⁶ *Г. А.<рандаренко>.* Возмущение в Матче и действия против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. 1876. № 3.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 24108. Л. 3–12.
- ⁵⁹ *А<ранда>р<енк>о Г.* Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховьях Зеравшана // Туркестанские ведомости. 1876. № 15. С. 86–102.
- ⁶⁰ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В 3 тт. – Т. 2. – СПб.: Типо-литогр. Комарова. 1906. С. 404.
- ⁶¹ *Le Mémorial diplomatique: journal international, politique, littéraire et financier.* – Paris, 1876. P. 4–5.
- ⁶² *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 1.
- ⁶³ *Арандаренко Г.А.* Из Ходжента. Туркестанский сборник. Том 2. – СПб.: Составил В.Н. Межов. 1869. С. 56.
- ⁶⁴ *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 11–12.
- ⁶⁵ *Фёдоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 годы) // Исторический вестник. 1913. № 9–12. С. 458.
- ⁶⁶ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1904 г. – СПб. 1904. С. 979.
- ⁶⁷ *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1821–1881 /* Под ред. Г.М. Фридлендера, Н.Ф. Будановой. В 3 тт. – СПб.: Акад. Проект, 1993–1999. Т. 3. 1999. – С. 112.
- ⁶⁸ *Халфин Н.А., Станишевский А.В.* Важный источник по истории Средней Азии и Афганистана. // *Арандаренко Г.А.* Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. Журналы командировок Г.А. Арандаренко / Предисл. Н.А. Халфина и А.В. Станишевского. – М.: Наука. 1974. С. 7.
- ⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 9.
- ⁷⁰ См.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы). – М.: Наука, 1965.
- ⁷¹ *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. – СПб.: В. Березовский, 1911. С. 170–171.
- ⁷² *Арандаренко Г.А.* Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. Журналы командировок Г.А. Арандаренко / Предисл. Н.А. Халфина и А.В. Станишевского. – М.: Наука. 1974. С. 27–28.
- ⁷³ См.: *Почекаев Р.Ю.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // Восточный архив. № 1 (35), 2017. С. 21–30.
- ⁷⁴ *Арандаренко Г.А.* Бухара и Афганистан... С. 32.
- ⁷⁵ *Арандаренко Г.А.* Бухарские войска в 1880 г. // Военный сборник. 1881. № 9. С. 341–367.
- ⁷⁶ *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 563–566.
- ⁷⁷ Там же. С. 569–570.
- ⁷⁸ См.: *Наврузов Т.С.* О поездке Г.А. Арандаренко в Каратегин и Дарваз. – Душанбе: Дониш. 1981. С. 239–243.
- ⁷⁹ Архив внешней политики Российской Империи МИД РФ. Ф. 1-19. Оп. 8. Д. 1880-13. Л. 170–173.
- ⁸⁰ *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. – London: Routledge, 2006. P. 138–139.
- ⁸¹ Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1-е Мая. – СПб., 1885. С. 880.
- ⁸² *Арандаренко Г.А.* Каратегин (По расспросным сведениям) // Военный сборник. № 5. 1878. С. 12–28.
- ⁸³ *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин. Этнографический очерк // Военный сборник 1883. № 11. С. 141–142.
- ⁸⁴ См.: *Пирумшоев Х.* Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1989. С. 110.
- ⁸⁵ *Арандаренко Г.А.* Бухара и Афганистан... С. 94–95.
- ⁸⁶ *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин. Этнографический очерк // Военный сборник. 1883. № 12. С. 320–323.
- ⁸⁷ *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин. Этнографический очерк // Военный сборник. 1883. № 12. С. 303.
- ⁸⁸ См.: *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) // Военный сборник. 1883. № 11, № 12.
- ⁸⁹ *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 427.
- ⁹⁰ *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 44–45.
- ⁹¹ См.: *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 473–479.
- ⁹² Там же. С. 143–154.
- ⁹³ Там же. С. 311–312.
- ⁹⁴ Там же. С. 313.
- ⁹⁵ Там же. С. 318–319.
- ⁹⁶ Там же. С. 319–321.
- ⁹⁷ Там же. С. 322–324.
- ⁹⁸ *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара: Военно-географический очерк. – СПб.: Воен. тип., 1906. С. 48, 74–75.
- ⁹⁹ См.: *Покотило Н.Н.* Путешествие в Центральную и Восточную Бухару // Известия Императорского Русского географического общества. – СПб.: [б. и.]. 1889. Т. XXV. С. 480–502.
- ¹⁰⁰ См.: *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) // Военный сборник. 1883. № 11. С. 158.
- ¹⁰¹ *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане... С. 472.
- ¹⁰² См.: *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) // Военный сборник. 883. № 11. С. 140–159; Там же. № 12. С. 303–319.

- ¹⁰³ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... 1899. С. 451.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 472.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 285–295.
- ¹⁰⁶ См.: Болашенкова Е.А. Представления о двурогом Искандере: Александр Македонский в исторической памяти таджиков // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 413–417.
- ¹⁰⁷ Венюков М.И. Туземные племена на пределах влияния России и Англии в Азии // Русская мысль. 1875. № 4. С. 16.
- ¹⁰⁸ См.: Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Торгово-экономические и культурные контакты // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в новое время. – СПб.: НП-Принт, 2011. 391 с.
- ¹⁰⁹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 443.
- ¹¹⁰ Арандаренко Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) // Военный сборник. 1878. № 5. С. 118, 124.
- ¹¹¹ Снесарев А.Е. Восточная Бухара // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Военно-ученый ком. Главного штаба. 1906. С. 59.
- ¹¹² См.: Абдулвохидов Р.М. Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX–начала XX веков. – Душанбе: Дониш, 1997. С. 5, 37.
- ¹¹³ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) // Военный сборник. 1883. № 11. С. 154.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ См.: Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 155–156.
- ¹¹⁶ См.: Регель А.Э. Путешествие в Шугнан // Известия Русского географического общества. – Т. XX. – Вып. III. – СПб., 1884. С. 268–274.
- ¹¹⁷ Арандаренко Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) // Военный сборник. 1878. № 5. С. 120.
- ¹¹⁸ Арандаренко Г.А. Зеравшанские заметки. Лесной вопрос // Туркестанские ведомости. 1886. № 14. С. 3.
- ¹¹⁹ Там же. С. 32.
- ¹²⁰ См.: Курбонов Ш., Саидов М. Состояние лесных генетических ресурсов в регионе Центральной Азии. Страновой доклад Республики Таджикистан. Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. – Анкара, 2013.
- ¹²¹ См.: Арифов Х.О. Обеспечение эффективного и безопасного использования угольных ресурсов в энергетике Таджикистана // Экономика Таджикистана. 2017. № 1. С. 29–37.
- ¹²² Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане... С. 586.
- ¹²³ См.: Capus G. Le toit du monde (Pamir). – Paris: Hachette, 1890. P. 289.
- ¹²⁴ Lansdell H. Through Central Asia. – London: Sampson Low, Martson, Searle, and Rivington, 1887. P. 246.
- ¹²⁵ См.: Ujfalvy K.J. Les aryens au Nord et au sud de L'Hindou-kouch. – Paris: G. Masson, 1896. P. 168.
- ¹²⁶ См.: Moser H. L'irrigation en Asie centrale: étude géographique et économique. Société d'éditions scientifiques. – Paris, 1862. P. 42.
- ¹²⁷ См.: Capus G. A travers le Royaume de Tamerlan (Asie centrale). – Paris, Hachette, 1892. P. 87.
- ¹²⁸ Записки Восточного отделения Русского археологического общества, издаваемые под редакцией управляющего отделением барона В. Р. Розена. Т. 4. 1889. – С.-Петербург: тип. Императорской Академии Наук. 1890. С. 412.
- ¹²⁹ См.: Состав Императорского Русского географического общества. 1 января 1889 г. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. С.11.

Чарльз УИЛЬЯМС

Схождение Голубя

Краткая история Святого Духа в Церкви

*Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения АБДУЛЛАЕВА*

Произведения Чарльза Уильямса* (1886–1945), английского писателя, поэта и богослова, к русскому читателю пришли довольно поздно. В советское время его сочинения не переводились; лишь с середины 1990-х появляются первые переводы его прозы: начиная с мистического детектива «Битва в небесах», почти подряд на русском выходят все его романы**. Однако остальное наследие Уильямса пока не привлекало внимания переводчиков. Переведена лишь малая часть его стихов***; драматургия, эссеистика, литературная критика и богословские сочинения пока вообще не затронуты.

Среди этого «нетронутого» ряда особое место занимают его богословские сочинения. Это книги «Он спустился с Небес» («He came down from Heaven», 1938), «Схождение Голубя» («The descent of the Dove», 1939), «Колдовство» («Witchcraft», 1941), «Отпущение грехов» («The forgiveness of sins», 1942), а также несколько статей, вышедших в посмертно изданном «Образе Града» («The Image of the City», 1958).

Значительное влияние Уильямс оказал и на таких крупных писателей и религиозных мыслителей, как Толкин и Льюис, с которыми его связывала близкая дружба. Втроем они, Толкин, Льюис и Уильямс, составляли во второй половине 1930-х годов ядро оксфордского общества «Инклинги» (Inklings). На встречах этого неформального литературного объединения обсуждались первые наброски «Властелина колец» и «Хроник Нарнии». Под значительным влиянием Уильямса написана «Космическая трилогия» Льюиса; Уильямс послужил и прототипом главного героя. Кроме литературных проблем «инклинги» обсуждали и религиозные и богословские вопросы, и в этом ведущая партия также принадлежала Уильямсу.

Выдающийся английский поэт Томас Элиот писал о нем: «Если его романы можно считать христианским чтением, то его книги по богословию можно сравнить с самыми захватываю-

* Полное имя: Чарльз Уолтер Стансби Уильямс (Charles Walter Stansby Williams). Наиболее информативное изложение его биографии и взглядов: *Эппле Н.* Кем был человек, вдохновивший Льюиса и Толкина на создание волшебных миров // Сайт «Горький». 29 октября 2020 г. (URL: <https://gorky.media/context/kem-by-l-chelovek-v-dohnovivshij-lyuisa-i-tolkina-na-sozdanie-volshebnyh-mirov/>).

** *Уильямс Ч.* Битва в небесах / Пер. Н. Григорьевой и В. Грушецкого. – М.: Сфера, 1996; *Он же.* Иные миры / Пер. Н. Григорьевой и В. Грушецкого. – М.: Сфера, 1996; *Он же.* Старшие Арканы. Канун Дня всех святых / Пер. Н. Григорьевой и В. Грушецкого. – М.: АСТ, 2002; *Он же.* Место льва. Тени восторга / Пер. П. Молчанова и Е. Тарасовой. – М.: Вече, 2010; *Он же.* Сошествие во ад / Пер. П. Молчанова и Е. Тарасовой. – М.: Вече, 2010.

*** Шесть стихотворений (в пер. Г. Бондаренко и В. Раскумандрина), вышедшие в: *Уильямс Ч.* Война в небесах. – Харьков: Проект «Самиздат», 2017. С. 1201–1214.

щими бестселлерами»*. На богословские идеи Уильямса ссылался в своих беседах митрополит Антоний Сурожский**.

Можно согласиться с известным британским поэтом и критиком Гленом Кавальеро (Cavaliero, 1927–2019), назвавшим Уильямса «поэтом богословия». «Уильямсовские богословские сочинения, – писал Кавальеро, – представляют, во многом, его главное достижение. Если другие его книги написаны в том или ином жанре, то здесь он, можно сказать, создает новый жанр. Это не ученые диссертации, не трактаты, блещущие интеллектуальной аргументацией, не религиозные наставления, не апологетические труды, не поучительные пояснения. Одна из их привлекательных черт – отсутствие какого-то явного замысла, который навязывается читателю»***.

Все это можно в полной мере отнести к «Схождению Голубя» – главному и самому объемному богословскому труду Уильямса. Не случайно Элиот, на которого мы уже ссылались, назвал его «одной из самых интересных и захватывающих книг по богословию», которые ему довелось прочесть****. А другой выдающийся английский поэт, Уистен Хью Оден, даже перечитывал «Схождение Голубя» каждый год. И по сей день эта книга остается ярким и увлекательным введением в историю Церкви.

Интерес к этому предмету у Уильямса был, можно сказать, семейный: его дядей, братом его матери, был Джеймс Чарльз Уолл (Wall), автор многочисленных книг по истории английской церкви. Семья, в которой родился и вырос будущий писатель, тоже была верующей. Еще в детстве Уильямс, по воспоминаниям его сестры, любил богослужения и иногда требовал, чтобы его водили в воскресенье в церковь два раза. Маленький Чарльз «входил в церковь так, как будто это место принадлежало ему», и энергично, хотя и не совсем чисто, подпевал песнопениям*****.

До конца своих дней он будет посещать церковные службы, хотя его собственный «путь Веры» складывался непросто. Это не удивительно – становление Уильямса как писателя и мыслителя пришлось на годы Первой мировой войны и последовавшего за ней непрочного и недолгого мира, когда, казалось, были потрясены все основания европейской цивилизации. Уильямс активно интересовался различными мистическими учениями и практиками, а какое-то время даже состоял в обществе розенкрейцеров. Порой далекими от ортодоксии были и его взгляды на некоторые вопросы христианской этики (и это ощущается и при чтении «Схождения Голубя»). Прежде всего, это касалось его интерпретации христианского учения о любви и браке. Уильямс полагал, что в христианстве возобладало крайне негативное отношение ко всему, что связано с полом. В этом он не был оригинален: аналогичные идеи высказывали до него русские религиозные мыслители начала XX века – Василий Розанов, Николай Бердяев, отчасти о. Павел Флоренский. Оригинальность Уильямса в том, что он попытался найти в истории ранней Церкви иное отношение к любви вне семьи и брака – при условии, что она не является плотской. Однако, как и его русские предшественники, Уильямс слишком узко понимает христианское отношение к любви и семейной жизни, целиком отождествляя его с тем, что «пропагандируется властями» – с далекой от христианства фарисейской моралью.

«Схождение Голубя» может вызвать много вопросов, начиная уже с необычного названия книги***** и ее подзаголовка. Можно попенять и на «западоцентризм» (хотя Уильямс не забы-

* Цит. по: Трауберг Н. Миры и глубины Чарльза Уильямса // Истина и жизнь. 2005. № 5. (URL: http://krotov.info/library/19_t/ra/uberg_029.htm).

** Антоний Сурожский (митр.) Может ли еще молиться современный человек? – М.: Фонд «Крестьянская жизнь», 1999. (URL: <http://www.mitras.ru/molitva/muzhestvo.htm>).

*** Cavaliero G. Charles Williams: Poet of Theology. Eugen, Or.: Wipf and Stock Publishers, 2007. P. 126.

**** Цит. по: Трауберг Н. Миры и глубины Чарльза Уильямса...

***** Цит. по: Lindop G. Charles Williams. The third Inkling. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 7.

***** Оно, было, скорее всего, заимствовано у английского поэта Джона Пэйна (Payne, 1842–1916); так называлось его «моралите», опубликованное в 1902 году («The Descent of the Dove» and Other Poems: Being a Supplement to the Poetical Works of John Payne. <Место издания и издательство не указаны>, 1902).

вает и об истории Восточных церквей, основное внимание уделено истории христианства на Западе), и на зачастую слишком вольное толкование источников и фактов... Но в целом книга и предложенный в ней взгляд на историю Церкви вполне заслуживает внимания. И дело не только в том, что сегодня ощущается острая нехватка в подобных – одновременно и обобщающих, и популярных – работах по общецерковной истории на русском языке. Книга Уильямса не просто обобщающая и не просто популярная, – она позволяет увидеть историю Церкви в связи с историей общества, историей культуры, особенно – историей литературы. Написанная в яркой эссеистической форме, она представляет собой, по словам Кавальеро, «редкое сочетание интуитивных прозрений (*visionary insight*) и интеллектуального анализа»*.

В выполненном нами переводе книги, который будет публиковаться поглавно в ближайших номерах журнала, мы постарались, насколько возможно, передать эти стилистические достоинства оригинала. Перевод снабжен примечаниями, указывающими на источники приводимых в книге цитат (большая часть которых в ней самой не атрибутирована), а также поясняющими отдельные термины, персоналии, названия и т.д.

Предисловие

Первоначально я собирался назвать эту книгу «История Христианского мира», но затем передумал, чтобы не вводить читателей в заблуждение. <Фронтиспис представляет собой репродукцию картины Людовико Бреа. Верховенство Святого Духа над «святой славной плотью» («*la carne gloriosa e santa*») представлено в верхней части картины; в самом низу – погребение совершенной Плоти. За ним лежит состояние, известное как Видение Блаженства; ниже – состояние, именуемое Адскими мучениями. Между двумя крайними точками появляется огромная масса сотворенных душ; те, что на земле, и те, за чертой ангельских существ, что на небесах. Здесь есть узнаваемые лица, но они преходящи; они путешественники по тому или иному Пути. Но картина сверху и снизу изображает со-принадлежность (*co-inherence*)¹ жителей всего спасенного Града.

Скромные намеки на даты и более робкие цитаты из богословия связаны в основном с одними и теми же вопросами². Любопытный читатель вправе пожаловаться на то, что многие имена, лица и события, имевшие огромное значение для Христианского мира, были опущены. Но, хотя они и важны, их упущение здесь незначительно. Эта книга неизбежно должна говорить о Данте, а не о Декарте, поскольку поднятые в ней темы гораздо чаще встречаются у Данте, чем у Декарта. Тем не менее, я надеюсь, что кривая истории прочерчена в ней верно и все даты и сведения приведены точно. Если я где-то и ошибся, то не из-за отсутствия ссылки на специальные труды, а от обычной глупости, присущей человеческой натуре. Я старался сохранить порядок изложения; не позволил, чтобы книга ускользнула без главы о современности.

Эпиграф к ней, который я помещаю здесь, а не на титульном листе, где он смотрелся бы слишком нарочито, – это фраза, которая, как я когда-то полагал, принадлежала Августину³, но знатоки сообщили мне, что у Августина такой фразы нет, так что я не могу назвать точно ее источник. Звучит она так: «Это также есть Ты;

* Cavaliero G. Op. cit. P. 6.

но Ты не есть это⁴». Как жизненную максимуму ее трудно не оценить, и она (в прямом или обращенном виде) вполне резюмирует историю Христианской церкви.

Добавлю, что темы этой книги также обсуждались с разных точек зрения в других моих книгах – «Сошествие во ад», «Он сошел с небес» и «Логрес глазами Талиесина»⁵. Первая – художественная проза; вторая – нет; третья – поэзия, – неважно, относить ли ее к художественной литературе или нет.

Страницы эти можно посвятить многим; особенно же тем, кто в разное время взял на себя труд изучить вместе со мной «непрочитываемую до конца мудрость таинственных образов»⁶, и прежде всего господину D.H.S.N.⁷, с кем мы так прекрасно и радостно обсуждали Природу Любви:

Чем заняты вы? Помните ли нас,
Иль в новом совершенстве ваших тел
Забыли прошлое? уже ничто для вас,
Что делал грек и флорентинец пел?
Мы помним вас; но в ваших закромах
Хранятся ль наши радости в веках?⁸

Глава I

Определение Христианства

Начало Христианского мира, строго говоря, находится вне времени. Метафизическая тригонометрия располагает его среди духовных Тайн, на пересечении двух обращенных к небу линий, одна из которых идет вверх от Восхождения Мессии в Вифании, а другая – вниз от Сошествия Святого Духа в Иерусалиме. Это измерение вечности в действии (the measurement of eternity in operation), измерение блистающего облака и бурного ветра, по сути, и есть богословие.

История Христианского мира – это история действия (the history of an operation). Это действие Святого Духа по отношению ко Христу в условиях нашей человечности (humanity); именно наша человечность как бы дала сигнал к этому действию. Видимое начало Церкви приходится на Пятидесятницу, но это лишь следствие ее фактического начала – и одновременно окончания – на небе. По сути, все в нашем мире, каким мы его знаем, всегда есть следствие чего-то. Причины наших действий скрыты, и человеческая природа выглядит массой противоборствующих, не связанных друг с другом следствий. Но попытка удобно связать следствия, не касаясь и, зачастую, не понимая их причин, делает жизнь еще труднее.

Церковь сама по себе есть выявление и исправление всех причин. Она начала свое поприще со споров о своей собственной причине – в то время, когда она была не слишком занята еще более важным делом – своим появлением на свет.

Исторически Ее начало было достаточно ясным. В Палестине, во времена правления принцепса Августа и его преемника Тиберия, появился Некто⁹. Этот Некто пришел в образе человека, странствующего учителя и проповедника-чудотворца. Таких, наводнивших Палестину во время недолгого мирного затишья в Империи, тогда было много. Но Этот был особенным.

Его силы и возможности были значительно выше, чем у прочих, а Его поведение многих сбивало с толку. Его речи оказывали огромное воздействие, особенно проклятия, а также повторяющаяся неоднозначность Его высказываний. Он постоянно побеждал тех, кто вступал с ним в спор. Он со всем соглашался, с одной стороны, и всё осуждал, с другой. Например, Он не выступал против римской оккупации, призывал подчиняться иудейским священноначальникам, проповедовал благочестивую и богоугодную жизнь. При этом Он присутствовал на трапезах, чье благочестие было сомнительно; дружески общался с богатыми мужчинами и распутными женщинами; язвительно отзывался о привычках священноначальников; и, призывая всех платить свои долги, одновременно излучал неодобрение или, по крайней мере, сомнение в отношении всякого рода собственности. Он говорил о любви, рассуждая об аде, и об аде, рассуждая о совершенстве.

Наконец, Он во весь Свой всепроникающий голос говорил о Себе и о Своей ни с чьей не сравнимой миссии. Он говорил, что с Ним произойдет самое лучшее и самое худшее, что когда-либо случалось или могло бы случиться с человеком. Он говорил, что может управлять всем, но должен подчиняться всему. Он говорил, что Его Небесный Отец сделает для Него всё, что Он пожелает, но что для Себя Он не сделает ничего, кроме того, что пожелает Его Небесный Отец. И Он обещал, что когда Он исчезнет, Он пошлет какую-то другую Силу просветить, утвердить и направить ту группку сбитых с толку и беспомощных последователей, которых Он, в порыве возвышенной нежности, соблаговолил назвать Своими друзьями.

Он действительно вскоре исчез; Его противники считали, что произошло это в результате Его смерти и погребения; Его последователи – что это случилось позже и менее обычным способом. Эти последователи остались и, в чем сходятся все сообщения, составили небольшую тайную группу в Иерусалиме. Они полагали, что ждут обещанного явления Силы, чтобы приступить к работе, которую оставил им Господь. По их свидетельствам, это явление произошло. В определенный момент, и отнюдь не скрытым от других образом, этой группе иудеев открылись небесные Тайны и, в дуновении ветра и ослепительных языках пламени, была сообщена тайна Утешителя в Церкви. Наш Господь Мессия исчез во плоти; наш Господь Дух являл Себя плоти и духу учеников. Церковь, сама по себе одна из Тайн, начала существовать.

Дух Божий явил Себя в Пятидесятницу и остальному миру. Он явил Себя прочим народам – из частей Ливии, прилежащих к Кирене, пришельцам из Рима и другим. Еще до того, как начались официальные миссии, тысячи живущих в разных местах людей в тот день уразумели нечто из этого видения и услышали что-то из этого учения. А некоторые были настолько убеждены увиденным и услышанным, что приняли таинство Крещения и вернулись в свои земли, если еще не как миссионеры, то уже как свидетели.

Так Дух использовал Свои собственные средства, чтобы основать и распространить Христианский мир, когда еще ни один апостол ни на шаг не покинул Иерусалим. Он Сам готовил Себе путь. И все же это была всего лишь, так сказать, прелюдия; теперь должна была начаться настоящая работа, и ее бремя взяла на себя эта группа людей, бывшая в городе. Эта работа была возрождением человечества

(mankind). Это слово слишком часто теряло свою силу; его следовало восстановить. Апостолы намеревались создать человечество заново.

У них еще не было языка для этого; у них не было богословских идей; им предстояло еще всё это найти. У них был только один факт, и этим фактом было то, что это произошло. Мессия пришел, был убит и воскрес; и они были мертвы *по преступлениям и грехам*¹⁰, а теперь уже нет. Они были возрождены; это же может произойти и со всеми. *«Ибо вам принадлежит обетование, – воззвали они к толпе в Иерусалиме, – и детям вашим и всем дальним»*¹¹.

*Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа*¹². Они верили в Иисуса из Назарета, не очень хорошо понимая Его; Его воскресение, казалось, оправдывало их веру; но тем более теперь они были оправданы, или, скорее, Он был оправдан. Это случилось. В любом случае, было правдой то, что Бог Израилев не оставит их души во аде и не даст своим святым увидеть тление¹³.

Итак, апостолы должны были приступить к той работе, которая была Духом. Но эту работу нужно было продолжать в определенных исторических условиях; таких условий в тот момент были три: иудейская религия, римский порядок и греческая образованность. Мессию отвергли и осудили на кресте на всех трех языках и всеми тремя элементами – благочестием, правительством, культурой; это было неизбежно. Хотя впоследствии Церковь с полным основанием стала считать себя предвечной причиной народа Израилева и его спасения, в тот момент она представлялась преемником и замещением Израиля. Первоначально она предлагала сохранить традиционное самосознание Израиля. Ведь сам Мессия был иудеем; пусть Он был казнен за богохульство, но это было иудейское богохульство. Его отзывы о язычниках при Его жизни были строго иудейскими; и нет оснований считать, что после Воскресения Его отношение к язычникам изменилось, потому что Он простил казнивших его римских солдат. Апостолы и ученики посещали Храм. Иудеями были и миссионеры Пятидесятницы.

Все это породило два спора, один внутри и один вне Церкви. Внешний спор был с иудеями, ведь с их точки зрения Христианский мир был не чем иным, как иудейской ересью. Спор между ортодоксальными иудеями и иудеями-«еретиками» сводился только к одному пункту: завершена ли историческая миссия Израиля или нет? Была ли она выполнена Христом? Должен ли Израиль теперь отказаться от нее?

Даже для отдельного человека трудно (как это часто бывает в семейной жизни) и почти невозможно для социального института отказываться от своего дела в пользу потомка и преемника, особенно в таких метафизических вопросах. Иудеи и не собирались это делать. Они придерживались старого ортодоксального взгляда на Завет в противовес новому «еретическому», согласно которому в лице Иисуса из Назарета Завет подвергся серьезному преобразованию. Была, конечно, и центристская партия, хотя позже она была сметена, как это обычно и бывает с центристами. Гамалиил был первым в христианские времена, кто сформулировал максимум, слишком часто забываемую самими христианами, – что не следует слишком ревностно преследовать других людей от имени Всевышнего¹⁴. Но его

защита новой «секты», хотя поначалу и удалась, впоследствии потерпела неудачу; за избиением апостолов последовало побивание камнями св. Стефана. Какое-то время эту «секту», возмущавшую спокойствие в Иерусалиме, активно преследовали; гонения шли и в других городах; и ортодоксы предприняли все усилия, чтобы восстановить метафизическое величие Невоплощенного Божества.

Внутри молодой Церкви шла другая, аналогичная и не менее острая полемика. Если основная часть иудеев вне Церкви считала, что Иисус из Назарета был, прежде всего, богохульником, то внутри Церкви Его считали, прежде всего, иудеем. Действительно, Он не отказался ни от одной буквы Закона, а в Своем вольном его толковании едва ли продвинулся дальше, чем некоторые из почитаемых раввинов. Он допускал, что необходимость может взять верх над ритуалом; но легкомысленного отказа от ритуала Он не одобрял. Это наиболее ярко выражено в Его апокрифическом замечании человеку, который собирал дрова в субботу: «О, человек, если ты знаешь, что делаешь, то благословен ты; а если не знаешь, то ты проклят»¹⁵. Это довольно точно отражает Его отношение к ритуалу. *Все, что они, книжники и фарисеи, велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте*¹⁶. Именно этого изречения и подобных ему придерживалась более ортодоксальная партия. Их позиция заключала в себе два принципа: (1) миссия Церкви была исключительно для иудеев, и (2) следовательно, весь иудейский ритуал должен сохраняться во всей полноте. Это были, надо признать, благородные души; отвергнутые иудеями, они сохраняли в своем новом обществе важнейшие иудейские традиции. И поначалу они, казалось, были доминирующей партией внутри Церкви.

И все же они потерпели неудачу. Единогласным мнением руководителей Церкви спор, в конце концов, был решен не в их пользу. Иерусалимский Собор огласил свое решение, утвердив почти невероятную по своей полноте, но естественную по своей простоте формулу: *Угодно Святому Духу и нам*¹⁷. Предложение, с одной стороны, нелепое в своей самонадеянности; с другой, вполне обычное. Оно, однако, не было ни тем, ни другим. Это серьезное заявление, утверждающее, в неявном виде, что союз со Святым Духом существует. Что союз, который был отвергнут, нарушен, забыт, расстроен, в сущности, по обоюдному согласию, действителен. Бывают такие исключительные моменты, когда кто-то может сказать: «Это угодно Святому Духу и нам», и это будет истиной.

И Церковь никогда не забывала, что, при всех временных отступлениях от него, это и есть истинное требование, к исполнению которого она должна неизбежно и неуклонно стремиться и в которое она безусловно верит. *Угодно Святому Духу (слова высшей уверенности) и нам (слова высшей самонадеянности)... Что же угодно? ...Не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого*¹⁸. Это выбор необходимости; это свобода всего, что выходит за рамки этой необходимости. Без анализа этого выбора необходимости невозможно понимание посланий Павла. Все это еще ждет своего исследования.

Главными непосредственными причинами такого решения были мнение св. Петра, имевшего видение, связанное с решением этого вопроса¹⁹, особая широта взглядов и энергия св. Павла и, позже, разрушение Иерусалима. Но эти причины действовали в поддержку определенной идеи, а идея уже, в неявном виде, при-

существовала в предшествующей полемике. Христология Церкви уже заключалась в некоторых неясных и неразвитых формулах. И это был вопрос не столько о *природе Христа* – словосочетание, которое могло показаться апостолам странным, – сколько о том, как следует рассматривать эту природу. Должен ли Богочеловек (это слово далось бы им нелегко) считаться иудеем? Или иудейство был лишь случайным Его признаком? Что было на первом месте: то, что Он был человеком, или то, что Он был иудеем?

Церковь, через действие Духа, преодолела эти первоначальные недоразумения, проистекающие из видимой человеческой природы Мессии. Благодать должна была распространяться на всех – как на язычников, так и на иудеев. Ни национальность, ни обряды не должны были иметь к этому никакого отношения. Это решение Апостольского собора имело универсальное применение, несмотря ни на какие отступления от него отдельных христиан или групп христиан в разные времена. Никакой идее, никакой национальности, никакой вере, ничему, никогда и нигде не позволялось выступать в качестве первичного и необходимого условия христианства. Никакому личному опыту, как бы он ни предшествовал или ни привел к христианству, не позволялось вставать между Богочеловеком и душой верующего. Все учения и все учителя должны были быть этому принципу подчинены.

Этот результат был достигнут во многом благодаря событию, известному как обращение св. Павла. Это было во всех отношениях очень примечательное событие. Во-первых, оно было началом той великой череды обращений и озарений, которые составляют часть истории христианского мира, – Августина, Франциска, Лютера, Игнатия, Уэсли²⁰ и других. Несомненно, и в других религиях можно найти нечто подобное; но здесь не место для обсуждения других религий, да и сами обращения еще не могут служить доказательством истинности веры.

Во-вторых, это обращение превратило сильного противника церкви в ее сильного сторонника; оно сделало даже больше – оно создало своего рода новый микрокосм. Оно взорвало микрокосм ярого иудействующего учителя и создало микрокосм анти-иудействующего. Оно как бы соединило Павла-иудея с Павлом-человеком и отдало главенствующее место его человеческому началу. Но оно также объединило Павла-человека с Павлом-новым человеком и отдало главенствующее место его новому человеческому началу.

Все это произвело переворот в личности Павла, обладавшего, наряду с другими выдающимися способностями, желанием понимать и желанием объяснить. Для того, чтобы понять и объяснить, этот новообращенный выработал практически новый словарь. Называть его поэтом было бы, пожалуй, неуместно (хотя бы в силу того незначительного, но важного факта, что он писал прозой). Но он использовал слова так, как это делают поэты; он полностью обновлял их. И благодаря этому обновлению языка св. Павел дал начало богословию христианской церкви.

Тогда, конечно, это не было столь очевидным. Его послания не были сброшюрованы и не продавались за шиллинг. Многие из основанных им церквей были, возможно, настолько неграмотны, что не могли оценить его лучших блестящих пассажей. Не исключено, что он менял свое мнение по каким-то пунктам и что принимал во внимание и другие точки зрения. Старое глупое утверждение о том, что

он-де противоречил Иисусу Христу во всех важных вопросах и что никто из других апостолов этого не замечал, или что их слабые возражения были удалены из всех источников, – вероятно, исчезло вместе с другими мифами первых критических штудий Евангелия. Но одно мы можем сказать в отношении первоначальной Церкви вполне определенно: что все церкви, кем бы они ни были основаны или кем бы они ни наставлялись в вере, в значительной степени были согласны между собой. И, судя по всему, они были согласны со святым Павлом в его объяснении так же, как он был согласен с ними в отношении самого факта.

Факт же был налицо. Учение о благодати было констатацией этого факта; обновленная мораль была приспособлением личности к этому факту; вера – деятельностью, объединяющей с этим фактом личность. А фактом было (среди прочего) то, что закон – закон праведной жизни, святости, любви, – который человек не мог полностью соблюдать, нашел способ соблюдения себя в каждом человеке, которого выбирал. Человек погибал, если не подчинялся закону. Однако закон был несилен, и его нельзя было изменить, иначе он стал бы иным, а этого не могло быть. Что тогда? Как человек должен был сделать свое существование возможным? Невозможностью совершить свое невозможное дело от имени человека, прощением (то есть искуплением) грехов, верой, жизнью вечной. Прошлое, настоящее, будущее состояния – всё одно, и имя этого состояния – *любовь Божия во Христе Иисусе, Господе нашем*²¹. *Вся тварь совокупно стенает и мучится*²²; *Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать*²³.

Великие фразы открыли человеку его пребывание в бездонном аду тленного, чтобы тленное облеклось в нетление, чтобы все мы изменились. *Сеется в немощи, восстает в силе*²⁴. *Древнее прошло, теперь все новое*²⁵. *Бог во Христе примирил с Собою мир... и дал нам слово примирения*²⁶. *Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом*²⁷ – *в безмерном преизбытке вечной славы*²⁸. В таких словах определялось новое состояние бытия, состояние искупления, со-принадлежности (*co-inherence*), осуществленное этим божественным замещением: *вы во Мне, и Я в вас*²⁹.

Это апокалиптическое определение не могло, несмотря на все изначальное благочестивое иудейское прошлое самого Павла, содержаться ни в иудаизме, ни в исходном благочестии. Ни иудаизм, ни благочестие не могли быть необходимым предварительным условием. Конечно, куда бы ни направлялись миссионеры Церкви, которых становилось все больше, в любом городе, до которого добирались, они из вежливости шли сначала в синагогу. Завеса иудейского храма, разорвавшаяся надвое, от разрыва не потеряла свою святость. Но поскольку иудеи отказывались принимать то знание, которое приносили миссии (а даже когда и принимали), миссионеры обратились к язычникам. Ибо не для одних только иудеев предназначались свидетельства Веры, Деяния, Происходившего и Происшедшего.

В то время Церковь как бы двигалась в облаке чудотворений, словно живой образ Славы Божией, ставшей на какое-то время видимой. Это касалось не только ее основных и отличительных таинств, Крещения и Евхаристии, совершаемых, распространяемых и священным образом предлагаемых новообращенным. Словно само Вознесение Христа открыло небо, словно само Сошествие Утешителя низве-

ло небо на землю, и языки и обычаи небес, казалось, в течение нескольких десятилетий витали в Церкви – так, как это с тех пор почти не повторялось, разве что в некоторые времена и у отдельных людей. Были чудеса исцеления и даже чудеса разрушения. В этом первом полном видении и осуществлении Славы Божией силы как бы циркулировали между верующими. Как и в других великих переживаниях, первоначальный смысл этого опыта обновлял эти силы более, чем какой-либо другой человеческий опыт. В то время Дух в Церкви посылал «через каждую силу двойную силу Свыше их служб и обязанностей». И эта власть была признана и принята. «После Евхаристии некоторые вдохновленные люди начинали проповедовать и являть перед собранием присутствие одушевлявшего их духа. Пророки, экстастики, говорящие на языках, толкователи, целители, обладавшие сверхъестественными способностями, привлекали в это время внимание верующих. Это была как бы Литургия Святого Духа после Литургии Христовой, подлинная Литургия с Реальным Присутствием и причастием. Вдохновение можно было ощутить – оно вызывало трепет в телах тех, кто удостоивался его, но и остальные бывали поражены, убеждены и даже в какой-то степени восхищены им и перенесены в Божественную сферу Утешителя»³⁰.

Это должно было постепенно сойти на нет. Был среди них и другой метод, тоже обреченный на исчезновение, но весьма интересный и, может быть, все еще вызывающий озабоченность, опасный, но опасный каким-то небесным дерзованием. Кажется, в молодом и пылком теле Церкви выросло стремление к особому духовному эксперименту, условно говоря, к поляризации чувств (polarization of the senses)³¹. Наши знания о нем невелики и, по сути, ограничиваются известным пассажем из послания св. Павла, письмом св. Киприана³² и одним или двумя запретительными правилами различных соборов. Этот эксперимент, вероятно, не ограничивался Церковью; возможно, он существовал и в других культах. Известный некромант Симон Волхв, например, брал с собой в странствия спутницу, возможно, именно ради этого эксперимента, и приписывал ей высокие титулы.

Ты Елена Тирская,
И была Елена Троянская, и была Раав,
Царица Савская и Семирамида,
И Сара с семьей мужьями, и Иезавель,
И другие женщины с подобными соблазнами,
И теперь ты Минерва, первый Эон,
Мать Ангелов³³.

Но Симон, как сообщалось, проповедовал, что он сам явился «между иудеями как Сын, а в Самарии как Отец, и среди других народов как Святой Дух»³⁴. Христиане не столь амбициозные попытались экспериментировать в рамках вероучения и церковной морали. Из послания св. Павла видно, что в некоторых случаях эксперимент не удался из-за того, что сексуальный элемент в отношениях между мужчиной и женщиной не был полностью подавлен. Апостола спрашивают, дозволен ли в таких случаях брак. И он отвечает, что с учетом всего (а он учитывал все эти моменты), хотя было бы лучше, если бы мужчина и женщина продолжали великое

дело, потому что брак означает введение всяких приятных – но менее насущных – мирских дел, все-таки в браке нет ничего дурного, ничего против Веры и Новой Жизни. Если сексуальные желания начинают их слишком сильно беспокоить, пусть разбираются с ними самым простым и счастливым способом; лучше жениться, чем разжигаться³⁵.

Это, похоже, была самая ранняя попытка, поощряемая апостолами, «сублимировать» плотские чувства. Сами «экспериментаторы», наверное, так ее не называли. Энергия сублимации была направлена на Распятого и Прославленного Искупителя, на работу обмена и замещения, на союз на земле и на небе с той Любовью, которая теперь понималась как способность любить и быть любимым. В некоторых случаях это не удалось. Но мы ничего не знаем – к большому сожалению – о случаях, когда этот эксперимент удался, а то, что такие случаи были, кажется очевидным из того, что св. Павел довольно спокойно принял эту идею. Но ко времени Киприана, епископа Карфагенского, в третьем веке, церковные авторитеты испытывали в отношении этой практики гораздо больше сомнений. Женщины – *subintroductae*³⁶, как их называли, – по-видимому, спали со своими спутниками без полового акта; Киприан не то чтобы не верит в такие духовные браки, но он не одобряет их³⁷. А Эльвирский Синод (305 г.) и Никейский Собор (325 г.) вообще запретили эту практику. От великого эксперимента пришлось отказаться из-за «соблазна» (*scandal*)³⁸.

Толстой в «Крейцеровой сонате» высказал грубое возражение против таких отношений³⁹, с которым Киприан, скорее всего, был бы согласен: «Но в таком случае незачем спать вместе!». Оба мудрых мужа были правы в отношении большого количества сентиментальной похоти и чувственного лицемерия. Но даже Киприан и Толстой не понимали всех путей действия Святого Духа в христианском мире. Да, запрет на подобные отношения был закономерен. И все же жаль, что Церковь, однажды осознавшая, что она основана на *соблазне*⁴⁰ не только для мира, но и для души, так остро среагировала на «соблазны» (*scandals*). Это был один из первых триумфов «более слабых братьев», тех невинных овечек, которые одной лишь массой своего скудоумия растоптали многие нежные и яркие цветы в христианском мире. Столь ранняя утрата этой традиции оставила Церковь слишком озабоченной вопросами, связанными с полом, тогда как она могла создать то замещение чувственного влечения более высоким, которое далеко не всегда было связано с половой жизнью.

Присутствие сексуальности в этом эксперименте, возможно, было далеко не безобидным и грозило выпустить «тёмных богов» Д.Г. Лоуренса⁴¹ прямо в царство Мессии. Эксперимент не удался; предвидение св. Павла оправдалось. Церковь отказалась от этого пути в пользу пути брака, который Павел осуждал⁴², и в конечном итоге потеряла действительно живую традицию самого брака как пути души. Это нам еще предстоит восстановить; эта традиция, безусловно, существует во многих домах, но вряд ли как-то учитывается и пропагандируется властями. Учат только моногамии и кротости⁴³.

Этот опыт поляризации чувств во многом соответствовал духу начальной Церкви. Это была вера в возможность иных любовных союзов, кроме брачных, и

инные формы совместной жизни, и опыт таких союзов и такой жизни. Влюбленные того периода – или некоторые из них – осознали влияние Любви и хотели действовать и духовно расти благодаря ей. Это было начало такого роста, так они понимали его. Момент открытия этого опыта был также и моментом, требующим его реализации и преобразования. Христианство всегда есть спасение, происходящее внутри одного момента, одной конкретной точки. *Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения*⁴⁴. В этом смысле нет ничего, кроме *сейчас*; нет никакой длительности. Мы не имеем дело с длительностью времени, и все же (будучи смертными) мы не имеем дело ни с чем, кроме его длительности; между этими полюсами и лежит вся история и все учение Христианского мира⁴⁵.

Непосредственность и рвение, лежавшие в основе этого неудавшегося преобразования времени, сопровождали рождение и повсеместное распространение Церкви. Послания св. Павла доводят это *Сейчас* до высшей точки раскрытия и выражения. Но уже в самих посланиях появляется другое. «Оно есть!» – как бы говорят они, но далее требовалось продолжать говорить это «оно есть!». Время существовало, и само время должно было как бы преобразоваться, быть вновь открываемым в том, что лежало вне времени. И не только в целом, но и в случае каждого отдельного христианина.

Церковь, говорят нам, ожидала немедленного Второго Пришествия Христа; так оно, несомненно, и было в обычном буквальном смысле. Но оно, безусловно, ожидалось и в другом смысле. Новообращенные во всех городах Азии и, следом, Европы, где возникали небольшие общины, в своем обращении так или иначе познали Первое Пришествие своего Искупителя. А затем? А затем... Оно стало задачей и проблемой, это *Затем*. Он пришел, и они поклонялись Ему и верили в Него, общались с Ним и сообразовывали с Ним свою жизнь, и ждали Его дальнейшего явления. Но *Затем* все длилось, и, казалось, никакого другого эквивалента *Сейчас* уже не будет. Время стало индивидуальной и всеобщей, соборной (Catholic) проблемой. И Церковь должна была стать такой же всеобщей – универсальной и прочной – как время.

Время, как известно, является большой проблемой для философов; но оно не меньшая проблема и для верующих. Как и чем мы заполняем время? Как и насколько далеко мы способны выйти за его пределы? Отступники – те, кто игнорируют эту проблему; святые – те, кому удастся ее решить. Молитва о конечной стойкости⁴⁶, которую так настойчиво предлагает нам Церковь, есть не что иное, как ее горячее желание сохранить эту верность, по крайней мере, в отношении этой проблемы, не игнорировать ее. Каковы отношения между этим *Сейчас* и последующим *Затем*? Каковы условия отношения – не то, что должно быть, а то, что есть? «Преобразование времени Святым Духом» – так можно озаглавить эту великую работу Церкви.

Но уже в первом веке, веке апостольском, время, которое Церковь должна была искупить и освободить, становилось для нее проклятием. Возникло первое разделение между Церковью и тем, что было названо Царством. Царство – или, апокалиптически, Град⁴⁷ – это состояние, к которому призван Христианский мир; но, кроме как в видении, Церковь еще не является Градом. Град – это государство, ко-

торым должна стать Церковь. В том импульсе, который она получила от Христа, в провозглашении своих основ и своего единства, в воздействии Духа, она какое-то время была тождественной самой себе. Но она слишком рано начала отделяться от своего Царства. Это было неизбежно; если бы этого не произошло, она не смогла бы существовать. Она существует не только в силу погрешности (error) мира, но в силу своей собственной погрешности. Ее погрешность и была для нее самой возможностью быть. В этом она вся.

Время продолжало существовать, и Церковь примирилась с ним. Проблема иудейской обрядовости была решена. Но два других условия, влиявших на ее существование, римский порядок и греческая образованность, остались. Ни тот, ни другая не были, если использовать излюбленную политиками фразу, «в принципе против» христианской идеи. «Десятки блеклых сект боролись за существование среди низших классов»⁴⁸ и, можно добавить, среди высших. Римские власти не были, в принципе, против того, чтобы их граждане и подданные предавались своим личным религиозным фантазиям. Делом властей было то, чтобы римский народ был сытым, мирным и «веселым». (*Hilaritas Populi Romani*⁴⁹ – так в более поздний период монеты Адриана как бы поздравляли императора).

Это объясняет то чисто формальное внимание, которое в более поздний период уделялось фигуре императора и его обожествлению. Но люди не приносили жертвы императору все время, а другие обряды правительство не интересовали. Св. Павел путешествовал по империи, порядок которой он одобрял и которая в значительной степени одобряла его. Он питал величайшее уважение к магистратам, и у них не было к нему особых претензий. Он поклонялся какому-то непонятному божеству, но, в целом, это было тогда достаточно обычным делом. Спасение, посвящение, второе, духовное, рождение – об этом тогда беседовали за обедом и болтали в тавернах. Для Никодима идея второго рождения была, возможно, труднодостижима⁵⁰, но обычный человек в неиудейском мире вряд ли побледнел бы, услышав о ней. Пилата совершенно не тронули – за исключением легкого любопытства – утверждения о том, что Иисус называл себя Сыном Божьим; он был лишь немного удивлен, что иудеи так возмущаются этим. Христианство, насколько кто-либо его понимал, естественным образом должно было быть терпимой религией, такой же терпимой, как и те, которые соперничали с ним; и когда открылась ярая нетерпимость властей к христианству, это стало столь же шокирующим для многих, как это бывает и сегодня. Отвержение со стороны иудеев подвергло апостолов опасности, но окончательное решение властей в Риме по делу св. Павла, по-видимому, позволило признать христианство допустимым вероучением. Его просто сочли разновидностью иудаизма.

Разрыв этого более или менее удовлетворительного симбиоза произошел непосредственно из-за Нерона; что именно на него повлияло, мы можем лишь догадываться. В июле 64 года в Риме вспыхнул Великий пожар. Естественная склонность толпы обвинять в поджоге того, кого она недолюбливала, вызвала слухи о причастности к поджогу самого императора – подобно тому, как в Великом лондонском пожаре 1666 года будут обвинять католиков. Император и Сенат переложили вину на христиан; этому поверили. Христиан обвинили не только в этом

конкретном преступлении, но и в более общем зле – в «ненависти к людям». В это с готовностью поверили и такие блестящие интеллектуалы, как Тацит. Тацит, как пишут о нем, был «аристократом-стойком, который ненавидел Нерона и ненавидел христиан и не мог решить, кого он ненавидит больше»⁵¹.

Эта первая вспышка гонений могла бы поколебать твердость всех более поздних христиан, заставить их верить ходившим в народе слухам, официальным заявлениям и недостоверным историям. Этого не произошло. Пылающие кресты ватиканских садов отбрасывают трагический отблеск на всю нашу человеческую легковёрность, на все эти *как слышно* и *как говорят* нашей повседневной жизни; и наши заученные наизусть оправдания лают, как собаки, которым бросали верующих, замотанных в звериные шкуры. Христианство стало подозрительным и оставалось подозрительным. Многие отнеслись к нему с ужасом, большинство – с презрением. Однако была какая-то причина для презрения (кроме неизбежного духовного соблазна и того факта, что христиане – точнее, один из них – ответили на гонения потрясающим, но при этом крайне революционным памфлетом под названием «Откровение св. Иоанна Богослова»).

Это подозрение в отношении христиан существовало в разной степени в разное время и в разных местах. Его воздействие совершенно невозможно как-то измерить. Оно зависело от настроений толпы, настроений магистратов, хода государственных дел, пристрастий императора и множества других обстоятельств. Оно зависело от темперамента и поведения самих христиан. Чем больше было новообращенных, тем больше было различий в их отношениях с соседями, придерживавшимися иных философских и религиозных взглядов. Были (точнее, появились со временем) христиане робкие и вспыльчивые; христиане, бывшие деликатными и тихими, и христиане, любившие споры и столкновения. Главное различие между христианами и остальными было официальным и социальным, и даже более социальным, чем официальным. Ткань огромной Империи была соединена формальным поклонением Гению Императора. Но это поклонение менее всего было похоже на религиозное. Оно было, без сомнения, не только более формальным, чем наше коленопреклонение перед Святым Престолом, но и выглядело более нелепым. «Мне кажется, я становлюсь богом», – сказал умирающий Веспасиан. Всем было неловко, когда христиане торжественно и формально предавали анафеме то, во что никто и так не верил. Неприятно, когда тебе противоречат в том, во что ты веришь; но когда тебе возражают – да еще и со страстью и чувством превосходства – в том, во что ты и без того не веришь, это просто невыносимо.

Иудеи, правда, тоже отказывались обожествлять императора; но в отношении них все было ясно. Они были официально освобождены от этой необходимости; они были этнической, а не религиозной группой, или религиозной, потому что этнической; и они вовсе не были миссионерами (propagandist)⁵². Стать иудеем было чрезвычайно трудно. Но еще труднее становилось не поддаться убеждению сделаться христианином.

Церковь наступала со всех сторон и всеми способами – уговорами, доводами, почти угрозами. Ее целью, из которой она не делала секрета, было евангелизировать мир. В глазах большей части Империи это прежде всего означало отказ от

активной политической деятельности, от официальных выходных, от празднеств и игр, от всего, что связано с поклонением Гению Императора, от признания того, что могут существовать другие божества или другие таинства. Самые тихие и приятные христиане в этих вопросах проявляли такт; если они приходили на празднества, то не начинали допытываться, является ли мясо *идоложертвенным*⁵³; они не выставляли напоказ свою религиозность. Но поскольку и они, в конце концов, не желали участвовать в возлияниях домашним богам своих друзей, то были вынуждены постепенно или сразу отказаться от званых обедов. В глазах любого обычного римлянина все это было очень странным и крайне неприятным.

С ростом числа христиан их странность и неотесанность стали более заметными. Власти все больше и больше беспокоило это диссидентское меньшинство. Положение было похоже на наше нынешнее международное положение⁵⁴; хотя войны на удивление долго не было, она могла разразиться в любое время. Домициан, которому везде мерещились заговоры, очищал от христиан свое окружение⁵⁵. Плиний, будучи императорским легатом в Вифинии, получал доносы на христиан. Он пытал некоторых, чтобы узнать, во что они на самом деле верили, и написал об этом императору Траяну. Траян встал на единственно правильную имперскую точку зрения. Христиан, отвечал он, не стоит преследовать; доносы на них нельзя поощрять, а если доносчик лжет, его следует наказывать. Римские власти обычно не поощряли доносы одних граждан на других. Но, в силу принципа поддержания спокойной жизни в империи, если донос оказывался обоснованным, если такой-то действительно выступил против общественной безопасности и общественного блага, то с ним следовало обращаться как с преступником. Поскольку он и был преступником. Христиане считали себя грешниками, тогда как другие считали их преступниками.

Вероятно, формальный донос требовался в случае посещения «братией» своих заключенных исповедников, не говоря уже о подкупе стражей. Путешествие Игнатия из Антиохии в Рим⁵⁶ – прекрасный тому пример. Христианин, если только это не происходило в период жестоких гонений, как правило, арестовывался за конкретное преступление. Но из этого не следовало, что те, кто приходили его навестить, были виновны в том же преступлении. В таком посещении был, конечно, определенный риск; но некоторых христиан могли навестить и их друзья-язычники, которые, если бы потребовалась жертва с их стороны, пошли бы на нее. Но любой, кто донес бы на них, мог сам пострадать за необоснованный донос. Адриан даже настаивал на том, чтобы «сообщатель» указывал на какие-то неправомерные действия таких посетителей, помимо их христианства. Но в целом христианства было достаточно, чтобы начать против них расследование, а расследование означало смерть.

С другой стороны, за пределами своей веры христиане не подвергались нападкам, а в чем-то даже были защищены. Их захоронения оставались нетронутыми, охраняемыми всей суровой заботой римского права о гробницах. Кладбища принадлежали *Dei Manes*, богам подземного мира, и милость, которой Гений Императора лишал христиан в свете римского дня, сохраняли темные божества загробного мира, словно в ужасном признании Бога, который прошел среди них и вернулся

на землю. Катакомбы сохранились для нас благодаря этой заботе и скрупулезной приверженности римских понтификов букве закона: они уважали собственность мертвых.

По-видимому, и церкви, если уже они строились, обычно не подвергались нападениям. Римское право очень бережно относилось к собственности. Возможно, была даже проделана небольшая закулисная юридическая работа по созданию союзов, которые формально владели бы этими церквями, но эти церкви были, и с этим как-то считались. По поводу старых картин, на которых римские солдаты врываются в церкви, чтобы схватить молящихся, можно вспомнить замечательную фразу: «Милый, ты несколько преувеличиваешь». «Умерших за христианскую веру, – говорил Ориген, – в разные времена было мало, и их легко сосчитать»⁵⁷. Он говорил это по другому поводу, но, без сомнения, имел в виду и нечто подобное. Были доносы, были массовые беспорядки, но вмешательство официальных римских властей оставалось незначительным. Лишь в начале третьего века Тертуллиан смог воскликнуть: «Non licet esse nos»⁵⁸ – «Нам не позволено существовать». Только тогда Вергилий и Петр окончательно рассорились на улицах Рима.

Таково было внешнее положение Христианского мира в течение первых двух столетий его существования – непрочное, зачастую трудное, иногда фатальное, но нередко сносное, а порой даже легкое. Тем временем Христианский мир начал осознавать себя – или, по крайней мере, немного себя осознавать. Великое открытие, сделанное Церковью, выраженное св. Павлом и провозглашенное с большим энтузиазмом, только начало определять в самом общем виде ее собственную природу. «Помня, как она чувствовала, а что чувствовала – / Не помня»⁵⁹, – или, скорее, не зная точно, что, – младенческая Церковь шла своим путем, по историческим меркам еще очень кратким.

С этим случилось то, что случается со всеми подобными сильнейшими переживаниями. За романтическим открытием, если так это можно назвать, последовало грандиозное интеллектуальное романтическое движение. Это было неизбежно; так оно и должно было быть. Но, как всякий неконтролируемый романтизм, оно дошло до самых невыносимых пределов. Это было почти литературное движение; во времена книгопечатания оно бы и стало им.

В нем было два течения: первое оставило после себя безвредные, хотя и ненадежные, сообщения, второе – вредные и еще менее надежные. В первом создавались романтические истории о Христе и апостолах. Это были рассказы о детстве Христа, о том, как Господь в нежном возрасте покарал своего школьного учителя высохшей рукой или еще более дикий рассказ, как Он убил своего недостаточно учтивого товарища по играм (и тут же воскресил его). Были истории о Пресвятой Богородице и о том, что случилось с первосвященником, когда он вмешался в ее похороны. Были более или менее правдоподобные рассказы об апостолах и их видениях. Еще не существовало единого Канона, признанного Церковью богодухновенным, и эти истории курсировали среди христиан вместе с более подлинными писаниями. Некоторые имели какой-то назидательный смысл, некоторые нет, но к серьезным вопросам вероучения они не имели почти никакого отношения.

Другая часть этого романтического движения была гораздо более опасной.

Это был более философский романтизм, или, точнее, романтизм, который выражал себя в терминах философии. Тексты такого рода «в больших или меньших кругах ставились на один уровень с писаниями нашего Канона, но рассматривались Церковью в целом так же, как в наши дни – Книга Мормона или писания госпожи Эдди»⁶⁰. Они развивали – как и те учителя, которые были с ними связаны, – обычные признаки утраченной романтики. Утраченная романтика, или псевдоромантика, всегда и везде имеет одни и те же признаки, и они были у нее в первые века Веры. Тогда она называлась гностицизмом.

Гностических школ было много. Они возникли в результате контакта Веры с наименее авторитетными течениями греческой метафизики и наиболее фантастичными ближневосточными вымыслами. Но все эти тексты имели тенденцию развиваться по одним и тем же путям. Из христианства они приняли идею Спасения; они приняли идею активно действующих небесных существ; идею высшего и бесстрастного Божества. Затем они принялись очищать эти идеи от «низких» и «грубых» интерпретаций, которые привнесло в них, по их мнению, «материалистическое» христианство. Делали они это, в основном, тремя способами.

(1) Они лишили свое верховное божество всякого творческого начала, особенно склонности к творению материи и вообще к творению всего, что способно на «зло». Творческую способность в божестве они считали не столько невозможной, сколько неприличной. Они допускали в отношении Него лишь определенные эманации или сверхъестественные истечения, добавляли к ним другие эманации и истечения, а к ним третьи, пока не вообразили себе «длинную цепь божественных созданий, каждое из которых слабее своего родителя», и не пришли, наконец, «к такому, которое, будучи достаточно могущественным, чтобы творить, было достаточно глупо, чтобы не видеть, что творение неправильно»⁶¹. Это, по их убеждению, и был бог этого мира.

(2) Эти ступени эманаций различались в разных школах. Но они сходились в том, что каким-то образом чистый свет нижнего неба был вовлечен в грязные делишки материи и должен быть освобожден от них. Он и был освобожден нисхождением Избавления, которое, однако, само приняло лишь видимость материального тела и оставило его задолго до того, как Страсти и Распятие могли бы каким-либо образом запятнать его царственную духовность. При Крещении или около того, учили они, Божество сошло в человека Иисуса из Назарета; при аресте или около того оно изошло из него. То, что бичевали и убивали, им уже не было. В некоторых трактовках это был Иисус-человек; были предложены более фантастические домыслы, не лишенные привлекательности. Евангелие от Варнавы, например (хотя и позднее), повествует о том, как Господь превратил Иуду Искариота в видимость себя, так что стража по неразберихе схватила Иуду и по той же неразберихе распяла его; в то время как Господь с неба наблюдал за своей хитроумной местью...

(3) Отсюда возникло определенное разделение среди гностиков. Были низшие духовные классы, так сказать, духовный пролетариат и духовная буржуазия, жившие верой. Была своя аристократия, которая жила знанием: «освященные», «совершенные». Эти освященные в свое время начинали внизу иерархии, но быстро поднимались; они *видели*. Говоря языком нашей современной системы образова-

ния, они прошли серию ступеней посвящения от начальной до средней школы и, далее, до университета. Другие, «менее благословенные», остались в тех классах, в которых произошло их гностическое «рождение». Подобно бизнесмену мистера Э.М. Форстера в лесу⁶², они смотрели во все глаза на иерархии божественной славы и не могли их видеть. Они не были способны к Гнозису, к Тайне.

Все эти взгляды были страстно отвергнуты общим мнением Церкви. Восстание против гностического влияния одержало победу благодаря двум причинам. С одной стороны – благодаря талантам отдельных критиков гностицизма, таких как Ириней Лионский⁶³. Существовала также – и это было гораздо важнее – реальная вера отдельных Церквей. Она во многих моментах была еще не определена; были догматические моменты, по которым ей еще требовалось определиться. Но все эти общины во всех этих городах, основанные на апостольском учении, дали понять, что они не верят в то, что провозглашали философы-романтики; что это не та Вера, которую они приняли и удержали.

Во что верили церкви? Они верили, что Всемогущий Бог – высшее Божество – сам сотворил небо и землю и, будучи их Первой и Единственной Причиной, в конечном счете, ответственен за них. Они верили, что Иисус Христос был Сыном Отца – и потому Сам был Божеством, – и был материально рожден на земле *ex Maria Virgine*⁶⁴. Они верили, что Первопричина положила начало, привела в действие и завершила дело Искупления. Они энергично отвергли то, что творцом мира был второстепенный демиург, и то, что существует какой-то особый вид высшего спасения для высших людей. Несомненно, в Церквях были и пророки, и говорящие на языках, и учителя, и так далее; несомненно, Всемогущий Бог мог особым образом действовать через определенных людей. Но Церкви отвергали любое противоречие между верой и видением.

Вера была не просто слабой заменой видения; это была способность соединять все сущее с истиной. Это был тотальный настрой и тотальное действие. Все люди, по определению, нуждались в спасении; а, значит, и в вере и в покаянии в вере. Гностический взгляд оставлял «освященным» мало места для практики любви на этой земле. Как писал Ириней, «они живут так, словно они равнодушны»⁶⁵. Церковь предала анафеме эту псевдоромантическую ересь; не могло быть иного превосходства одних над другими, кроме как в нравах, в труде, в любви. *Видь, понимай, наслаждайся, учил гностик; покаяйся, веруй, люби, учила Церковь, а если при этом что-то увидишь, то расскажи об этом другим.*

В каком-то смысле гностики избегали всякого столкновения разума и души. Камни, которые они предлагали, можно было положить во главу угла многих храмов; только не Града Христианского мира. У гностиков Бог не нес ответственности за ту юдоль слез и страданий, которую мы называем миром. Душа и тело (если их формально разделить) не отвечали друг за друга. Люди не несли ответственности друг за друга. Гностики разрубили Гордиев узел единства, и части его разлетелись на огромное расстояние друг от друга. Зубная боль, рак, менструальные циклы, неудачная любовь – эти и другие человеческие недуги, по гностикам, не имели отношения к деятельности небесных сфер. «На пятнадцатом году царствования Тиберия Цезаря Христос сошел с небес», – писал Маркион⁶⁶, один из последних и

один из величайших гностиков, но ортодоксальный ответ заключался в том, что несколькими годами ранее Христос был рожден на земле, как о том и сказано в Книге родства Иисуса Христа⁶⁷.

Тем временем всеобщее согласие Церкви породило письменное ортодоксальное учение, «авторитет которого», если цитировать Статьи Англиканской церкви, «никогда не подвергался сомнению в Церкви»⁶⁸. *Никогда* – сказано слишком сильно. Но верно то, что канон Нового Завета появляется примерно в это время из растущей массы христианских писаний не в результате догматических решений, а в результате общего согласия. Это, по сути, его единственная ратификация.

Почему Новый Завет? Потому что весь Христианский мир произвел его. Но почему Христианский мир? Говоря огрубленно, потому что, если Христианский мир таков, как о нем говорят, – например, в Новом Завете, – то это сущность, в которую мы предпочитаем верить, в противовес личной праведности, общественному порядку и интеллектуальным схемам. К концу второго века Новый Завет был почти полным и безусловно авторитетным; к тому же времени устроился и Христианский мир, и великая битва вот-вот должна была начаться.

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один из важнейших и труднопереводимых терминов у Уильямса, *co-inherence* – который можно перевести также и как «сопричастность», «взаимопричастность», «взаимопринадлежность», «взаимопроникновение». Уильямс заимствует его из святоотеческого богословия, где он используется для описания отношений между человеческой и божественной природой Иисуса Христа и отношений между лицами Пресвятой Троицы («соприсносущность»). Уильямс придает ему, однако более широкое понимание – как идеальное отношение между людьми, прежде всего – христианами. «Слово, почти совсем непереводаемое, – писала о *co-inherence* у Уильямса Наталья Трауберг, – лучше всего его можно понять, припомнив призыв апостола “несите бремена друг друга”» (Трауберг Н. *Миры и глубины Чарльза Уильямса // Истина и жизнь*. 2005. № 5. (URL: http://krotov.info/library/19_t/ra/uberg_029.htm)). Учитывая это значение, для перевода нами выбран вариант «со-принадлежность».

² Эта часть предисловия (взятая в угловые скобки) отсутствовала в первом издании книги. *Людвико (Луи) Бреа* (Brea; 1450–1523) – итальянский художник французского происхождения; имеется в виду его картина «Коронация Марии» (1514); под «святой славной плотью» подразумевается тело Богородицы; под «погребением совершенной Плоти» – изображение Погребения Христа в нижней части картины.

³ *Августин Аврелий* (354–430) – выдающийся христианский богослов и мыслитель; в Православии почитается в лике блаженных.

⁴ Источником этой фразы, как полагают исследователи, мог стать следующий пассаж из «Божествен-

ных имен» преп. Дионисия Ареопагита: «И Он не есть что-то из сущих, и ни в чем из сущих не познается. И Он есть «все во всем» и ничто ни в чем, и от всего всеми Он познается, и никем ни из чего» (VII, 3). (Цит. по: Восточные отцы и учителя церкви V века: Антология / Сост., биогр. и библиогр. ст. иеромонаха Илариона (Алфеева). – М.: Изд-во МФТИ, 2000. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/obozhestvennykh-imenakh/#source). См. дискуссию по этому вопросу: (URL: <https://afkimel.wordpress.com/2013/10/30/the-iconic-and-the-apophatic-charles-williams-and-the-two-ways/>).

⁵ «Логрес глазами Талиесина» («Taliessin through Logres», 1938) – поэма из цикла, посвященного королю Артуру (Логрес – королевство Артура в Британии; Талиесин – поэт, бывший, по преданию, бардом при дворе Артура). Об остальных двух сочинениях – см. наше предисловие.

⁶ Источник этой цитаты обнаружить не удалось.

⁷ Дэниэл Ховард Синклер Николсон (Nicholson), один из ближайших друзей Уильямса, скончавшийся 25 января 1936 года.

⁸ Из цикла «Возрастание любви» («The Growth of Love», 1876–1898) английского поэта Роберта Бриджеса (Bridges; 1844–1930). Перевод мой – Е.А.

⁹ В оригинале – «a certain being», что достаточно сложно перевести без потери смысла в силу многозначности существительного «being»: бытие, существо, сущность; не говоря уже о тех словосочетаниях, в которых оно оставляется без перевода: human being (человек), the Supreme Being (Всевышний) и т.д.

¹⁰ Еф. 2,1.

¹¹ Деян. 2, 39.

¹² Деян. 2, 38.

¹³ См.: Пс. 15, 10.

¹⁴ См.: Деян. 5, 38.

¹⁵ Присутствует в некоторых списках Евангелия от Луки (Cod. D и Cod. Graec. β Rob. Stephani)

¹⁶ Мф. 23, 3.

¹⁷ Деян. 15, 28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Деян. 10, 9-17.

²⁰ Имеются в виду Блаженный Августин (см. выше сноску 2), Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226), Мартин Лютер (1483–1546), основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола (1491–1556) и основатель методизма Джон Уэсли (1703–1791). Все они пережили религиозное обращение, на основании чего Уильямс и объединяет эти крайне несхожие фигуры.

²¹ Рим. 8, 39.

²² Рим. 8, 22.

²³ Рим. 11,32.

²⁴ 1 Кор. 15, 43.

²⁵ 2 Кор. 5, 17.

²⁶ 2 Кор. 5, 19.

²⁷ 2 Кор. 5, 21.

²⁸ 2 Кор. 4, 17.

²⁹ Ин. 14, 20.

³⁰ *Duchesne L. Christian Worship. A Study of the Latin Liturgy up to the Time of Charlemagne / Trans. from French by M.L. McClure. 3rd English edition. – London: Society for promoting Christian knowledge, 1910. P. 48.*

³¹ Аналогичную мысль высказывал и близкий друг Уильямса, Д.Г.С. Николсон (которому Уильямс посвятил эту книгу и с которым, как отмечал в Предисловии, он обсуждал природу любви): «Дух может питаться трансформированными желаниями и действиями тела» (*Nicholson D.H.S. The Mysticism of St. Francis of Assisi. – London: J. Cape, 1923. P. 193*).

³² *Киприан Карфагенский* (+258) – богослов, священномученик. Имеется в виду его «4-е послание к Помпонию, о девственницах».

³³ Из поэмы Генри Уодсворта Лонгфелло «Христос: мистерия» («Christus: A Mystery», 1872, глава «Симон Волхв и Елена Тирская»). Дословный перевод.

³⁴ Источник этой цитаты обнаружить не удалось.

³⁵ 1 Кор. 7, 1-9.

³⁶ *Сподвижницы* (лат.) – девственницы, которые жили с мужчинами, посвятившими себя безбрачию, чтобы заботиться об их домашних делах.

³⁷ «Нужно, поэтому, поспешить, пока можно еще отделить невинных, потому что после и наше содействие не будет достаточно к их отделению» (Цит. по: Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского. Т. 1: Письма. – Киев: Университет. типография, 1861. С. 24). Цитата (на английском) – в примечании самого Уильямса.

³⁸ Английское *scandal* означает также «злословие, сплетни», что связано с первоначальным значением этого слова в древнегреческом: «соблазн» (σκάνδαλον).

³⁹ Имеется в виду эпизод повести Л. Толстого «Крейцеров соната» (1890), в котором герой, Василий Позднышев, в разговоре с попутчиками в поезде на тему брака, на вопрос «Разве вы не допускаете любви, основанной на единстве идеалов, на духовном сродстве?» отвечает: «Духовное сродство! Единство идеалов! <...> Но в таком случае незачем спать вместе (простите за грубость). А то вследствие единства идеалов люди ложатся спать вместе».

⁴⁰ Ср.: *...А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость* (1 Кор. 1, 23). Уильямс, похоже, дает слишком расширительное толкование этого пассажа; в нем говорится только то, что соблазном (σκάνδαλον) является именно сообщение о распятом Христе, и именно для иудеев.

⁴¹ *Дерби Герберт Лоуренс* (Lawrence; 1885–1930), один из самых известных и самых скандальных английских писателей начала XX века, призывал к открытости в отношении «тёмных богов», под которыми подразумевал чувства и инстинкты, прежде всего половые.

⁴² Уильямс явно преувеличивает «осуждение» апостолом Павлом брака. Апостол неоднократно пишет о предпочтительности брачной жизни. *Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог* (Евр. 13, 14). *Мужья, любите своих жен* (Еф. 5, 25). И во пресвитеры апостол также требовал рукополагать того, *кто непорочен, муж одной жены* (Тит. 1, 6).

⁴³ Ср. у Николая Бердяева («Метафизика пола и любви», 1907): «Христианство не преобразило пола, не одухотворило половой плоти, наоборот, оно окончательно сделало пол хаотическим, отравило его. Демонизм пола есть как бы обратная сторона христианского проклятия пола. Могушественная половая любовь была загнана внутрь, так как ей отказали в благословении, превратилась в болезненное томление, не покидающее нас и до сих пор. <...> Слова Христа о поле и любви остались не поняты, не вмещены, и пол выпал из господствующего христианского сознания, сделался достоянием эзотерических учений <...> Так называемая христианская семья есть лицемерная ложь, языческий компромисс, подобный “христианскому государству”. Хаос пола так же бушует под покровом семьи, как он бушевал в крови средневековых отшельников» (*Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. С. 216*).

⁴⁴ 2 Кор. 6, 2.

⁴⁵ О восприятии времени в раннем христианстве см.: *Кульман О. Обозначения времени в Новом Завете / Пер. с нем., пред. и прим. диакона Евгения Абдуллаева // ВС. № 3 (LX). 2022. С. 71-79.*

⁴⁶ В католицизме существует несколько молитв о конечном сохранении (for final perseverance), созданных

различными святыми (Франциском Ассизским, Альфонсом Лигуори и др.)

⁴⁷ По всей видимости, Небесный Иерусалим, описанный в 21-й главе Откровения Иоанна Богослова.

⁴⁸ *Bigg Ch.* *Origins of Christianity.* – Oxford: Clarendon Press, 1909. P. 49.

⁴⁹ *Веселье Римского народа* (лат.). *Hilaritas* – богиня, олицетворяющая веселье и радость. На монетах со времени правления императора Адриана (117–138 гг. н.э.) изображалась в виде женской фигуры, часто окруженной детьми, с пальмовой ветвью и скипетром, рогом изобилия, чашей или якорем.

⁵⁰ Ин. 3, 2-18.

⁵¹ Источник этой цитаты обнаружить не удалось.

⁵² Уильямс исходит из господствовавшей во время написания его книги точки зрения, недооценившей иудейское миссионерство; в исследованиях, появившихся позднее, она была кардинально пересмотрена. (См.: *McKnight S.* *A Light Among the Gentiles: Jewish Missionary Activity in the Second Temple Period.* – Minneapolis: Fortress Press, 1991; *Feldman L.H.* *Jew and Gentile in the Ancient World: Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian.* – Princeton: Princeton University Press, 1993; *Goodman M.* *Mission and Conversion: Proselytizing in the Religious History of the Roman Empire.* – Oxford: Clarendon Press, 1994; *Левинская И.* *Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры.* – СПб.: Logos, 2000 и др.).

⁵³ Деян. 15, 29.

⁵⁴ 1938 год, когда писалась книга (Вторая Мировая война началась в следующем, 1939-м).

⁵⁵ В 96-м году Домициан казнил консула Тита Флавия Климента, которого некоторые историки считают христианином.

⁵⁶ *Игнатий Богоносец* (†107 или 112) – епископ Антиохийский, священномученик. Согласно его житию, для суда над ним был перевезен под конвоем из Антиохии в Рим; по пути встречался и беседовал со многими своими единоверцами.

⁵⁷ Источник этой цитаты обнаружить не удалось.

⁵⁸ Из сочинения Тертуллиана (155/165–220/240) «Апологетик» (IV, 4): «...Какое жестокое постановление вы делаете, говоря: вам не позволено быть. И это вы предписываете без всякого гуманного рассуждения; вы объявляете насилие и несправедливую тиранию, если утверждаете, что нам не дозволено быть потому, что так вам угодно, а не потому, что того требует долг» (Творения Кв. Септ. Флор. Тертуллиана. Часть 1. Пер. Н. Щеглова. – Киев: Тип. Акц. об-ва «Петр Барский, в Киеве». 1910. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/#source>).

⁵⁹ Перефразированная цитата из поэмы Уильяма Вордсворта «Прелюдия» (Prelude; 1805): «Я не считаю бесполезными те мимолетные настроения / Призрачного ликования: не потому, / Что они родственны нашему более чистому уму / И духовной жизни; но потому что душа, / Помня, как она чувствовала, а что чувствовала – / Не помня, сохраняла смутное чувство / Возможной высоты» (дословный перевод.).

⁶⁰ *James M.R.* *Preface // Apocryphal New Testament, being the Apocryphal Gospels, Acts, Epistles, and Apocalypses with other narratives and fragments, newly translated by M.R. James.* – Oxford: Clarendon Press, 1924. P. xviii. «Книга Мормона» («The Book of Mormon») – священная книга Движения святых последних дней, якобы содержащая древнейшие пророческие тексты. «Госпожа Эдди», Мэри Бейкер-Эдди (Baker Eddy; 1821–1910) – основательница религиозного движения «Христианская наука», автор книги о «духовном врачевании» «Наука и здоровье, с ключом к Священному Писанию» («Science and Health, With Key to The Scriptures»; 1875).

⁶¹ *Bigg Ch.* *Op. cit.* P. 135.

⁶² Имеется в виду эссе английского писателя Эдварда Моргана Форстера (Forster, 1879–1970) «Мой лес» («My wood», 1936).

⁶³ *Ириней Леонский* (130–202) – один из первых Отцов Церкви, богослов, апологет, епископ Лиона. В своем труде «Обличение и опровержение лжеименного знания» подверг сокрушительной критике учение гностиков.

⁶⁴ *От Марии Девы* (лат.); из Символа Веры.

⁶⁵ Источник этой цитаты обнаружить не удалось.

⁶⁶ Сокращенная и слегка измененная цитата из сообщения Иринея об учении Маркиона: «Иисус, посланный богом, который превыше творца этого мира, пришел в телесном облике в Иудею во времена правления Понтия Пилата, прокуратора Тиберия Цезаря...» (Irenaeus, *Adv. Haer.* 27, 2–3) (URL: <https://classics.nyu.edu/gnosis/gnosticism.htm#4.6>). *Маркион* (ок. 80 – ок. 160) – основатель гностической секты маркионитов (хотя, в отличие от других гностиков, провозглашал спасение верой, а не знанием).

⁶⁷ Мф. 1, 1-16; Лк. 3, 23-38.

⁶⁸ «39 статей» (*39 Articles of Religion*) – символ веры церкви Англии. Имеется в виду статья 6, в которой сказано, что «Под именем Священного Писания мы понимаем канонические книги Ветхого и Нового заветов, авторитет которых никогда не подвергался сомнению в Церкви».

О Святом Духе. О благодарности

О Святом Духе

...Жизнь, поработанная плотскими страстями, не приемлет благодати Духа, как больной глаз – света солнечных лучей.

Свт. Василий Великий (330–379)

Дух Святой непрестанно веет благоуханием приятнейшим, сладчайшим и неизъяснимым для языка человеческого. Но кто знает сию приятность Духа и Его сладость, кроме тех, которые удостоились того, чтоб Он вселился в них? Дух Святой вселяется в душах кающихся не иначе, как после многих трудов.

Антоний Великий (ок. 251–356)

...Не только имейте дух – но пламенейте духом.

Не одна вера нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать в себе Духа, данного однажды.

Свят. Иоанн Златоуст (347–407)

Кого Божественный Дух воспримет внутрь Себя, тех Он, как Бог, всецело воссоздает, возобновляет и чудным образом делает новою тварью. Как и каким образом? – Подобно тому, как огонь не перенимает от железа черноты, но сообщает ему всё, что сам имеет, так и Божественный Дух, совершенно не приобщаясь их нечистоты, как нетленный и бессмертный, сообщает им нетление и бессмертие.

Прп. Симеон Новый Богослов (949–1022)

Как тело душою, так душа Духом Святым оживляется.

Видишь, что когда огонь коснется ладана или какого другого благоуханного вещества, курится дым и восходит приятное благоухание, – так же бывает, когда сердца человеческого коснется благодать Святого Духа.

Свт. Тихон Задонский (1724–1783)

Дух Святой есть невещественный огонь, который действует двумя силами: светом и теплотой – светом веры и теплотой любви.

Свт. Филарет Московский (1782–1867)

Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным воздухом.

Естество, обновленное Святым Духом, управляется совершенно иными законами, нежели естество падшее...

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Как не простудиться на морозе? – быть внутренне согретым. Как не охладеть в мире? – обложить сердце теплотой благодати Духа Святого.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Дело одно в мире: любить Кроткого Духа Божия. Любить Христа, открывающего Отца... Блаженную сверхчисленность Божию.

Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской, 1896–1966)

«Ученики исполнялись радости и Духа Святого», – говорится в Деяниях о первохристианах (Деян. 13, 52), то есть о людях, которые должны были жить в ожидании изгнания, мучений и смерти.

И мы, отдавая себе во всем этом отчет, осознали, что не можем больше жить без этой радости Духа, готовящей наши сердца и на Голгофу, и на Воскресение.

Эта радость Духа – все та же – и вчера, и сегодня, и в атомный век, ибо она есть всё то же реальное причастие еще здесь, на земле, Божественной жизни и нетления.

Сергей Фудель (1900–1977)

О благодарности

Если на смерть осужден, и несправедно, благодари, что тебе за это венец преславный на небе уготован. Если праведно, благодари, что временной смертью от вечной смерти избавишься.

Свт. Василий Великий

Будем же благодарить Господа не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем, потому что Бог благодетельствует нам не только когда мы желаем того, но и когда не желаем.

При каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, что не случилось.

Свят. Иоанн Златоуст

...Насколько необходимо для нас дышать воздухом, настолько необходимо и благодарить Бога.

Прп. Симеон Новый Богослов

Насколько человек благодарит Бога <...>, настолько и Бог приближается к нему.

Сщмч. Петр Дамаскин (втор. пол. XII в.)

Пусть молчит тот, кто дал; пусть говорит тот, кто получил.

Мигель де Сервантес (1547–1616)

Нет на свете излишества прекраснее, чем излишек благодарности.

Жан де Лабрюйер (1645–1696)

Благодарность Богу за полученные от Него дары есть сосуд, в который благодать Божия полагает новые.

Свт. Филарет Московский

...Благодарю Господа <...> и за то, что дается, и за то, что не дается.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Что есть ложная благодарность Богу? Ложная благодарность – когда, получая от Бога щедрые, незаслуженные дары духовные и вещественные, языком благодарят за них Бога и употребляют только в свою пользу, не разделяя их с ближними...

Для чего нужно за все благодарить Бога и добрых благотворительных людей? Больше для нашей же пользы: чтобы нежнее, тоньше были чувства нашей души, чувство зависимости нашей во всем от Бога и от добрых людей, признательной к ним любви и чувство нашего ничтожества без Бога, чувство нашей немощи обойтись без помощи добрых людей.

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

Требовать благодарности – глупость; не быть благодарным – подлость.

Василий Ключевский (1841–1911)

Кто ест и ропщет, тот вкушает пищу, как навоз; кто не ропщет, но и не благодарит, для того пища ни то и ни се, а кто ест и благодарит, тот вкушает пищу, как мед.

Варсонофий Оптинский (Плиханков, 1845–1913)

Господь дает новый день жизни, новую возможность любить Его, угождать Ему, созидать храм свой, дает новую радость жизни. Он как бы снова творит мир Своей радостным этим днем. Надо каждодневно чувствовать это новое благодая-

ние Божие, это новое творение мира, возгревать в сердце своем благодарность и умиление. Когда на молитве утренней благодаришь Бога за этот день, данный Им, то с радостным удивлением смотришь на этот день, на эти небеса, на этот мир, опять тебе данный. И тогда невольно смотришь и на конец, когда по мановению десницы Божией отнимется от тебя мир сей и не будет уже новых дней, а только старые дни, в суете тобою загубленные, будут смотреться в зеркало души твоей.

Прот. Сергей Булгаков (1871–1944)

Все мы умеем просить; даже неверующие в крайние моменты прибегают к Богу, но благодарить мы не умеем. Благодарственная молитва – знак высоко поднявшейся души. Хорошо вспомнить Бога в несчастье; но не забыть Его в радости – знак души, утвердившейся в Боге. Молитва просительная может уживаться в сердце с нашим эгоизмом, гордостью, злобой; молитва благодарения не совместима с такими чувствами.

Иерей Александр Ельчанинов

Благодарить Бога сладко, но трудно видеть, что благодарность наша столь не эквивалентна Божией милости.

Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)

...Мы так мало чувствуем в себе благодарности... Нам нужно очень многого, чтобы у нас сердце дрогнуло, чтобы наворачнулись слезы на глаза, чтобы трепет пришел в нашу душу и чтобы мы сказали: Господи! Спасибо!.. А вместе с этим мы могли бы быть благодарны и изумлены каждый час и каждое мгновение нашей жизни. <...> Мы живы, у нас еще время есть ликовать, благодарить и в благодарность Богу – меняться; так меняться, чтобы когда-то Господь мог из каждого из нас сделать храм Троиединого Божества.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

Мир – как постоянно даруемый и постоянно принимаемый дар. Благодарность. Радость. И в этом смысле – сама жизнь как молитва.

...Молодость не знает о смерти, не знает она и жизни. Это знание тоже приходит «видевше свет вечерний...». <...> Молодость «живет», но не благодарит. А только тот, кто благодарит, знает жизнь.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.

Но пока мне рот не забили глиной,

из него раздаваться будет лишь благодарность.

Иосиф Бродский (1940–1996)

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Ребенок, послушав наказ мамы, что-то там делает, пыхтит, старается...
Понятно, что ничего путного у него не получится.

Но не на это мама нацелена, не на результат: если чего надо, так она сама делает.

А важно другое: что, раз ребенок пыхтит, то он маму любит, слушается и понимает, чего она от него хочет.

Любить Бога. Слушаться Его. И понимать Его.

Вот что важно.

А остальное – Его забота, не моя.

Тетенька беседует с внучкой лет примерно восьми.

– Ты уже не маленькая! К причастию надо готовиться! Батюшка тебя в прошлый раз за что отчитал?

– За то...

– Ну за что, за что?

– Сама знаешь!

– Да я-то знаю! Что я тебе говорила? Не вкушать! А ты печенье вкушала!

– Ничего я не вкушала! Просто съела, да и всё!..

Проснулся, скажем, человек утром – и весь он в этих снах, в их липучести, весь истомлен и взволнован содержащимися в этих снах тревогами, страхами, похотями, зудом неясных намеков и чаяний, запечён в них, как рыба в собственном сору, – весь «в себе», весь «там», и про Бога и не вспоминает, и про «здесь» тоже...

«Вы пишете, что ваше сердце часто преисполняется печалью о том, что внутренне вы совершенно немощны. Это есть благодать – ощущать себя такой как есть. Если Бог хочет, чтобы мы так чувствовали, то это должно быть любезно и нам;

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021; 1–4 (LIX–LXI), 2022. (Примечание ВС.)

через сие мы смиряемся и приобретаем способность к исхождению из себя самих. Никто не оставляет сам себя добровольно, как только тот, кто глубоко и опытно познал, что всякое освящение и спасение – только в Боге. Но при этом помните, что не нужно слишком “застрывать” на разглядывании себя. Бог да дарует мне, чтобы я в час смерти не смотрел на самого себя!» (Герхард Терстеген*, из письма).

Голова кружится от невыразимого, когда подумаешь: а ведь Господь льна курящегося не угашает и трости надломленной не доламывает**, Он ведь никогда ничего со мной не сделает хоть в малейшей степени *насильно* – если я сам не захочу... Если во мне есть хоть какое-то желание греха, блуда, насилия и проч. – ведь Он попускает (а Сам, поди, плачет смертельно...) мне действовать в сторону желаемого. Вот откуда войны и прочее зло в мире – от человека... Что же делать? где взять желание ко Христу – и как истребить в себе самом желание ко греху?! (вопящий вопрос, опять же, – самости моей, навыка «самому»...) Если бы Он Сам не утешал, и не сказал: «Невозможное человеку – возможно Богу»***, то впору отчаяться и веревку намывать... И *что* приходится в сердце своем переживать человеку, какие катастрофы и ад (хотя все эти переживания – болезнь не к смерти, но к жизни, а все равно ведь больно) – даже при внешне обыденной жизни – понявшему, почувствовавшему всё это: невозможность спасения, и самой жизни, и творчества в ней, без благодати Бога, и без жертвы Сына Божия.

Часто говорят: «Если есть такие ужасные вещи, как массовые убийства, газовые камеры и пр., значит, нет никакого Бога!».

Всегда внутри себя думаю (правда, не всегда говорю вслух, понимаю, что людям больно, тяжело, что могут не услышать, и пр.): вот интересно: убивают друг друга – люди, а нет почему-то – Бога.

Сегодня по отпуске с прихожанами говорили о том, что литургия, помимо прочего, прекрасна еще и своей бесполезностью, в обыденном смысле.

Столько сил, столько затрат на всякое, свечи-ладан-входы-выходы-пение-труды, а «что это дает»? осязаемый результат в деле спасения, чтоб пришел на литургию грешником, а вылетел на крыльях и светящийся, как собака баскервильская, и все это видели и восхищались? накормление голодных, обилие бесплатной еды? исцеление больных, наличие льготных лекарств в аптеках? обновление и обнуление растерзанной и засранной окружающей среды? установление мира и социальной справедливости для всех и на все вкусы? явное для всех воздаяние тем или иным злодеям? моментальное попадание всех помоечных котиков в добрые руки? восстание умерших, которых мы поминаем, из гробов? ну и так далее, и так далее?..

Нет, ничего такого не видать. А просто: «милость мира, жертва хваления». И Христос посреде нас. И это прекрасно.

* Герхард Терстеген (Tersteegen, 1697–1769) – немецкий протестантский мистик, проповедник и поэт. Главным в его богословии было учение о живом опыте присутствия Бога в душе (Gottes Gegenwart).

** Ис. 42, 3.

*** Лк. 18, 27.

Но и еще говорили, что да, литургия – великое дело. Но не окончательно главное. Регулярно служить литургию и причащаться – большое дело, но это еще не всё. Соединение верных друг с другом во Христе? Да, но какого качества соединения мы достигаем? Как относимся друг к другу? А?.. То-то. То, что я причастился и пошел домой, «пребывая в благодати», означает ли, что через пятнадцать минут я буду неспособен забить брата или сестру по приходу молитвословом по голове? Нет, не означает. Вот – над этим надо думать, искать ответов, готовых – нету.

Еще. Мое личное соединение со Христом в причастии Тела и Крови? Да. Но смотрите, вот я годами причащаюсь на литургии – а сердце мое какое было, такое и осталось. Значит, и литургия – не самоцель, но средство – но для чего? Для того, чтобы, укрепившись ею, после нее трудиться далее над тем, чтоб быть мне со Христом по-настоящему. Он-то ведь со мной не только на службе в храме – а везде и всюду, каждый день. Надо и мне искать его в моих буднях, это очень важно. Не менее важно, чем литургию отслужить. А то, бывает, и более. Тоже – архизадача.

И еще литургия, чтоб ближним, которые пока что далеки от Христа и спасения, служить, как заповедано: соединился с Ним – и понес Его этим людям. Что, они Христа во мне не видят? несомого мною им?.. Уж не выронил ли я Его по дороге? Тоже – думать, искать, делать что-то.

В таком, в общем, ключе говорили. Может, я ошибаюсь, но вообще похоже, что нет: никто из наших прихожан, слушавших сегодня в соборе такие мои размышления вслух, не нашел в них чего-то непонятного и не углядел какой-то там ереси. Я и сам не углядываю.

Бывают минуты чистой радости, просто обыкновенной, почти беспричинной, которая не может не захватить.

Например, сегодня после службы подошли ко мне двое. Они какое-то время ходили по храму, от иконы к иконе, и все поглядывали на меня, то из-за той, то из-за другой колонны или подсвечника, и я их заметил: примерно мама с примерно дочкой или примерно бабушка с примерно внучкой, в джинсах и заемных общественных платочках. И вот наконец, после серии перемещений по пространству храма, они таки ко мне приступили, и прямо издали уже было видно, как они счастливы, и оказались да, бабушкой с внучкой, и бабушка высоким гласом воскликнула:

– Батюшка!! Ведь это вы! Какое счастье!

– !!! – уветливо отозвался я.

– Ведь это вы крестили мою внучку! Вы ведь помните, какая она была маленькая!

Я не помнил – за долгие годы я покрестил немало внучек, но радость бабушки была такова, что не согласиться с нею было невозможно, радость стала передаваться и мне, и я сказал:

– Ну конечно! Вот такая! – и наугад показал пальцами сантиметров примерно двадцать.

Это привело бабушку в еще большее воодушевление, даже слезы выступили на глазах ее, и она воскликнула, еще более высшим гласом:

– Да! Да! Вот такая! А посмотрите, какая она стала большая!

Внучка, лет в диапазоне примерно 16-20, действительно, была в высоту достаточно протяженна.

– Вот мы вас и увидели! Какое счастье! – говорила бабушка, и я их благословил в дорогу, и бабушка лучилась этой совершенно беспримесной своей радостью, и я, заразившись от нее, радовался тоже уже совершенно... ну, не знаю насчет «незаслуженно»... «бесплатно» тоже как-то не подходит... словом, радовался, и радовалась и стеснительно стоящая поодаль внучка, угловато лучилась из-под повязанного по-аленушкински платочка.

Еще подумал: дело нашего спасения Христом и во Христе – дело чрезвычайно простое, понятное, но как-то не очень выразимое словами. «Богословие спасения» напоминает мне популярный мем: «Вместо тысячи слов – две тысячи слов!». Св. отцы прошлого (ну, примерно те, про которых был знаменитый клич: «Вперед к отцам!») долго и упорно копали косную почву слов, стараясь обнаружить и вырыть жемчужину, единую на потребу; современные богословы – уж простите, если что не так изрек – иногда напоминают мне копателей, ту же жемчужину той же кучей породы, наоборот, закапывающих.

Услышав, что в дыхательных путях у меня начинало сипеть, бабушка говорила осуждающе: «Уу, заскырчигал! (ударение на «а»). Завтра закафыкат...».

И принималась меня лечить.

Ничего уютнее на свете не бывало, чем эти полуболезни-полумрение в детстве... С книгами; с горячими напитками; с привкусом меда и алоэ; с любимым старым ватным стеганым одеялом, затертым до перехода зеленого цвета (из чего оно было? атлас?.. не помню) в стальновато-морской, эльфовой, а из прорех кое-где торчало ветхое, цвета сливочной манной каши, содержимое, а в других местах оно исчезающе истончалось, а в третьих – сбиралось в комки, каждый из комков был для меня существом, знакомым на особую ощупь; с упаданиями в сон/выныриваниями из сна; со звездой за покрытым льдистыми узорами темно-синим зимним окном...

По большей части, лимит уюта, отпущенный мне на земную жизнь, был мною выбран именно тогда. Не весь, но почти.

Невыносимость, неказистость жизни, страдания и предательская немощь внутри, мерзости, ужасы и несправедливости – снаружи, скорбь, туга, смертность... никчемность какая-то. В Царство это не войдет, конечно, там ничему нечистому нет места (да и кому оно надо, нечистое, что в Царстве, что здесь?..). Порой задумаешься про это – и руки опускаются совсем.

Но.

Крестом – всё это оправдано. (Не в смысле: обелено-разрешено, зло объявлено добром, нет). А – *оправдан* сам статус падшести и скорбей человека в мире. Вот это всё, мое, наше, ваше, – принято с уважением и всерьез, не отринуто безапелляционно, даже не выслушав (как меж нас, праведников разных лагерей и мастей, бывает...). Вот как будто фигну, осколок кирпича, вытащили из грязи, отчистили – и

вставили в царскую корону между бриллиантов, и осколку там, оказывается, самое место, его там и недоставало. Краеугольный камень, в общем, – который строители выбросили, а Христос в грязи нашел, подобрал, отмыл и к месту пристроил... крестом.

И нам пример дает, как нам-то относиться ко всему этому, что внутри и снаружи, к себе и к миру, – крестом.

Каких только удивительных вещей не вспомнишь, когда листаешь ленту и заглядываешь в некоторые посты!..

Вот в одном посте вспомнили про паркет, покрытый советским лаком, и отметили высокие качества такого покрытия. В комментариях кто-то подтверждал эти качества, кто-то, наоборот, развенчивал как миф, но все сошлись на одном несомненном факте: вонь паркетного лака – тот еще кошмар.

Не могу с этим не согласиться. По степени убойности испарения советского паркетного лака превосходит разве что хлорпикрин. В Википедии про него говорится: «Используется как компонент фумигантных смесей в сельском хозяйстве, а также в камерах газоокуривания для проверки герметичности изолирующих и фильтрующих противогазов». Такие шашки в армии называли «синеглазками». На марш-бросках, совершаемых в ОЗК или в противогазах, некоторые солдаты, чтоб облегчить себе дыхание, подсовывали что-нибудь под край противогаза, а командиры их ловили на этом, загоняли в палатку и бросали в нее хлорпикриновую шашку, вызывающую своим дымом кашель, раздирающие дыхательные пути, обильные слезы и сопли.

Итак, однажды (это начало 80-х, БАМ, ж.д. войска, срочная служба) поехали мы «на учения». Приехав в какой-то лес, приступили к выполнению поставленных задач, например я, будучи художником в клубе, вместе с личным составом этого клуба разбил клубную палатку и завалился, вслед за товарищами, поспать в кусты. Один из командиров, увидев нас, предающихся вопиюще неуставному занятию, не стал будить, а положил между нами шашку-«синеглазку», и проснулись мы в небольшом аду, слеза и стена, – а это было еще на открытой местности.

Другой хлорпикриновый случай был в жизни моего товарища, с которым мы в 90-е годы работали вместе. Он жил в хрущевке, на первом этаже, и рассказал, как избавился от одолевавших его тараканов. Их не брали никакие средства, и тогда знакомый привез ему из воинской части хлорпикриновую шашку. Товарищ установил ее в квартире, открыл окна и двери, активировал шашку и быстро покинул помещение вместе с семьей. Квартира стояла в таком виде сутки. Когда товарищ вернулся, тараканов и духу не было, а соседи его чуть не убили.

В завершение могу добавить: кто жил в те далекие времена, помнит, что был запах, который по убойности мог дать фору и хлорпикрину, это аромат индийского мыла «Махарани».

Иногда спорят, дескать, что для человека важнее, духовное или душевное.

(Такое впечатление, что спорят – «отбросить то! нет, то, оно мешает тому!..» – те, у кого хромают на все четыре ноги и то, и другое).

И то важно, и другое важно.

Духовное без душевного – человек страшнее беса.

Душевное без духовного – человек хуже животного.

Это я к чему. Вот сегодня – праздник родителей Иоанна Предтечи, Захарии и Елисаветы.

Праведные, старенькие, всю жизнь бездетные, и вдруг – чудо, из ряда вон: забеременела, сын родился!..

Чудо, конечно.

Но одним чудом, одним только вышеестественным действием Божьим, ничего бы не было, если бы у Захарии и Елисаветы не было человеческого: любви меж собой, душевности, верности, взаимной теплоты. Всё это тоже – а не только их «праведность» в смысле исполнения закона и богобоязненности – способствовало тому, что они приняли невероятный промысел Божий о них. Бог дает, но не насильно. Не было бы меж ними любви – не стал бы им давать ребенка, нашел бы другую подходящую пару.

Вот потому образ, где Захария и Елисавета обнялись, – самая точная и естественная икона праздника.

И когда я увидел Его, Я пал к Его ногам как мертвый, но Он положил на меня Свою правую руку и сказал: «Не бойся! Я — Первый и Последний, тот, кто живет. Я был мертв, но вот Я снова живу во веки веков, и у Меня ключи от смерти и ада».*

Для меня первыми по важности в Откровении всегда были эти слова: «Не бойся».

Святый апостоле Христов Иоанне! Помоги и мне не бояться.

Господи, как-нибудь и Ты Сам помоги мне, чтоб я был горяч, перестал быть «ни холоден, ни горяч», или, как поет группа «Громыко» в одной песне, «пожалей мое желе».

Когда умрешь, вот и будешь какое-то время пребывать среди привычных тебе людей, близких и неблизких, смотреть и слушать, как они теперь без тебя, что про тебя говорят.. Небось захочешь, и чтоб хорошим словом помянули, а не только пересудами, в которых всё не так и не то, всё *мимо* тебя, потому что о выдуманном тебе, а оправдаться, объяснить – уже не сможешь, и как всё это тяжело, нудно, мучительно, лучше бы уж сразу рррраз – и лететь дальше, подальше от всего, от земного, но увы.

Ночью отчетливо почувствовал это состояние умершего. Весьма оно не айс, надо сказать.

И мучительно и ясно подумалось в тот ночной час: избитые слова «о мертвых либо хорошо, либо ничего» – применимы ко всем людям, еще живущим, уже перешедшим за грань смерти, ко всем. О самом ужасном человеке – уж лучше останови его, если сможешь, если видишь в нем зло, или, если не можешь, молись Богу о себе и о нем, но не изливай свое бессилие в желчи, злословии, осуждении, сплет-

* Откр. 1, 17.

нях и тому подобном. Лучше тебе от этого не станет, и тот – не изменится. Лучше промолчи.

Из приватной переписки в ФБ:

«Немалое число всяких токсичных товарищей я отправлял в бан, каюсь... Но с некоторых пор стараюсь воздерживаться от баненья, говоря себе: ведь тут как в жизни, выходя просто на улицу, ты же не убиваешь всех, кто тебе не мимими?.. Конечно, уязвимое соображение, но все же. Так что баню только тех, кто переходит всякую меру, хамя в комментариях моим товарищам (увы, бывают и такие)».

Вспомнил по случаю, что всегда как-то нравилось мне слово «хамка», такое интеллигентно-плебейское.

В ангарском детстве моем у нас содержалось всегда в ограде немало собак, потому что отчим был охотник. Мы с собаками приятельствовали. Одну собачку, небольшую, черненькую сучку, хвост колечком, не помню как звали, а я звал ее «Хамка», потому что, когда я выносил ей еды, она ела ее с аппетитом, быстро и широко разевая и закрывая рот, с таким именно суховатым звуком: «хам-хам-хам»; помню, собачка считалась хорошей охотницей на соболей.

Думали тут о книге. Что через нее как бы в трудную минуту автор протягивает мне, читателю, руку, через годы-через расстоянья. Как бы – духовным телом своим меня касается.

И вот пишет этак-то человек книгу, сеет в нее, так сказать, свое тело душевное. Стараются, бормочет про себя с упованием: «Восстает тело духовное»...

А ведь посеять – смотря какое еще зерно, всякий ли пишущий внятно знает это о себе... Да и посеять – мало. Надо поливать, удобрять, пасынковать, от ветров и заморозков, и засухи и птиц, которые «позобаша е», охранять, ночей не спать.

А что в итоге вырастет, если вырастет?.. Кто исповесть. Наша земная жизнь – вообще зона рискованного земледелия.

Почитаешь Вайгеля* – и как будто он твое заросшее коростами нутро, сердце и совесть, продирает/протирает наждаком и растворителем.

А почитаешь после него Арндта** – и как будто утешение на ободранное место:

«Христос всегда пребывает Христом и Спасителем, независимо от того, слабою или сильною верою мы объемлем Его. Слабая вера имеет такую же часть во Христе, как и сильная; ибо каждый, слаб ли он, силен ли в вере, усвоит себе Христа всецело» (Иоганн Арндт, «Об истинном христианстве»).

«...Если ты обнаруживаешь в себе борьбу духа с плотью и, по сказанному св. Павлом, делаешь то, чего не хочешь (ср.: Рим. 7, 10), пусть это случается даже и часто, – то это знак именно верующего сердца, показывающий, что вера и дух в тебе борются с плотью. <...> И пока человек борется с грехом и не соглашается на

* Валентин Вайгель (Weigel, 1533–1588) – немецкий протестантский богослов, мистик и философ.

** Иоганн Арндт (Arndt, 1555–1621) – немецкий лютеранский богослов и религиозный писатель.

него, до тех пор грех не вменяется ему...» (Иоганн Арндт, «Об истинном христианстве»)

Читаю это – и, как всегда было, лихорадочно примеряю на себя: а я? где я, таков ли?..

С одной стороны, как не примерять, для того и пишется, чтоб читать и думать о своем состоянии.

С другой стороны, в таком прикидывании, в паничности особенно его, омерзительно видна мне самому моя самость и лицемерие: тут не «до Христа», а – «как выгляжу»...

Но, думаю, и эту омерзительность можно все же обратить в крест – если принять ее и себя самого с покаянием и смирением. Это почти невыносимо; но часто сразу же – и какое-то облегчение от Бога, потому что Он «сожалеет о бедствии» и не хочет мучить и мстить.

Мережковский в «Иисусе Неизвестном» пишет о том, что Евангелие от Луки – «наиболее “книга” из трех синоптиков»^{*}.

И еще о том, что из всех синоптиков Лука наипаче – о милости и жалости к падшим и отверженным («*mundus per gratiam aedificabitur*»^{**}).

И даже к таким падшим, которых мы с тобой вряд ли разбежались бы пожалеть: «А хозяин похвалил мошенника управляющего за то, что он сообразил, как поступить. Ведь люди этого мира куда сообразительнее в делах с себе подобными, чем сыны света».

Возвращаясь к вопросу о том, создавал ли Бог людей, чтоб восполнить ими число отпавших ангелов.

«Творение – это свободный акт, – пишет Владимир Лосский. – Для Божественного существа оно не обусловлено никакой “внутренней необходимостью”... Бог потому Творец, что пожелал им быть»^{***}.

Творение – именно свободное дело. Бог абсолютно свободен, и нет никакого «закона», никакого «числа», которое бы над Ним властвовало, чтоб его «восполнить».

Да и просто забавно: отпали – ангелы, а создавать им на замену – людей... «– Шеф, всё пропало! Из заповедника сбежало пять ёжиков, сотвори же им на замену, что ли, хоть пять гупий в аквариуме! – Ой, ахти, беда-то какая!.. Надо срочно сотворить, а то, не ровен час, ревизия! Как посчитают поголовье...» Творец в таком ракурсе выглядит как нерадивый какой-нибудь завхоз из сатирического журнала «Фитиль».

Еще момент – о том, когда людей сравнивают с ангелами, типа «младенец не-

^{*} «Иисус Неизвестный» (1932–1934) – книга Дмитрия Мережковского (1865–1941). *Синоптики*, или синоптические Евангелия, – три первые книги Нового Завета (Евангелия от Матфея, Марка и Луки), во многом совпадающие друг с другом, в отличие от четвертого, Евангелия от Иоанна, которое отличается от них как по стилю, так и по содержанию.

^{**} *Мир на милости созиждется* (лат.) Фраза из неустановленного апокрифического евангелия, приводимая Мережковским с комментарием: «Этот чудно-подлинный аграфон – как будто прямо из Луки – из уст Господних».

^{***} Из посмертно изданного труда православного богослова и историка Церкви Владимира Лосского (1903 – 1958) «Догматическое богословие» (1964).

винный умер и стал ангелом на небе», «мученики после смерти становятся ангелами», и проч. Конечно, по-человечески такой умилительный троп понятен; кротость, чистота, верность Богу – ангельские свойства, и человек вполне может их обрести, – но ангелом он все-таки от этого не становится, а продолжает быть человеком. «Все в своем чину станут – где обрящуся аз?..»; ангел не станет человеком, человек – бесом, кот – жирафом; пребывание в том чине, каким кого Бог сотворил – мню, не только онтологическое свойство, но и одна из черт высшего послушания твари Творцу..

Человек – несводим ни к чему. Ни ко греху (та самая потерянная овца, о нахождении которой, по слову Христа, радости на небесах больше, чем о 99 благополучных).

Несводим и к добродетели, одной какой-то или набору, или к таланту, – он не ФУНКЦИЯ по производству добродетелей, Богу-Отцу нужен он сам, а не его отдельно взятые «добродетели», равно же – и таланты... Стихи поэта – нужны Богу только вместе с ним самим.

Дом инвалидов, как всегда по понедельникам, третий корпус, самый тяжелый, в основном лежащий.

За двадцать лет, кажется, состав насельников сильно поменялся, да и как не измениться, – болеют, умирают..

Но нет, не только во времени дело; вон, некоторые «наши», старожилы, хотя и лежащие, – живы: Надя, Олег, слепой дядя Яков, и даже на вид не изменились. Просто теперь он не «дом инвалидов», а психоневрологический интернат, другой уже контингент, сами понимаете. Более детский.

Старички и старушки есть, совершенно впавшие в себя. Вот один старичок – весь иссох, скрючился под простыней, но видит меня – глаза сияют. Перекрестил его, дал немного святой воды. Радостно улыбается, лапками – в мои пальца три толщиной каждая – мягко ловит меня за ладонь. Многие здесь по привычке любят здороваться за руку, нравится им так. Но нет, этот – не здороваться: поймал мою руку и тащит в беззубый рот, пожевать. Есть такие, в младенческих рефлексах, всё что-то жуют: край простыни, веревочку какую-нибудь, до чего дотянутся. Умилительный старичок, «что старый, что малый» и прочие мысли, ну и какие у меня в этот момент эмоции – тоже представляете.

Иду по коридору, и внимание цепляется за таблички на дверях палат – бумажные листки, где напечатаны фио жильцов, иногда особенности диагноза, даты рождения. Читаю эти даты. И умиление проходит, сменяется чем-то другим... не знаю, чем-то более настоящим.

«Старички!» Подавляюще большая часть, практически все здесь – ненамного старше меня. Или – моего возраста. Или младше.

Санитарка на одном из этажей говорит: «Давно вы у нас не окропляли. У нас тут фантомы ходят, страшно...». Да, давно. На Крещение надо прийти, обойти с агиасмой все корпуса. А пока – читаю молитву, кроплю святой водой из бутылки по коридору, по палатам. Фантомы, старички, лежащие, ходячие, обслуживаемые,

служащие, – кто из нас здоров, кто болен, кто и в чем фантом, кто и в чем еще человек, – постоянно, каждый день, надо себя проверять, надо тыкать себя пальцем (поленишься – жизнь потычет, а она тычет не разбирая, не осторожничая, нет, лучше уж сам, лучше сам), разумеется, то и дело попадаешь в самое болочное, в голое мясо, в еле начинающие насыхать корочки, а что делать.

Смешно видеть, как некоторые нынче увлеченно схватились за Терстегена, полагая, что это дескать альтернатива привычному православию, и ища в Терстегене и Арндте удобных рецептов для улучшения себя и своего некоего христианского хюгге (как и, например, в Льюисе – сказок про волшебного льва, поглощаемых под пледом с чашкой чая, в о. Александре Мене – сплошной вольницы, а во вл. Антонии Сурожском – белёвского мармелада под маркой милосердия). Нет, ничего такого христианство не предлагает, только «вставайте, идем отсюда», только «отдай кровь и прими Дух», с Фавора на Голгофу за Христом, только битва насмерть между ветхим и новым человеком-во-мне, только служение и самоотвержение, только заповеди Царства, только хардкор.

(Читая очередную статью с откровением на тему «как я ушел из церкви, потому что оказалось, что от попов, поста, молитвы и исполнения всего церковного – одни невроты»).

О примитивности образных сравнений.

Например, твоя молитва о усопшем – это безусловное, тайное, теплое сокровище, словно ты собираешь ему посылку: вот его любимая трубка, вот пакетик табаку, вот долго, кропотливо вязанные бабушкой носки, вот запах этих домашних вещей, запах любви и надежды; для чего же, спрашиваешь, тогда всё остальное, организованное, уставное: идти в храм, писать записку, ставить свечку, стоять панихиду и всё такое, разве нельзя без этого? Может, и можно, – только это как почта: без картонной коробки, без написанного адреса, без марок, без почтальона, – может, дойдет, а может, потеряется...

О чем я? А, да, – о примитивности, уязвимости всех этих образных сравнений; ни в коем случае их, даже самые вдохновенные, нельзя путать с теологуменами; но и без них обойтись – никак нельзя, невозможно.

О стихах. Темы и реалии войны и смерти – такая приправа, которая всегда делала любой заваренный кипятком доширак шедевром ресторанной кулинарии.

Песня была такая: «Вечно молодым, вечно пьяным»... Бродский как поэт и оставался таким всегда, – как тот, кто вечен, потому что во время младости и пьянки не потерял, в отличие от многих сидящих за поэтическим столом, ни способности думать, ни попросту человеческого облика. «Как тот, кто высидел за столом», мог бы написать некий любитель чеканных фраз, путающий оные с метафорами. К слову, примерно то же писал о Бродском Наум Коржавин*, – но я, в отличие от Коржавина, не осуждаю, просто констатирую факты.

* Наум Коржавин (1925–2017) – поэт.

Это стихотворение, каким я его чувствую и разумею, – не о покаянии в его христианском понимании, не о том еще, что называется «тшува», но о первом шаге к покаянию, очень важном: принятии себя таким как есть и своей жизни. «Господи, да, это я» – отсюда дорога и к метанойе, и к непохулению своей жизни (и людей, и мира), к благодарности за всё, за каждый день, каков бы он ни был, такой благодарности, в которой дешевые сопельки высушены, выжжены зноем реальности.

Александр Пушкин, «Воспоминание»

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

...Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем (из Послания к Коринфянам).

Как хочется тут же согласиться с Павлом, бодро и легко присоединиться к этому «мы»!.. Но смотришь в зеркало (в Зеркало) – и язык немеет. «Свет мой, Зеркальце, скажи»... Но Ты молчишь: бережешь меня от всего груза правды обо мне, чтобы этот груз не свалился на меня весь и сразу и не раздавил на месте.

Где-то читал мнение, будто вдохновляться идущим снегом и писать про него стихи – признак поколения бумеров, старперов и мертвой белой цивилизации. Наверное, это правда; ну и что.

Вчера снег в Минусинске наконец-то пошел и шел весь день, и это не могло не радовать. Ближайший доступный снег в нашей квартире – на крыше под окном. Я открыл окно, набрал снегу, слепил снежок, внес его внутрь и положил перед кошкой; она потрясенно нюхала снежок и потрогивала его лапой, – вероятно, испытала стресс, это было видно по выражению ее лица, по расширившимся зрачкам: ярко и мощно нахлынули на нее детские травмы и воспоминания о ее социальном происхождении, об улице, на которой ее некогда нашел Савва.

Из ирландского монашеского Устава святого Аилбе:

«Монах, который кроток и мягок, противен самому сатане».

«Противен». Вот оно как.

Даже не «воюет» против такого монаха сатана, вслед же за князем мира – и сам мир, лежащий во зле, а – гнушается им. Не вменяет ни во что.

Если доживу, которая-нибудь книжка стихов хотелось бы, чтобы называлась: «Послушание ничтожных».

Может, новый год – это всё тот же старый, как мамин сослуживец, прежде чем позвонить в дверь, на лестничной площадке торопливо натягивает на себя халат в блестящих и маску с шапкой и бородой?.. Ну, даже если дети догадываются об этом, то все равно простят: в конце концов, может быть, он звонит в дверь с добрыми намерениями и окажется не таким уж скучным дядькой, и, главное, не без подарков.

История немножко святочная.

За несколько дней до Нового года, в самые морозы, пришла к нам во двор воскресной школы кошка пепелесая. Угнездилась она на крышке септика, где тепло и где всегда сидят голуби, и сидела весь день. Голуби были фразированы, но активно протестовать не смели и прохаживались близ, соблюдая лицо и имея вид независимый.

Кошку взяла к себе в прачечную завхоз нашей школы Тамара Игоревна (которая кормит и голубей). А неумные школьные волонтеры отвезли кошку к ветеринару, всячески ее излечили, потом отдали в приют «Кошачий дом», и у ней уже нашлись хозяева.

Кстати, как звать кошку пепелесую, не вею, – на вопрос, как кошку назвали, Тамара Игоревна робко отвечала: «Да она некрещеная».

Сколь многих разметало по свету...

По шару.

Но какой же он хрупкий и небольшой, вообще-то, этот шар, и уязвимый. Как шарик на елке.

Постоянно в уме всплывают строки стихотворения Линор Горалик:

А снег все идет, падает,
идет, падает.

И мы в нем идем и падаем,
идем и падаем.

А шар все встряхивают и встряхивают,
встряхивают и встряхивают.

Как там сказано: у Бога один день – как тысяча лет.

Но ведь и у человека так же.

По внутреннему если циферблату.

(Стрелки то ползут, то бегут, то начинают обратный отсчет, то стоят на месте...).

Под стихом о крещенской воде читатели делятся своими размышлениями, в частности, о том, куда же в самом деле девать старую крещенскую воду.

Понравился такой комментарий: «Я ставила испаряться в открытой банке, получался святой пар!»

В разговоре коснулись важного: всякое, что было у человека в жизни, даже негативное, тяжелое, – тоже часть его личности, его самого.

Черты того неповторимого в тебе, по чему тебя могут опознать.

«Опознать» – нет, не как в морге (Тот, Кто хочет опознать, и так все знает...).

А – чтобы позвать по имени, конкретно тебя.

Тот, Кто зовет – любит, ищет.

Не перестает искать тебя.

В это я верю.

Мама, Светлана Тихоновна, в палате интенсивной терапии, перевели из реанимации. В сознание давно уж не приходит. Ну как «в сознание»: часто этим выражением говорят, что вот мол, меня не слышат, не реагируют, как я бы ожидал... Неточные слова, самость, глухота. На самом деле сознание мамы, ее личность – вот они, я же вижу. И та же сталь, тот же гранит характера... Человек не «таинственен», он достаточно прост, но он глубок и велик. Ох, как велик.

Господи, воистину, человек – тот камень, который Ты создал, но поднять не можешь.

Может быть, смерть – такие роды. Мучается человек, рождает душу свою наружу.

В Богучанах топят дровами, не углем, как в Минусинске. И снег чистый, и небо видно. И звезды. Вышел в 4 утра – немного подморозило, -20 на градуснике. Задрал голову: привет, старые друзья детства! Большая Медведица – вот она, прямо над домом, как вторая крыша.

День похорон. Отпевание. Тихо очень, тепло, всего -17, снег лежит. Восковые свечки сгорают без треска, деликатно. Попрощаться пришло не очень много, человек 50, по большей части это те из местных врачей, медсестер и нянечек больницы, кто помнит ее. Местное нецерковное общество, к молитве и священнику относятся уважительно, молча, не особо заинтересованно, как бы пережидая, да и ладно, хорошо. Когда шел пешком за грузовичком, везущим гроб, – недолго, с полкилометра, – дым из кадила смешивался с выхлопным из трубы. Видели синиц, снегиря, сороку. Могила рядом с бабой Фаей, мамой мамы, умершей в 1991 году, и тоже в 81 год, и тоже в это примерно время года. Дорожка в снегу к солнцу меж берез, искристая, исполненная света и торжествующей кротости (бывает такая?), дорожка совсем в другой стороне, не там, куда смотрели все. Слава Богу за всё.

Еду назад, в Минусинск, почти двое суток, на двух поездах с пересадками. От

Богучан до Минусинска – 1000 км. Пространств много, людей на них мало, – тайна пресловутой широты и безмерности местной души.

И, помнится, наиболее понятное и точное (для меня) определение верлибра я находил, опять-таки, у Гаспарова; вот, нашел цитату, – это из его примечаний переводчика к изданию «Неистового Роланда» Ариосто в «Лит. памятниках»:

«Верлибр не бесформен, а предельно оформлен: в нем каждое слово на счету. Это идеальный аккомпанемент, откликающийся на каждый оттенок смысла».

Разве не к верлибру более всего относится знаменитое «лучшие слова в лучшем порядке»? Однажды мне возражали, что этот «лучший порядок» – это такой «орднунг», который де убивает в стихах «красивое»; на что мне хватило, помню, ума ответить, что красота красоте рознь и, может, верлибр что-то и убивает, но – красоту, а не красоту, а красоту стиха, наоборот, создает, и вполне настоящую, особенную.

Смотришь на усопшего – видишь покой.

«Душа покинула».

Покой странный, остро щемящий, и свой – и чужой для живой суетливой земной жизни...

И видишь, и понимаешь, что это – покой постепенного остывания, исключенной электроплитки; что тело – только одежда...

Но и – что не только одежда.

Что точна, прекрасна и таинственна рифма: «тело» – «пело».

Пришед в христианский град, старец восхотел войти в храм Божий, чтобы помолиться, однако остановился, увидев у паперти унылого беса, грызущего ногти свои. Восприяв щит веры и броню надежды, старец заклил беса крестным знаменем и повелел поведать, кто бес таков и откуда он. На что бес отвечал, что он, точно, бес уныния и печали яже не по Бозе, обретается в православных лекториях, воскресных школах, постах православных соцсетей, бородах церковных витий и тому подобных местах, а зарождается из фанфиков и психологических этюдов, в кои по временам верующие превращают прочитанные в Евангелии притчи Христовы.

Вымирают понемногу ангарские наши богучанские деревни, бывшие когда-то добытчиками сосны для всей страны... Бедоба, Беляки (ударения – на втором слоге), Иркинеево, и еще другие... В Беляках – оттуда родом мой отчим, Демид Александрович, – нету уж ни школы, ни почты, живут там еще человек десять, и те, когда отрубят от деревни электричество, разбредутся кто куда.

В новостях прочитал, что наш Красноярский край – на третьем месте в рейтинге по убыли населения среди регионов России.

Нравилось мне всегда название русской народной сказки: «Заяц-хвоста». Вспомнив также про две исконные народные духовные скрепы, думаю, что их два брата должно быть: заяц-хвоста и заяц-прибедняста.

В НАРНИИ ЗИМА

В Минусинске холодно и давяще серо: который день – режим «черного неба», смог и сажа, солнца не видно...

Глядя в окно, думаю примерно такое:

Нарний ведь – много.

Вполне возможно, что в какой-то из них всё складывается не так хорошо, как описано Льюисом.

Возможно – увы – что в одной из Нарний несчастная Бобриха оказалась права: Белая Колдунья добралась таки до ее швейной машинки, стала вертеть ручку и сломала.

Возможно и то, что не всех каменных фигур, заколдованных Белой Колдуньей, удалось оживить, и многие так и погибли...

Но возможно, что других многих-то – всё-таки удалось, и они живы.

Потому что в любой из Нарний – жив Аслан.

Часто на старинных иконах царь и священник Бога Вышняго Мелхиседек кажется хмурым, насупленным. Типа, ужо вам, безобразники!..

На самом же деле Мелкицедек, *Мелех Ир Шалем* (царь города Салима) – добрый и радушный.

Всех верующих, как нарисовано на иконе, он встречает «пирожками» (вином и хлебом, так-то).

А что он как бы укрылся весь в бровях и усах и браде, как древний дед, – так это, вероятно, такое *Эстер Паним* – Соккрытие Лица. И верующие, типа Авраама, это понимают и не боятся, и радостно потирают руки, беря у него румяный пирожок, ну в смысле хлеб.

Хлеб Жизни.

Христианство и искусственный интеллект

Итак, поздравляем. Волна, вызванная развитием нейросетей, докатилась и до Христианства. Благо Христианство само по себе неоднородно, поэтому и возможности и желание принять новые технологии у разных христианских конфессий неодинаковы.

Недавно прошло сообщение, что в одной из протестантских общин в Германии искусственный интеллект (ИИ) составил проповедь, а сгенерированный нейросетью образ в виде чернокожего пастора эту проповедь озвучил. Этот факт можно назвать и вызовом христианскому сообществу, и точкой отсчета новой эпохи в жизни общества и Церкви. Мы уже не сможем уйти от присутствия ИИ как данности.

Попробуем понять, какие последствия ждут нас при ползучем проникновении ИИ в жизнь христианского сообщества – в положительном и отрицательном ключе.

«...Говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя...»

В богослужебном уставе Православной Церкви Священное Писание занимает центральное место, поскольку является главной составляющей учительского служения. В течение года большая часть Нового Завета и значительная часть Ветхого зачитывается на богослужениях. Но, несмотря на святость всех текстов Библии, Устав Церкви не вводит в службу для поучения верующих Откровение Иоанна Богослова, или по-гречески – Апокалипсис. Почему?

Апокалипсис имеет исключительно пророческую направленность, где все видения о будущем поданы предельно иносказательно и не слишком доступно для понимания «плотским умом». Несмотря на то, что толковать Откровение брались даже люди, признанные Церковью святыми, все без исключения его толкования были признаны Церковью неудачными. По известным только Богу путям Его Промысла, Дух Святой не дает нам понять значение виденного и слышанного Иоанном Богословом на острове Патмос.

Поэтому мне хотелось бы использовать небольшой фрагмент Откровения апостола Иоанна не для толкования, а в качестве некоей побуждающей идеи или тезиса для приводимых ниже размышлений.

Есть в Апокалипсисе фрагменты, которые могут нам дать представление, как будет происходить наступление сил злобы *поднебесной* (Еф. 6, 12), в том числе, на мой взгляд, с намеком на технологии, основы которых внедряются сегодня.

...И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив.

И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть (Откр. 13, 11-18).

В этом устрашающем описании вселенской трагедии отступления людей от истинного Бога очень мало что можно соотнести с привычными нам образами и понятиями. Но крайне важно, на мой взгляд, упоминание о создании некоего «образа зверя» (ἡ εἰκὼν τοῦ θηρίου), в которого вкладывается дух – некое подобие жизни, рассудка и злой воли. Под *образом* мы подразумеваем изображение или отображение оригинала. В привычной жизни образ недвижим и бездейственен. Но в свете появления новых технологий в процессе развития так называемых нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ) мы видим, как различные образы перестают быть статичными и обретают подобие разума и самостоятельности...

Разумен ли ИИ?

Никоим образом. Известный специалист по человеческому мозгу, палеоневролог, доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией развития нервной системы НИИ Морфологии человека РАМН Сергей Савельев напрочь отвергает возможность создания искусственного интеллекта в силу того, что существующие программные и аппаратные модели не могут реализовать взаимодействие нейронов в головном мозге.

Дело в том, что мыслительный процесс в органике не ограничивается только передачей электрических сигналов. В работе участвуют постоянно соединяющиеся и разъединяющиеся особые места контакта нейронов между собой, называемые

синапсами. Через синапсы, в свою очередь, передается не только электрический, но и химический сигнал. Существующие алгоритмические модели нейронов и межнейронных связей пытаются имитировать только прохождение электрического импульса. По словам Савельева, чтобы учесть синаптические связи в программно-аппаратной реализации работы нейронов, помимо обмена электрическими импульсами в микросхемах нужно будет еще и с большой скоростью разъединять ножки микросхем памяти и обработки сигнала и соединять их с другими такими микросхемами. Добавим к этому, что к ножкам этих микросхем нужно приделать трубочки, передающие и принимающие с большой скоростью молекулы химических соединений, которые тоже с большой скоростью должны тут же синтезироваться. Тогда можно будет говорить, что какое-то жалкое подобие работы нейронов мозга худо-бедно смоделировано.

Я сам в ранней молодости занимался программированием так называемого «низкого уровня», где каждый шаг машины должен был описываться математически. И могу только подтвердить: запредельно сложно хотя бы частично математически описать работу только одного нейрона.

При этом, с христианской точки зрения, основные мыслительные процессы проходят в нематериальной части человеческой природы – в душе. А мозг, предположительно, связывает материальное тело с нематериальным духом, с соответствующей обработкой поступившей информации. Но можно и не вносить дополнительного хаоса в работу не железного мозга бедных программистов и электронщиков. Пусть хотя бы разберутся с материальной составляющей нашего разума.

Если уходить от специальной терминологии, переводя с научного на русский, программисты, заявляя, что они моделируют работу нейронов мозга, занимаются обманом (или самообманом). То, что выдается за электронный интеллект, на самом деле является большим калькулятором, с огромной скоростью перебирающим варианты из множества имеющихся, чтобы выдать подходящий результат. Тогда как человеческий разум может и не иметь никаких вариантов, но создает свой, уникальный. В этом и заключается особенность настоящего разума.

При существующих возможностях техники и на современном этапе развития программирования создать хоть какое-то подобие настоящего разума, с самоощущением собственной личности, невозможно. Можно только имитировать деятельность разума через перебор вариантов. И чем больше вариантов уже готовой творческой работы человека будет заложено в память машины, тем более похожим на разум человека будет результат. Но, увы, не будет самого творчества, порождающего уникальные вещи: вне логики, вне принятых правил, вне установившегося порядка. Именно это является главным критерием проявления личности.

По этой же причине проповедь нейросетевого «пастора» в Германии большинство людей оценило как неживую, бездушную, лишенную человеческого тепла.

Мне посчастливилось завести аккаунт в знаменитом чате GPT-3 лаборатории AI. Проводил я эксперименты с генерацией текста. Результатом был более чем разочарован. Любой текст был связным, логичным, но больше похожим на набор штампов с какого-нибудь официального собрания, где мухи дохнут от скуки. Соз-

датели чата уверяли, что можно ИИ обучить нужной риторике и особенностям авторского стиля. Но у меня ничего не получилось. Поговаривают, что более успешен в этом отношении платный чат GPT-4. Ужасаются потенциальным возможностям разрабатываемой пятой версии. Но тут все упирается в объемы информации и тренированных навыков, вкачанных в память новых версий. И что-то подсказывает, что человечности в этих текстах будет не больше, чем в первых моделях ИИ...

Чем же это грозит?

Проникновение нейросетей в церковную жизнь несет ряд последствий, не самым положительным образом могущих повлиять на привычный церковный уклад. Поэтому назовем их угрозами.

1. Первая и уже продемонстрированная миру угроза – переложение учительных и проповеднических обязанностей на ИИ. Современная идейная подача главной задачи священнического служения в Русской Православной Церкви представлена как совершение Таинств. Тогда как от начала существования Церкви епископам и пресвитерам главной задачей вменялось учение паствы – служение словом и назиданием. А совершение Таинств понималось как попутная задача служения, но не главная: *Достоин начальствующие пресвитеры должны быть почитаемы вдвойне, особенно те, которые трудятся в слове и учении* (1 Тим. 5,17).

Со временем именно в нашей поместной Церкви проповеди стали уделять недопустимо малое место. И это положение вещей сохраняется до сих пор, поддерживаемое многими представителями иерархии и духовенства.

Для нашего сознания недопустимо совершение Евхаристии роботом. Но в плане проповеди многие священнослужители, не желающие трудиться над подготовкой проповеди, с удовольствием переложат создание ее на ИИ, чтобы потом этот текст «зачитать» перед паствой с чувством исполненного долга. И здесь всем очевидно, что такие проповеди, без вкладывания живой душевности, будут выхолощенными, однообразными, имеющими в итоге скорее обратный эффект.

2. Еще одна угроза, которая вполне может быть реализована уже сегодня, – исчезновение церковных хоров с живыми вокалистами. Ссылаясь на бедность прихода, настоятели будут использовать для генерации хорового исполнения в храме дешевые или бесплатные услуги от музыкальных нейросетей. Причем звучать ИИ-хор будет всегда идеально. Кто-то поначалу будет сопротивляться, а потом со временем привыкнут.

Уже сегодня замена всеобщего пения прихожанами профессиональными хорами привела к вытеснению мирян из деятельного участия в богослужении. Хотя в древности жесткая интеграция в богослужebное действие было главным условием присутствия прихожан в молельных комнатах и храмах. Сегодня миряне находятся в положении потребителей. Хоры очень условно представляют мирской чин в Церкви. А если будет петь ИИ, к чему все это приведет?..

Церковное хоровое искусство с живым исполнением может со временем исчезнуть вообще. Сейчас пока на храмовые громкоговорители подается колокольный звон. Дальше – больше...

3. Та же ссылка на бедность вполне может вынудить настоятелей заменить чтецов нейросетями. Причем выгода от этого будет более чем наглядной. Темп, артикуляция, тональность электронного чтеца будет гораздо богаче и выразительнее, чем у косноязычного «кожаного мешка». Может, только инерция сознания будет до поры до времени удерживать руководителей приходов от этого шага. Но материальный интерес постепенно возьмет верх.

4. Нейросети, которые возьмут на себя решение многих вопросов, постепенно будут отучать новые поколения нести ответственность за многие аспекты своей жизни и жизни близких людей. Это вполне может коснуться и жизни духовной. Предельная рациональность и просчитанность электронных советов будет смотреться ярче и эффективнее, чем пастырская работа живого человека, с его немощами и ошибками. Здесь вообще все малопредсказуемо: от варианта полной замены духовнического общения на электронного советчика до отказа от общения верующих с ИИ как выразителем вселенского зла.

5. Велик соблазн использования нейросетей в оценке человека через наблюдение за физиогномикой, языковое общение и анализ языка тела. Под предлогом лучшего понимания пасомого священник может установить систему анализа и наблюдения за прихожанами. И прихожане могут не остаться в долгу, подвергая пастыря постоянному ИИ-сканированию.

Различные гаджеты в карманах, соединенные с нейросетями, могут стать слушателями исповеди, подсказывая правильные вопросы и правильные ответы на них. Они же в режиме видеофиксации и прослушивания сокровенных тайн могут собирать электронное досье на своего «хозяина». Уже сейчас контентная слежка проводится крупнейшими сетями, типа Google, чтобы предлагать рекламу по интересам. Нередко приходится слышать обвинения, что информация передается в спецслужбы.

Будет ли при таком раскладе духовная работа и духовный рост – очень большой вопрос...

6. Любое расслабление воли и сил в человеке прекращает его развитие. В режиме отдыха расслабляться полезно. В режиме служения расслабление грозит деградацией и духовным вырождением.

Одной из угроз внедрения ИИ в жизнь Церкви может стать то самое расслабление в плане интеллектуального развития духовенства, построения сознания пастыря по жестко алгоритмическому типу. Соответственно будут так же построены духовнические «советы», которые окажутся исполнимы разве что для роботов.

7. Еще одной угрозой может стать новый уровень построения виртуальной реальности с помощью ИИ. 2020 год с его карантинами породил и усилил тенденции к виртуализации церковной жизни. Раньше существовали скорее шуточные сайты с воображаемыми храмами, богослужениями и проводимыми ритуалами. Карантин заставил к этой шутке отнестись гораздо более серьезно. Мне самому приходилось принимать исповедь по связи через мессенджеры. Серьезно обсуждалась богословская проблема о преложении хлеба и вина, выставленных перед транслирующим Литургию компьютером, в Тело и Кровь Христовы и о причащении ими.

Нейросети могут сделать виртуальные храмы более «реальными». И если в таком «храме» будет удаленно присутствовать каноничный священник, многие люди настойчиво захотят перенести свое присутствие на службе на «домашнюю платформу». Недаром так востребованы стали трансляции богослужений по известным православным телеканалам еще с 2000-х годов. И нам неизвестно, сколько Церковь будет сопротивляться собственной виртуализации. Думаю, финансовый вопрос впоследствии сдвинет чашу весов в ту или иную сторону. «Прогресс» в этом направлении, несомненно, начнется на Западе, а попозже эта участь – попасть «под раздачу» электронной реальности – не минует и нас...

8. ИИ-моделирование, похоже, начинает кощунственно вторгаться в область неприкосновенного. Так, недавно был создан чат, где собеседником выступает... Иисус Христос. После анализа евангельских текстов нейросеть пытается подражать стилю общения Спасителя, отвечая на вопросы желающих. Помимо этого, был создан чат общения с сатаной, с известными святыми западного христианства, например Франциском Ассизским.

Не будут ли эти «первые ласточки» предметом прельщения многих? И так сегодня огромному числу номинальных христиан не нужна традиционная Церковь с Евангельскими заповедями и аскетикой. Изобретаются собственные облегченные, «user-friendly» версии христианства. «Кибер-святые» по заказу могут давать поддержку «параллельному христианству», вытесняя из человеческого общества влияние подлинного Евангелия...

9. ИИ никогда не сможет смоделировать духовность человека, подвести к вхождению в подлинную работу духа и возрастания в нем; но подделать это внешне – спокойно! А значит, подделки будут множиться и оттачиваться в своих формах. Итог: возникновение нового феномена – «кибернетического фарисейства» – лицемерия и актерской игры в духовность с четко прописанными инструкциями и критериями.

Чем это может помочь?

Анализ внедрения ИИ в жизнь Церкви был бы однобоким, если ограничиться только алармистским перечнем угроз. Мы, чада Церкви Христовой, можем получить и определенную выгоду, облегчающую наше служение, если будем правильно использовать новейшие изобретения в области информационных технологий.

1. Если священник в своем служении не просто «тянет ляжку», зарабатывая на жизнь, а старается развиваться, то для этого развития ИИ может стать незаменимым помощником в плане поиска нужной информации. Очень многое в богословии у нас основано на мнении св. отцов и учителей Церкви. И в области поиска и систематизации этого наследия нейросети могут как ничто другое помочь, подчиняясь запросам и направляющим указаниям человека.

2. Не стоит гнушаться и автоматизацией некоторых аспектов богослужения там, где это возможно и уместно. Уже сейчас колокольнями в некоторых богатых храмах вместо звонарей управляют «электронные шкатулки», дергающие за языки колоколов.

Автоматизированной под управлением ИИ может стать видео- и аудиотрансляция богослужений по Сети и эфирным каналам.

Как бы мы ни сопротивлялись, но уже сегодня громоздкие богослужебные книги исподволь заменяются легкими электронными планшетами. Это удобно во всех отношениях: по скорости доступа, подстройке под чтеца, компактности, умещению огромных объемов текста в малый размер.

А может и не стоит сопротивляться, а приспособить «электронных болванов» под свои нужды! Ведь когда-то некоторые иерархи возмущались даже по поводу электрического освещения храмов. А сегодня свет у нас повсеместно электрический. Почему бы в ворохе богослужебных и уставных текстов не задействовать ИИ для поиска нужного нам в кратчайшее время?!

3. Поругивая современную алгоритмизацию, мы должны понять, что издревле даже в Церкви мы живем в богослужебном плане по строго очерченным, хоть и сложным алгоритмам. Речь идет о богослужебном уставе.

Типикон – разветвленная, но четкая программа на все случаи богослужебной жизни. Эта книга очень легко может быть переложена на язык математики и машинных кодов. А дальше мы снимаем с себя проблему сложных расчетов и сравнений, вводя в ИИ только календарную дату, предпочтения в праздновании того или иного святого, получая при этом четко расписанный план уставного богослужения. В работе с уставом не требуется участия души, а требуется внимание, учет нюансов и расчет. Всё это может взять на себя машинный ум.

4. Сегодня практически каждый приход старается вести хоть какую-то информационную работу, рассчитывая, в том числе, и на привлечение прихожан. Нейросети могут оказать огромную помощь в информационной работе в соцсетях, выполняя тяжелую «черную» работу СММ-щика. ИИ может систематизировать информацию, отретушировать фотографии, выправить звук, устранить шероховатости проповеди священника, составлять шаблонные тексты в блоке новостей. Электронный ум может по нужному графику выкладывать информацию с текстом, фото и видео во все соцсети и мессенджеры, что для человека представляет серьезную рабочую нагрузку и большие затраты по времени.

5. Возможно, ИИ позволит автоматизировать и процесс выпечки просфор, которые на этапе подготовки еще не являются святыней. Да, могут возразить, что в просфорне надо молиться, чтобы в этом обращении к Всевышнему призвать на кусочек теста благодать Божию. Но, положив руку на сердце, давайте признаемся, что не всегда и не везде просфорники молятся и даже не всегда бывают верующими людьми. И не обязательно молитвенная атмосфера способствует соблюдению технологических норм. Скорее наоборот: по моим наблюдениям, пекари-молитвенники на технологию обращают меньше внимания. Просфоры выходят неказистыми и кривыми. В этом отношении не стоит говорить и о производстве «магазинного» вина для Евхаристии, которое уже давно автоматизировано и не «осложняется» творением молитвы на вино-водочных производствах. Нравственная атмосфера в таких местах, мягко скажем, далека от идеальной.

А если процесс выпечки возьмет под контроль ИИ, то результат будет гораздо более эффективным, что важнее для эстетики богослужения. А «электронная»

просфора, так же как уже и сегодня «электронное» вино, все равно будут сначала благословлены через молитву священнослужителей, а потом и освящены на богослужении, в евхаристическом призыве Духа Святого на эти материальные заготовки для Тела и Крови Господних.

6. Как ни горько об этом говорить, но и создание икон и роспись храма могут быть взяты под контроль ИИ. При достаточно развитой нейросети, в памяти которой содержится огромное множество образцов иконографии, создание новых нужных образов в любой технологии, от масляной росписи до рельефной выточки по любому материалу, – дело техники. Результат будет качественнее и, со временем, обязательно дешевле, чем человеческая работа. А проблемы с освящением будут решаться соответствующими чинопоследованиями.

7. Нейросети в Церкви, при сохранении существующей традиции торговли в лавках свечами и утварью, могут стать эффективными помощниками в фиксации и учете товарных и денежных средств. Даже опытный бухгалтер и товаровед может ошибаться. ИИ не будет ошибаться никогда, если только человек не введет ошибочных данных. Но и человек может быть взят под контроль программируемой электроники...

Завершая свой футуристический анализ, хотелось бы сделать важную оговорку. Есть потуги человеческого ума и возможностей, усиливаемых сегодня нейросетями, а есть и Господь Бог, у Которого Свои планы на жизнь человека и человечества. Как христиане, мы просто-напросто не имеем права сбрасывать этот фактор со счетов. И если расчеловечивание человека будет угрожать его человечности, то в силах Божиих все одновременно изменить. Просто, например, в ходе ядерного конфликта или космического катаклизма уничтожить электронику и сделать невозможной всеобщую доступность электричества.

Несмотря на бурное развитие ИИ, мы надежно ограждены от опасности самостоятельного восстания машин, поскольку эти машины не имеют ни души, ни личности. И даже испытываемые сегодня технологии создания ИИ с помощью клеток мозга животных или человека не смогут одухотворить этот разум, удел которого – комбинаторно перебирать имеющиеся данные, но который напрочь лишен Божественного свойства творить, доступного только человеку.

Думаю, что Всевышний не допустит дикой «механизации» Церкви, попуская в разумных пределах внедрение в ее жизнь определенных технических новшеств. Но Господь будет хранить человечество ровно до тех пор, пока хотя бы *десять праведников* (Быт. 18, 32) будут верны Ему. Когда не останется и их, человечество станет свидетелем и участником inferнальной вакханалии нечистых сил бесплотных, разнузданности технологий в материальном мире, в том числе и в погибающей Церкви.

А дальше, как молния от одного края неба до другого края (Лк. 17, 24), снова придет Спаситель и всем откроются *новое небо и новая земля* (Откр. 21, 1).

Разрозненные мысли

* * *

– Что делать отшельнику во время войны?

– Разве бывает иное время? Война идет всегда. Она никогда не прекращается.

– Да, но... хочется же что-то делать!

– И что ты собираешься делать? Выкладывать посты, где отрывки из Писаний перемешаны с твоими бурлящими страстями?

– А что еще может труженик в тылу?

– Ты на передовой. На самой передней линии.

– Но разве я могу повлиять на то, что происходит?

– Еще как можешь. Очищай свое сердце. Чистая вода, которую можно спокойно пить и которой можно промывать раны, елей и вино для перевязок – всё из него. И только это имеет цену для воюющих.

* * *

– Самопознание – это умение трезво оценивать свой духовный возраст.

– И где я сейчас? Заканчиваю бакалавриат? А может, уже магистр?

– Ясли и старшую группу детсада ты прошел. Судя по тому, что тебе пишут в комментариях – сейчас ты школьник. Не в младших классах. Но и не в старших. Где-то посередине.

– Похоже, у меня проблемы с самопознанием.

– Похоже.

* * *

– Что ты делаешь?

– Записываю свои мысли.

– Зачем?

– Чтоб время от времени их перечитывать. Когда внутренняя суета, сопровождавшая оформление мысли и ее запись, рассеивается, становится хорошо видно, где мысль рассудочная, поверхностная, а где – внутренняя, выношенная.

Время и внутренняя работа необходимы как раз для того, чтоб, глядя на мысль, ясно видеть, чья она дочь. Ума или рассудка.

* * *

Робинзон Крузо. В детстве перечитывал книгу много раз. Уже учась в институте, наткнулся на ее полный вариант и обнаружил, что это отформатированная в жанр приключенческого морского романа притча о блудном сыне. До сих пор помню, как показывал друзьям отрывки, где Робинзон молится за покаяние Пятницы или где они ведут богословские беседы (всё, что было вырезано в советском издании). А еще спустя лет десять внезапно осознал, что у этого варианта библейской притчи есть подтекст. Герой, как выяснилось, вовсе не покаялся и не изменился – когда всё закончилось, он опять стал таким, каким был до своего заключения на острове. Пока он был в тесных обстоятельствах – старался вести себя как подобает христианину. Но в той части, где описываются его приключения на материке после возвращения, Робинзон показывает свой прежний облик. В момент раздражения он может Пятницу обругать «собакой». Своего брата во Христе, которого сам же и обратил. Не знаю, намеренно ли это было показано писателем или нет, но в любом случае, картинка получилась откровенная. То, что Робинзон остался ветхим человеком, я увидел тогда, когда осознал, насколько сам остался «ветхой тварью» спустя десятилетие после своего обращения. Когда разглядел Робинзона в самом себе. Мы видим вовне себя только то, что есть в нас самих.

* * *

- Как научиться различать лицо времени? Это способность? Дар?
- Это когда ты вдруг понимаешь, что прежний опыт стал ветхими мехами. Что сегодняшний день в них не нальешь – он их порвет.
 - Но там, позади – столько труда! Столько времени, усилий, жертв!
 - Значит, у тебя с обонянием проблемы. Жуешь вчерашнюю манну, не чувствуя, что она протухла.
 - Это плохо – не чувствовать запахи?
 - Это удобно.
 - Но если я и правда их не чувствую?
 - Поститься не пробовал? Когда голодный, обоняние быстро просыпается.

* * *

Помню, как, прочтя «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, я узнал о том, что писатель ушел в затвор, выстроив в лесу келью-бункер и порвав связи с внешним миром. Меня уже тогда зацепила эта тесная связь творчества и жизни. Чем-то он мне напомнил Эмили Дикинсон – спустя столетие после нее.

Сегодня я бы о повести высказался так: это история о драме отсутствия наставников. Истинных учителей. Тех, кто учит своей жизнью. В лучшем случае те, кто рядом, могут процитировать что-то важное – но и только. Даже осознавая важность того, что ты от них услышал, ты все равно не знаешь, что с этой мудростью делать. Потому что эта мудрость самодостаточна. Она лишена с тобой живой связи.

Чтобы слово было деятельным, оно должно быть личностным. Сказанным именно тебе, именно в этом месте и в это время, с учетом этих места и времени,

с полным погружением в твои обстоятельства. Оно должно быть личностным посланием именно тебе и никому иному. А не духовным копипастом, который можно точно так же, в такой же форме, сказать второму, и третьему, и сотому. Именно потому что сказанное предназначено для тебя и имеет силу только для тебя, оно способно тебя двигать.

Но для этого нужно быть учителем по жизни, а не по профессии. Одна из самых символических сцен в повести – когда Антолини выписывает Холдену цитату и просит ее запомнить. При этом совершенно не чувствуя того, что с подростком происходит. Диссонанс между серьезной и важной мыслью, заключенной в цитате, и полной неспособностью учителя войти в глубокое общение логически завершается бегством Холдена в ночи из квартиры Антолини, – подросток вообразил, что учитель собирается к нему приставать. Эта сцена – символ всей полноты их взаимонепонимания.

* * *

– Значит, весь этот мрак – только потому, что есть тайна человеческой свободы, которую Бог не ограничивает? Даже когда она используется для зла?

– Да.

– И человек, который страдает от своего (и чужого!) зла, для Бога важнее, чем робот, лишенный свободы, но не испытывающий страданий?

– Да.

– Как относиться к такому Богу?

– Это тоже тайна. Тайна твоего выбора. Тайна твоей свободы.

* * *

Писания не самодостаточны. Вне деятельного контекста церковной жизни они – как засушенный гербарий из Эдемского сада: рассматривать его любопытно и полезно, но ввести в Эдем он не в состоянии.

Лишь входя по силам в тайну церковной жизни, получаешь возможность войти в тайну вечно живого и действенного Слова.

* * *

– В чем твои претензии к тем, кого ты прежде считал учителями? – спросил Господь.

Я высказал Ему всё, что наболело.

– Другими словами, в том, что они оказались не святыми?

– В общем... да.

– Тебе не смешно?

– Смешно. Понимаю, что еще и глупо. А что делать?

– Самому быть святым.

– Но...

– Тогда покаяться. Что говорили в таких случаях в древней церкви, помнишь?

– Да. «Кто не свят – пусть покается».

* * *

- Значит, долгожительства как цифры отпущенных тебе лет ты уже не хочешь?
- Не хочу.
- А если долгая жизнь – это твой путь на гору Преображения?
- Тогда я согласен на долгую жизнь. Даже в забвении, немощи, болезнях и бедности.
- Ты, надеюсь, не забыл, что это такое – подъем на гору?
- Не забыл. Всё чаще вспоминаю куплет из песни, которую пели когда-то в пионерском лагере:

*Если ты на леднике в одну из трещин
Провалился – суеты не поднимай:
Через несколько минут
Или лет тебя найдут.
Никогда и нигде не унывай!*

- Дошло, значит, наконец, заключенное в ней послание?
- Дошло.

* * *

«Бобок» Достоевского – картина того, что происходит, когда закон перестает действовать для непреображенных творений. Среди покойников, разговор которых подслушивает герой рассказа, все – дворяне и только один – лавочник из простонародья. Именно от него звучит вопрос: «*что это творится, это душа по мытарствам ходит?*». И последняя реплика принадлежит ему же: «*воистину, душа по мытарствам ходит!*». Он лучше всех остальных понял: свобода, пришедшая извне, а не изнутри, являет во всей полноте то, что заключается в словах «ад – это другие».

* * *

- Что скажешь о беженцах?
- Беженцы сегодня – мы все. Те, кто лишился привычной внешней реальности.
- Мы изменились, потеряв ее?
- Нет. Внезапные внешние изменения не меняют человека глубоко. Они просто ставят его перед фактом, что прежний дискурс остался под обвалом, как при попадании ракеты в дом.

ПОЕЗД В ОГНЕ

- Так все-таки – ты за кого?
- Я за интернационал. Где нет ни иудея, ни эллина.
- Предлагаешь отречься от своей культуры и истории?
- Предлагаю пронести всё это сквозь огонь. Что сгорит – то сгорит. Что не сгорит – преобразится.

* * *

– Протестанты – еретики?

– Нет.

– Почему?

– Потому что протестантизм – просто неверная реакция на проблемы в церкви.

– И что с ним делать?

– Являть собой верную реакцию – если есть дерзновение и любовь.

– А если дерзновение есть, а любви нет?

– Тогда набрать в рот святой воды и держать ее там.

ШИББОЛЕТ*

Всем, кто приходил на переправу, охранявшие ее задавали один и тот же вопрос – «что для тебя благословение Господне?»

Одни говорили – «успешность». Другие – «прозрение».

– Неужели и те и другие – это тот же народ Божий? – не выдержав, спросил один из охранников.

– Тот же, не сомневайся – успокоил другой.

– И что делать? Пускать только вторых?

– Всех.

– Зачем тогда мы спрашиваем?

– Чтоб те, кто ответил «успешность», когда-нибудь вспомнили и этот вопрос, и свой ответ на него.

– Значит, не наша задача – отделять плевелы от злаков?

– А как их отделишь, если и то, и другое – состояние сердца? Сегодня ты плевел – а завтра, глядишь, злак. Бывает и наоборот, и еще как бывает...

ЛИСТЬЯ ЭДЕМСКОЙ ТРАВЫ

«Облеченный в покаяние и слезы, предстану перед лицом Бога моего. В раю ли? Я изгнан оттуда, и херувим, стоящий при входе, не впустит меня! Грешный потопок Адама, ободрись! Воссиял свет в темнице твоей: Бог низшел в дольную страну твоего изгнания».

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

А ведь Игнатий Брянчанинов – поэт, подумал я, перелистывая изданный массовым тиражом тоненький сборничек «О покаянии». Все его тематические каталоги грехов в разделе «Исповедь» – по сути, те же каталоги вещей и понятий в «Листьях травы» Уитмена. Столько лет понадобилось, чтоб увидеть – все эти списки вызваны к жизни горением сердца. В одном случае топливом для огня был перво-

* Слово из Ветхого Завета (Суд. 12, 5–6), в переносном смысле обозначающее характерную речевую особенность, по которой можно опознать группу людей (в частности, этническую), своеобразный «речевой пароль», выдающий человека, для которого язык – неродной.

бытный восторг Адама, дающего всему имена. Музыка рождалась из самого факта восприятия мира, словно только что созданного, и самозабвенного перечисления всего, что в нем есть. Во втором случае пищей для пламени были глубина покаяния и радость смирения.

Да, сравнение неожиданное. Но не увидеть поэтического вдохновения в брошюре, используемой в храмах как удобное руководство для общей исповеди, сегодня для меня невозможно. Не сразу, но я преодолел прежний импринтинг восприятия его текстов как школьного богословия. Из сухой земли забил источник.

* * *

– Что сгорит, когда будем бежать сквозь огонь?

– Копипаст. Останется только то, что выношено и рождено тобой.

– И что в этом особенного?

– Почти никто не в состоянии отделить в себе одно от другого. Для этого нужен чистый взгляд. Ты чист?

– Нечист..

– Это уже неплохо. Не все способны увидеть, как много заемного в том, что они считают своим. Но что сгорит и что уцелеет, остается тайной. Только святые входят в нее. Спустя годы терпеливой ассенизационной работы.

– С чего начинается эта работа?

– С обычной внимательности. Достаточно просто посмотреть назад. Ты увидишь, что многое уже сгорело.

– Ты хочешь сказать, что бег сквозь огонь начинается уже здесь?

– Всё, абсолютно всё начинается уже здесь.

* * *

– Кто победитель, прочитавший свое имя на белом камне?

– Терпеливый археолог, реставратор или санитар. Упор на «терпеливый». Тот, кто не устанет счищать на своем тайном имени все наросты, записи и наслоения.

* * *

– В чем смысл аскетике?

– Научиться жить так, как живут носящие плод. Убирая из внешней и внутренней жизни всё, что может ему повредить.

– То есть, это самосовершенствование?

– Ты же видел беременных. Их совершенствование – полнота отречения от себя ради того, что зародилось в них.

– Значит, те, кто вынашивает, красивее тех, кто не носит плод?

– Конечно. Но эту красоту видят только зрячие.

– А я зрячий?

– Если додумался до этого вопроса, значит, что-то уже различаешь сквозь свою катаракту.

* * *

– Господи! – не выдержал рассудок, – почему сердце не помогает мне? Оно укрылось в тайной комнате и слушает Тебя, оставив меня одного!

– Ты заботишься и суетишься о многом – ответил Господь, – а одно только нужно. Сердце же избрало благую часть, которая не отнимется у него. Не тревожь его, не стучи в дверь. Когда оно выйдет оттуда, то быстро поможет тебе разобраться с важным и неважным.

* * *

Помню, как дал почитать брату свои первые тексты. Он прочел и сказал – прямо физически ощущаешь, как автор не любит мир, который описывает. Вот, говорит он, пепельница на столе, в ней окурки. Как отвратительна эта пепельница. Но мне не нужно это твое отвращение к пепельнице. Мне нужна твоя любовь к миру, который ты описываешь. Твоя любовь к этой пепельнице. Полюби ее. И опиши ее с любовью.

Брат не был литератором. Он работал на заводе. Потом ушел оттуда и стал играть в кабаке. Но этот его урок я запомнил. А из школьных уроков литературы не помню ни одного.

* * *

– В мире есть Церковь. То, что я знал прежде, – это искреннее желание быть ее частью, исходя из собственного понимания, что это значит. Послание о том, что Церковь – это тайна, в которую нужно входить всю жизнь, отрекаясь от всего, что мешает этому вхождению, – оказалось твердой пищей.

– Неужели все усилия – ради ничтожной горсти людей? А остальные – расходный материал?

– Именно эта горсть и есть та соль, что не дает всему остальному миру стать расходным материалом.

PRO ET CONTRA

Много лет назад обсуждали тему праведного гнева. Я и мои единомышленники, опираясь на собственный опыт, утверждали, что такой гнев невозможен. Никто не мог вспомнить ни одной ситуации, про которую уверенно можно было сказать – был гнев на грех, но не было гнева на самого грешника.

Оппоненты открывали Писание и говорили – вот отрывки, где гнев не назван грехом. Гневаясь, не согрешайте и пр. Значит, он все-таки возможен.

Да, говорили мы, Писание говорит одно, а жизненный опыт говорит другое. С Писанием не спорим, опыт не игнорируем. На этом тогда всё и закончилось, хотя диспут был длительным и бурным.

И вот, годы спустя я прочел у Лествичника о том, что пастырь, достигнувший бесстрастия, выговаривая за грех, может внешне изображать гнев (в воспитательных целях), будучи свободен от него внутри. И я подумал, что, пожалуй, это неожиданное, но единственно верное толкование на библейское учение о праведном гневe.

* * *

Пригов взял на себя роль поэта-шута, но это очень себе на уме шут. Что-то вроде Мамонова – только без претензий на прямую проповедь. В сущности, и он, и Мамонов – новое прочтение (и исполнение в меру своего понимания) фигуры юродивого. Русские юродивые постмодерна. Со всеми вытекающими, как говорится.

* * *

– Возможны ли сейчас фильмы с христианским посланием?
– Они всегда возможны. Меняется только дискурс.
– О чем бы сейчас мог быть такой фильм?
– Например, о христианине, который, оказавшись в зоне военных действий, был вынужден убивать, защищая людей. И, оказавшись в мирной обстановке, он сам себя отлучает от причастия. Хотя окружающие этого не понимают и считают его юродивым.

КРИК В ПАРКЕ

Утром перед работой прогуливаюсь. Мимо пробегают мальчишки лет десяти в спортивной форме.

– Тимоха, не тормози! – подгоняет отставшего тренер.

На очередном из кругов, когда они поравнялись со мной, взмыленные и сбавившие скорость, передний внезапно оглянулся. После чего с истошным воплем «Иисус Христос воскрес! Аллилуйя!» – включил форсаж, резко и намного опередив остальных.

Понятия не имею, что он там вкладывал в этот выкрик. Но то, что это было связано с внутренним усилием и внезапным набором скорости, произвело впечатление.

МЕСТО, ГДЕ СВЕТ

Помню, как в первый раз слушал эту песню Андрея Макаревича. Слушал с удовольствием – но споткнулся на последнем куплете:

Что, казалось бы, проще –
Вот Бог, вот порог,
Что же снова ты смотришь
В пустынное небо с испугом?
Вы не поняли, Лорд,
Я отнюдь не прошусь к вам в чертог.
Мне вот только казалось,
Нам есть, что поведать друг другу.

Резануло слух – есть что поведать, но в чертог не просится. Тем самым герой уравнивал свое положение с Господом и положение в предыдущих ситуациях с людьми (не прошусь за стол, не прошусь в постель). Подчеркнул свою обособленность по отношению к Нему, как и к прочим слушателям.

Я, тогда еще довольно молодой воцерковленный, подумал – будет ли интересен Господу предложенный разговор?

И почему-то вспомнилась концовка из другой песни, Высоцкого:

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед Ним.

Казалось бы – насколько далеки авторы текстов друг от друга! Они – обитатели разных вселенных. Но вот парадокс – неожиданно встретились на финише. Сказав практически одно и то же. Не знаю Его, не стремлюсь к Нему – но есть что Ему сказать.

«Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята!»

Возвращаясь к песне Макаревича – название сегодня мне в ней нравится больше всего. Место, *где свет*. Место, где становится вдруг видно что-то такое в тебе, что ты не замечал. Или замечал, но думал, что это не самое главное в тебе. Так, деталь. Мелочь. И тут оказывается, что именно это и есть главное. Твое подлинное имя. И что именно оно определяет всё что было, есть и будет.

Страшно оказаться на свету – если идешь туда с намерением петь или рассказывать о себе. Текст твоей песни взвешен и найден слишком легким, услышишь ты там, – ее название своим неподъемным весом опрокинуло и перевернуло всё, что ты собирался высказать.

* * *

Всё, что происходило между Илией и Господом после того, как он услышал о планах Иезавели его убить, от стремительного бегства до веяния тихого ветра на вершине Хорива, являет самую важную (и неожиданную) черту пророка – его уязвимость. Без нее облик грозного обвинителя и исполнителя приговора, лишившего народ питьевой воды, а посланных за ним солдат – и самой жизни, был бы величественной и страшной маской, личиной, не способной ничего сообщить об Илии – живом человеке.

Как хорошо, что мистический, но такой понятный и трогательный опыт пророка не остался его тайной. Ведь Илия, жалующийся и выговаривающий Богу, – это и есть он настоящий. Его редкие ослепительные появления на людях – не более чем верхушка айсберга. Сорокадневный путь к Хориву и всё, что происходило на горе, как и смиренное пребывание в доме вдовы, показывает «подводную», основную часть его жизни.

Не случайно в иконографии он, как правило, изображается сидящим или стоящим, внимая Господу или принимая от воронов пищу, – но не поражающим врагов или сводящим с неба огонь на жертву.

И только итог всей этой потаенной жизни – взятие живым на небеса – изображается столь же часто. Тем самым говоря, что и то и другое, отшельничество и вознесение, – две нераздельные части единого целого.

* * *

Я верю, что *духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2, 15) – с одной лишь поправкой: кроме других духовных. Поэтому мы имеем дерзновение

судить (не осуждать, а выносить свое мнение) о других людях. Не о сокровенной тайне их личности или об их судьбе в вечности! Судить о текущем духовном состоянии их душ – глядя на то, что они транслируют, намеренно или ненамеренно. В том числе через свое творчество.

Творчество хорошо для заключений тем, что оно (если оно подлинно) – это всегда исповедь, то, что рождено без внутреннего фильтра. Техническая сторона творческого процесса «доводит до ума» то, что получилось, но само рождение образа идет изнутри, и «внутренний редактор» над ним не властен. Поэтому по произведениям искусства тоже вполне можно составить суждение о состоянии души творца. Это не только мое мнение.

«Отношение художника к Богу определяет композицию его работ» (Владимир Фаворский).

* * *

– Рассуждение есть совесть неоскверненная и чистое чувство, – сказал Лествичник.

– Я был уверен, что рассуждаю. До этого момента. Теперь не уверен.

– Ты стараешься рассуждать, – ответил Лествичник. – Старайся, старайся. Это тяжелое занятие Господь дал уже протрезвевшим, но еще нетрезвым, чтоб они упражнялись в нем.

* * *

– Что отличает иконописца от живописца?

– Первый видит Бога в человеке. И показывает Его в тех, кого изображает.

– Но ведь прежде чем увидеть Бога в другом, нужно увидеть Его в себе?

– Да. Иначе в лучшем случае ты на своих работах покажешь мир глазами прозревающего. Того, кто видит людей как деревья*.

* * *

– Что такое спасение?

– Это когда орк обретает способность улыбаться.

– А что такое преображение? Когда он снова становится эльфом?

– Нет, это всё сказки. Когда он начинает светиться изнутри.

* * *

– Любить – значит видеть в другом Бога.

– Значит, совершенство в любви – синоним полного восстановления зрения?

– Конечно.

– Но как же те, кто не знают Бога, но безусловно любят людей, судя по их делам?

– Они тоже видят Его в других. Просто еще не знают об этом.

* Мк. 8, 24.

СМЕХ И РАДОСТЬ

Заметил, что реже, чем прежде, испытываю потребность в смешном. Непроизвольно – реагирую на всё смешное, как и раньше. Но специально смотреть или читать что-то смешное нет желания. При этом намного чаще, чем прежде, испытываю внутреннюю тишину, уравновешенность, радость.

«Смех и радость мы приносим людям». Всё-таки они не в одном флаконе. Это как масло и вода – когда миксер смесь как следует взобьет, масса вроде однородна. Но оставь ее в покое – и спустя время она спокойно и тихо расслоится на две отдельные друг от друга субстанции.

* * *

– Каждый крупный писатель – это демиург, – сказали Стругацкие. – Он творит миры из материи, отягощенной злом.

– Раньше я завидовал тем, кто создает такие миры, – признался я. – Теперь нет.

– Но странствия по нашим мирам тебе помогли? – спросили они.

– Да. Я вернулся, осознав, что уже не хочу создавать свои затемненные миры. И стал искать того, в ком есть свет.

– Рады за тебя. Помолись о нас, – сказали братья.

* * *

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам....
Да, жаль его: сражен булатом

«Хватом – булатом» – просто какая-то лебядкинская рифма. Как эта разудалая, плоская, отскакивающая от зубов скороговорка проникла в школьную программу?

Наверное, сложно найти более не отражающий личность поэта текст, чем этот. Лирический герой Лермонтова – это врубелевский демон. Способный временами плакать об утраченном рае. И тогда его лирика – почти (а может и не почти) гимн.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянии голубом...

Попробуйте представить демона читающим эту бодрую скороговорку, «хватом – булатом», – сразу станет понятно, насколько это вышло не изнутри.

– ... А вы заняты военной поэмой?

Тут Пушкин поморщился.

– Полтавская битва. О Петре. Не будем говорить о ней. Поэма барабанная.

Он посмотрел на Грибоедова откровенно и жалобно, как мальчик.

– Надобно же им кость кинуть.

(Юрий Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара»)

Если Лермонтов проходил по своим мытарствам, там наверняка было и такое – видео с миллионами и миллионами детей, зубрящих наизусть этот текст.

Но верю, что он всё это прошел. И это мытарство, и все остальные. Потому что есть те, кто видит его истинную сущность. И просят за него.

*И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет.*

(Осип Мандельштам. «Стихи о неизвестном солдате»)

СЕГОДНЯШНИЕ СТИХИ О ВОЙНЕ

Это прозвучит как спорное высказывание, но именно духовное состояние человека, независимо от его намерений как художника или представителя определенной культурной или социальной группы, в конечном счете, определяет то, что он говорит и как говорит. Его взгляд на смерть. Ведь, по большому счету, все стихи о войне – это стихи о смерти. Неожиданная и насильственная, она наглядней говорит о себе как о чем-то аномальном и неестественном, чем когда она вписана в привычную повседневность. Можно сказать, что на войне она кричит. Но крик – это язык плаката. Для того, чтобы заглянуть в глубину, нужен тихий голос. Даже шепот. Не интонационный. Речь об ином шепоте. О бездоказательном, но убеждающем шепоте откровения.

И вот тут мне не хватает воздуха. Откровения о смерти в сегодняшних военных стихах нет.

Есть переданное всеми силами души послание о том, как ужасна смерть. Но что там, за ней?

Поэт не проповедник. Ему не нужно говорить о том, что будет потом. Но в том, что он пишет, должна просвечивать та реальность, которая не оправдывает и не защищает происходящее, но придает ему смысл. Как сказал бы Виктор Франкл* – эти стихи талантливы, но они не нужны тем, кто за колючей проволокой. В них тот же низкий потолок барака. А нужно, чтоб было видно небо. Чтоб был ясный и простой, но не назидательный, а исповедальный смысл – для чего это все. Смысл, за который можно взяться и жить дальше.

В пастернаковское счастье неременной составляющей входит трагизм, но «трагическое переживание жизни» – не нытье и сетования, а уважение к масштабу происходящего. Именно поэтому его стихи так любили каторжники. Варлам Шаламов, писатель, вероятно, самой мучительной и исковерканной биографии во всем русском двадцатом веке, – а уж тут выбирать есть из кого, – писал: «Стихи Пушкина и Маяковского не могли быть той соломинкой, за которую хватается человек, чтобы удержаться за жизнь – за настоящую жизнь, а не жизнь-существование».

Каторжники двадцатого века любили Пастернака потому, что он прожил жизнь с ощущением выстраданного чуда. Это счастье не самовлюбленного триумфатора, а внезапно помилованного осужденного (Дмитрий Быков).

* Виктор Франкл (Frankl, 1905–1997) – австрийский психиатр, психолог и философ.

Как сказал однажды Цветаева, у постели умирающего – священник и врач. Поэта там нет. Подразумеваемая – потому что у него нет того, что нужно умирающему. Но не потому, что он поэт. Наоборот, он-то как раз и должен быть там – чтоб сказать о смерти и жизни то, что не скажет священник. Не споря с ним, но дополняя его проповедь своей исповедью.

Нужно прыгнуть поверх барьеров. И донести прямо или иносказательно отпечаток увиденного, просвечивающий сквозь смерть, как солнце, на которое смотришь сквозь плотно зажмуренные веки.

Тут не пройдет никакая стилизация. Только личный опыт. Опыт собственной веры.

«Я понял, что это мой Крест и его нужно нести до конца»

Беседа с протодиаконем Александром НЕСИНЫМ

От редакции. 1 января 2023 года исполнилось 65 лет старейшему клирику Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора и старейшему преподавателю Ташкентской духовной семинарии, протодиакону Александру Несину. За многолетнее служение и в связи с юбилеем о. протодиакон был награжден Патриаршей грамотой. Редакция ВС сердечно поздравляет отца Александра с юбилеем и наградой. О своем приходе к вере, об обучении в семинарии в советское время, о клиросном пении и многом другом с отцом Александром беседует главный редактор журнала.

– *Дорогой отец Александр, давайте начнем с традиционного вопроса: о семье, о детстве...*

– Родился я в Новосибирской области, в селе Березово, и до семи лет жил там. А в школу пошел уже в Алма-Ате. Семья была атеистическая. Отец – начальник отделения связи, мать – главный бухгалтер. Отец, к тому же, был членом партии. В семье было трое детей, две сестры и я. Росли мы сами по себе; как принято говорить, воспитывала нас улица.

– *А среди друзей в школе, во дворе были ли верующие?*

– Нет, атмосфера была чисто атеистическая.

– *А когда начался ваш приход к вере?*

– Призвание отца. Я сравнил то, каким он был до прихода к вере и каким стал после. Это просто преобразило его. До того, как уверовал, он был некрепок в нравственном плане, в семье были частые конфликты. А потом он начал ходить в церковь и на глазах стал преображаться... Мне было тогда лет четырнадцать-пятнадцать. Я стал задавать себе вопросы. Я стал молиться: «Боже, помоги мне понять, что ты есть». И когда я получил скорую и необходимую помощь, я понял, что Бог реально существует. И может помочь в наших даже каких-то нелепых просьбах.

– *А отец пытался вас как-то привести к вере?*

– Отношения между родителями к тому времени совсем ухудшились... Отец был на приеме у владыки Иосифа*, тот сказал ему: из семьи не уходи до тех пор,

* Митрополит Иосиф (Чернов; 1893–1975); в 1960–1975 – правящий архиерей Алма-Атинской и Казахстанской епархии.

пока жена тебя сама не выгонит. И перекрестил его. Отец вышел, был дождь... И вот, когда он вернулся домой, то обнаружил, что плащ на нем сухой. Как будто ни одной капли не упало; такое было у владыки Иосифа благословение. И, вернувшись, он увидел на пороге два чемодана. Это означало – всё... Отец ушел и два года жил прямо там, где работал, на стройке.

Я приходил к нему, даже сам устроился на ту же стройку. И не столько были какие-то беседы, я просто видел, как он изменился, каким стал богобоязненным человеком.

Он был прихожанином Свято-Никольского храма, это был тогда единственный храм в Алма-Ате. Мужчин в храмах тогда было мало, священнослужители обратили на него внимание; пригласили в алтарь, он стал там прислуживать. И епископ Серафим* предложил ему стать священнослужителем.

И когда я служил в армии, это было в ГДР, во Франкфурте-на-Одере, я тогда уже начал приходить к вере. Отец присылал мне в письмах молитвы, даже крестики. Эти крестики я прятал под армейской рубашкой, на булавочке. Если бы это открылось, мне бы, конечно, было несдобровать.

– *А другие ваши родные тоже пришли к вере?*

– Да, вначале моя старшая сестра, после нее уже мама. Младшая тоже пришла к вере, хотя гораздо позже.

Вернувшись из армии в 1979-м, я, наконец, стал посещать храм. Я почувствовал сердцем, как Бог призывает меня к чему-то важному и основному. Это был тот же Никольский собор в Алма-Ате. Я стал прислуживать иподиаконом при владыке Серафиме. А в 1980 году, по рекомендации владыки Серафима, поступил в Одесскую семинарию.

– *Почему именно в Одесскую?*

– Во-первых, тогда всего было три семинарии: в Сергиевом Посаде, Питере и Одессе. В Одесской семинарии училось тогда пятьсот человек, конкурс был огромным... А владыка Серафим сам был из Одессы, и его рекомендация там имела вес. Учился я четыре года, с 1980-го по 1984-й. Семинария открыла мне новый путь в познании Бога. С первого курса меня взяли в правый семинарский хор.

– *А до этого музыкой не занимались?*

– Нет, играл на гитаре, пел хиты 70-х... Но нотную грамоту я постиг благодаря хорошему пению в семинарии. Вначале пел на нижней ступени, ведь я еще не знал ноты. Что пели, то и повторял, на слух. И только через год, когда я их освоил, регент поставил меня на верхнюю ступеньку, где пели ведущие. Именно церковное пение, такие композиторы, как Бортнянский, Архангельский, Березовский, Турчанинов, развили мой музыкальный потенциал. И еще профессиональные певцы, которые пели в этом хоре, – а многие из них пели в знаменитом Одесском театре оперы и балета. Они учили меня, как правильно брать дыхание, как использовать свои голосовые данные. Это была уникальная школа.

* *Епископ Серафим* (Гачковский; 1925–1982); в 1975–1982 гг. – правящий архиерей Алма-Атинской и Казахстанской епархии.

Эту же духовную семинарию окончил владыка Владимир*. Я, конечно, его не застал, но застал тех преподавателей, которые ему преподавали. Это были люди необыкновенно высокой культуры и духовности.

– *Но все это в те годы контролировалось органами... Вы это во время учебы чувствовали?*

– Да, был один студент на нашем курсе, и было сразу заметно, что он «при исполнении». Все это видели. И преподавателям приходилось ему где-то завышать оценки. Но это были частности. Главным был тот высокий уровень, на котором велось преподавание, то, чему Господь сподобил нас там научиться.

– *Итак, закончив с отличием семинарию, вы вернулись в Алма-Атинскую епархию...*

– Поскольку я не был женат, меня не могли рукоположить. Мой отец, будучи священником, обратился за помощью к одному священнослужителю, который перешел в Ташкентскую епархию. Тот написал отцу: пусть сын приезжает, здесь есть девушки, которые готовы стать матушками. Приехал. Но все оказалось не так просто: девушки, так же, как и в Алма-Ате, связать свою жизнь с будущим служителем Церкви не спешили, тогда священнослужители были изгоями.

– *Но в итоге именно в Ташкенте вы смогли создать семью...*

– У владыки Варфоломея был иподиакон, Алексей Гречушкин, будущий иеромонах Варфоломей. У него была младшая сестра, Екатерина. Вначале я получил отказ. Она была серьезная девушка, ей тоже было 28 лет, мы были ровесниками. Она сказала: так сразу решиться на это я не могу. И ни с чем я вернулся в Алма-Ату. И снова, помолившись Богу, позвонил в Ташкент. Она снова мне ответила: не могу тебя обнадеживать. Тогда я просто сложил чемодан, купил билет и приехал в Ташкент. И когда я возник на пороге с чемоданом, Екатерина поняла, что, наверное, это и есть судьба. Тут как раз наступал Великий пост. Катюша отдала мне свою комнату, а сама жила с матерью. У нее была домашняя библиотека духовной литературы, и я тогда всю ее перечитал. И вот Великим постом мы подали заявление в загс и расписались, а после Пасхи, на Красную горку, венчались.

– *А когда вы стали служить в соборе?*

– С работой вначале не клеилось. Владыка Варфоломей не имел возможности сам выбирать, кого рукополагать, все это решалось сотрудниками соответствующих органов. Три года тогда он вообще никого не рукополагал.

Когда я брал у него благословение на брак, он сказал: «Саша, не стоит сюда переезжать, здесь климат более тяжелый, чем в Алма-Ате». Я думаю, он намекал и на то, что здесь священнослужение под еще большим давлением со стороны властей.

И я устроился певчим правого хора и одновременно работал в музучилище и в консерватории, был артистом хора. Работая на трех работах, как-то мог обеспечивать семью, а семья росла. Дом, в котором жила Екатерина, снесли, мы получили двухкомнатную квартиру на Юнусабаде.

* *Митрополит Владимир* (Иким, р. 1940), в 1990–2011 гг. – правящий архиерей Ташкентской и Среднеазиатской епархии; ныне – митрополит Омский и Таврический, глава Омской митрополии.

Регентом соборного хора тогда был Владимир Владимирович, ветеран войны. Музыкального образования у него не было. При владыке Льве* его сняли, потом был Анатолий Владимирович из Ферганы, прекрасный регент (можно сказать, что я его привел).

– *Вас не рукоположили и при владыке Льве...*

– Да, не рукоположили меня и при следующем владыке, епископе Льве. При нем начались сильные перестановки. Он мне сказал: «Саша, пока ты не закончишь Академию, я тебя не рукоположу».

А при владыке Владимире ситуация уже изменилась; многие стали уезжать, стало не хватать священнослужителей. И 19 января 1991 года меня рукоположили во диакона. Почувствовал какую-то окрыленность, благодатные силы. И то, что получил во время учения в семинарии, как-то обновилось во мне. Мне повезло, я застал в соборе еще то, благородное, старческое духовенство. Я благодарен Богу, что они меня наставляли в истине. Протоиерей Владимир Кондратенко, протоиерей Георгий Касперский, протоиерей Александр Муравьев, протоиерей Михаил Котляров. Они меня учили служению. Я благодарен и тем правящим архиереям, при которых мне выпало служить... Многая и благая лета нашему нынешнему архиерею, владыке Викентию.

– *В прошлом году был 20-летний юбилей семинарии. Расскажите, пожалуйста, о первых годах ее существования.*

– Вначале было просто училище. Когда его открыли, была крайняя нужда в преподавателях. Сначала у нас не было никакой учебной программы. Преподавали, что называется, спонтанно. По истечении нескольких лет мы программу утвердили, но поняли, что нам многого недостает по сравнению с российскими семинариями. Приехал епископ Евгений**, осмотрел здание, отметил, что оно полностью соответствует требованиям. Но не хватало учебных пособий. Владыка Владимир обратился в Учебный комитет, и нам дали пособия, которые нужно было размножить. Бросили клич по всей епархии: кто оканчивал семинарию, помогите. В результате всё сделали.

Было много желающих поступить в училище, был отсев на приемных экзаменах. Молодежь была очень пытливая; интересовалась, в чем смысл жизни, в чем состоит призвание. Таких были единицы, но это было очень отраднo. Постепенно, к сожалению, количество поступавших уменьшалось, поскольку был большой отток русскоязычной молодежи из республики.

– *Расскажите о вашем служении в последующие годы.*

– Что тут рассказывать?.. В 1992 году стал протодиаконном. Я понял, что это мой Крест и его нужно нести до конца. Так до сих пор и несу...

* *Митрополит Лев* (Церпицкий, р. 1946), в 1987–1990 гг. – правящий архиерей Ташкентской и Среднеазиатской епархии; ныне – митрополит Новгородский и Старорусский, глава Новгородской митрополии.

** *Митрополит Евгений* (Решетников, р. 1957), в 1994–2018 гг. – председатель учебного комитета при Священном синоде; ныне – митрополит Таллинский и всея Эстонии.

Елена САФРОНОВА

Поток истории

О рассказе Бориса Евсеева «Сухой брод»

В номере 207 электронного журнала «Литература» за июнь 2023 года вышел новый рассказ Бориса Евсеева «Сухой брод»*. На отдельные произведения малой прозы критика обычно не откликается, но для «Сухого брода» есть основания сделать исключение.

Рассказ Евсеева актуален социально и политически и является художественным откликом на главные события наших дней – так же, как и колонки, которые писатель ведет в «Литературной газете». Но текст воспринимается шире, чем рефлексия автора на общественные вызовы. Мне кажется, в этом его главное достоинство.

Зачин, в котором главная героиня, Горислава, оказалась в гуще кровавой смуты, как будто настраивает на лад прямого прочтения:

Резкие перемены на Херсонско-Криворожском участке фронта застали ее в Высокополье, куда приехала выправлять справку о смерти деда. Русские войска ушли ночью 3 октября, когда она спокойно спала у подруги. ... Она тогда сразу кинулась назад, в Сухой брод, и, к удивлению, спокойно туда добралась... Теперь Высокополье осталось за спиной. Нужно было опять пробираться на юг, в Сухой брод, где деда и схоронила.

На деле же это вступление уводит не в хронику реальных боевых действий и не в их реконструкцию, а в пространство мрачного и сурового сказа, на которые Евсеев мастер. Сказы он выстраивает в большинстве своих значимых произведений: из недавних можно назвать для примера роман «Очевидец грядущего», сборник рассказов «Раб небесный», книгу из трех повестей «Чукотан». Евгения Кулаковская (Барнаул) в рецензии на книгу Евсеева «Чукотан» пишет:

В последних текстах Евсеева явно чувствуется переключка и возобновление во многом утерянных литературных связей с известным философом Н.Ф. Федоровым и всей линией «русского космизма».

* Евсеев Б. Сухой брод // Сайт «Литература». 2023. № 207 (URL: <https://litteratura.org/prose/5288-boris-evseev-suhoy-brod.html>)

«Русский космизм» как философия выражает национальную специфику мышления, в котором сошлись рациональное, эмпирическое и мистическое познание, в их живом естественном единстве, в полноте жизненного постижения. Космизм пытается объединить судьбы человека и Вселенной*.

А в числе текстуальных признаков «русского космизма» Кулаковская называет «русскую отрешенность от практической жизни, уход к духовным формам бытия».

Именно эта отрешенность от практической жизни царит в рассказе «Сухой брод». Похождения уроженки Херсона («землячки» писателя Бориса Евсеева) Гориславы, которая сокращенно – и символично – зовется чаще Горей, по территории, где сходятся враждующие «дванадцать языков», описаны выразительно и страстно порой до содрогания. Но всё в рассказе вершится в поле не жизни и не социума, а литературы, если не мифологии: в пространстве первозданного хаоса, из которого рождается миропорядок. В «Сухом бросе» Евсеев нашел если не оптимальный, то весьма удачный художественный прием соблюдения верной интонации для «горячих» литературных произведений. Он подошел к глобальным потрясениям с меркой философского и онтологического переосмысления, художественно выраженного через сказ.

Манера Евсеева-рассказчика (в данном случае – сказителя) восходит к знаменитому «остранению» литературоведа Виктора Шкловского. Один из ключевых моментов «остранения» – «...не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “в́дения” его, а не “узнавания”»**. К рассказу Евсеева стоит подходить с этих позиций. Он лишен конкретики, но полон насыщенного символизма, чувства истории и размышлений о народной душе. Один из самых ярких и неоднозначных символов оной – Горя.

На первый взгляд, это красивая женщина, оказавшаяся в эпицентре войны без поддержки и защиты, отчего к ней так и липнут мужчины. За эротизм один эпизодический персонаж именуется Горю «профура». Но очевидно, что она не рядовая обывательница, а существо высшего порядка: «...видно, память предков о древнеславянской Белой Бабе, предвестнице войн и разрух, сидела в них крепко»; «...Горе опять подумалось: “Пусть хоть сегодня до тех и до этих дойдет: это нескончаемая война, обернувшись голой бабой, сквозь них сейчас пропутешествует! А вслед за войной раскинет перепончатые крылья дух несчастливой судьбы”». Белая Баба, согласно славянским поверьям, бессмертна и неуязвима, но опасна для окружающих: «Кто ее тронет – мертвым при жизни станет».

Поэтому Горя проходит невредимой сквозь зловещие декорации, выстраиваемые автором, встречая по пути не только самых разных людей, но и знамения. Именно ей первой предстает вереница «небесных рыб» во главе с осетром, «хари» которых напоминают человеческие лица. В глазах Гори, внутри у этих рыб «не икра, не молоки, а людские души, перевозимые из земных сборных пунктов в пункты сбора небесные». Горя успокаивает себя старинными заветами: «Мать-сыра-земля

* Кулаковская Е. Ледожар Бориса Евсеева // Сайт «Ревизор.ru». 1 сентября 2020 г. (URL: <https://rewizor.ru/literature/reviews/ledojar-borisa-evseeva/>).

** Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М.: Советский писатель, 1990. С. 62.

на рыбе покоится. Вот рыбы небесные и пособляют рыбе, удерживающей Землю» (сбивают с пути беспилотники). Но успокоиться ей не суждено, ненасытное возбуждение гонит ее «вперед: быстрее, круче!». Этот тернистый путь Горя проходит, чтобы в умело выстроенном сюжете встретиться с... сочинителем рассказа.

Три часа назад дзенькнула мобилка, высветилась почта. Прилетело с незнакомого адреса письмо: «Если ты сын Тимофей Ивановича – ответь». После кратких раздумий ответил: «Да, сын». Последовало новое письмо. «Адрес твой знаю. Заходить не буду. Через час в Хинкальной на трамвайном кругу. От тебя 400 метров. Привезла тебе отцовскую вещичку. Зовут меня Горя (Горислава). Я из Херсона. В Москве – проездом...»

«Сын Тимофей Ивановича» многим близок писателю Борису Тимофеевичу Евсееву. Но воспринимать его как автопортрет в концепции «остранения» наивно: скорее, это автопсихологическая проекция, созданная, чтобы между литературным образом писателя и Горей наметился диалог. А диалог, в свою очередь, необходим, чтобы позиция и идеология Гори не воспринималась как единственно верный заложенный в рассказ смысл или пафос. Посыл «Сухого брода» в том, чтобы о законах мироздания, судьбах мира, отношении человека с высшими силами и Господом задумались не только действующие лица, но и читатели. С этой целью после встречи «Тимофеевича» с вестницей текст превращается в театр нескольких артистов, у каждого из которых есть собственная ария в этой опере (Евсеев по первому образованию музыкант, и его лучшие книги всегда звучат как мощные музыкальные композиции со множеством голосов). «Диалог» ведется не только в речах, но и в поступках. Самый важный эпизод в нем тот, где Горя привезла сказителю «темно-вишневый старинный мундштук», некогда принадлежавший его отцу – фронтовику, участнику Великой Отечественной. Давным-давно сын покинул родной дом, переехал в Москву и думать забыл об этой вещице, – но нежданная гостыя извлекла мундштук из небытия и доставила сыну.

Тут исчезают все сомнения в сказочной природе Гориславы: она, действительно, Белая Баба, облеченная магической властью. Но сказитель не боится противоречить Белой Бабе. Небесных рыб он видит и воспринимает не так, как она:

Рыбы были умней людей, они не орали, не пожирали свою же молодь, не воевали – косяк на косяк, – не мудрствовали о войне как о спасении от чего-то еще более страшного, чем она сама.

В интерпретации сказителем небесных рыб отчетливы сакральные мотивы: ведь рыба в первую очередь – знак Христа (сам Евсеев – писатель христианского мировоззрения). Повествование строится на борьбе двух центральных героев. Горя и сказитель – не антагонисты, но мыслят в разных системах координат. Горя воплощает в себе радикальность, сказитель – уравновешенность и осторожность.

Порой сказитель смотрит на Горю с некоторой иронией; порой не понимает, что она хочет донести или принести людям; и, наконец, воспринимает свое общение с нею как рассказ, который пишет в режиме онлайн. Именно этот прием, сообщающий тексту несколько уровней, и кажется особенно удачным. Это и узкий круг видения Гори, и расширенный круг взаимодействия ее со сказителем, и самый

широкий – объединяющий текст, созданный Борисом Евсеевым. И если сказитель порой путается, где жизнь, а где вымысел: «Идя по перрону, резко откинув в сторону закрученный воображением рассказ, я вдруг стал ясно знать: не в рассказе, в реально осязаемой жизни всё будет по-иному – Горю больше никогда не увижу!», – то прозаик это понимает совершенно точно. Линия походов Белой Бабы не завершена и не может быть закончена. Более того, она постоянно разветвляется: два дня Горя гуляет со сказителем по Москве, сидит с ним в ресторанах, дивится на рыб в океанариуме, но то и дело оказывается в одиночку в жестокой реальности вечных боев и затем «выныривает» оттуда...

Наконец, Белая Баба, по-модному приодевшись, уезжает с Белорусского вокзала. Куда? – Бог весть. Ее путь не завершается в тексте и вряд ли может завершиться в мифе, откуда вышел грозный персонаж. А сказитель остается наедине со своим сознанием, растревоженным чувством исторического потока, в который он вовлечен, – оно проснулось с появлением отцовского мундштука:

Всё уносится, и всё во мне остается. Влага снова ушла. И я сам теперь – сухой брод. Даже не так! Сухой брод – не только я. Им стала вся наша жизнь: ранящая босые ноги острыми камнями, иссушающая умы... Я как та маловодная переправа, через которую бредут бездумно растревоженные, поднятые из инобытия, словно покойники с погоста, разновеликие времена: Петровские, Потёмкинские, поздне-Александровские, Николаевские. Времена бредут сквозь меня, машут медвежьими шапками гвардейских гусарских полков, оставляя после себя морозный дых южных степей и гулкий стук ороговелых человеческих копыт. Остро чувствую графитовые стержни времен. Но их отношение ко времени нашему понимать перестаяю. И боюсь даже думать, что рисунки, выполненные стержнями этих и других времен, были напрасны и скоро сотрутся или закрасятся одной какой-то краской: черной, красной, белой. И только отцовское время еще цепко держит меня. Но и оно постепенно сжимается до темно-вишневого, янтарного, со страстью выделанного мундштука, лежащего передо мной на ресторанном столике.

Предошущение же победы Святого Егория, вызволившего из лап Черногарптицы осетра-рыбу, принадлежит, полагаю, не кому-то из героев, а писателю Борису Евсееву. Он закольцовывает рассказ, придавая ему следующий смысл, находящийся выше «правд» всех героев. С появлением позиции автора текст окончательно лишается однозначности, возможности «плоскостного» понимания – каким и должно быть литературное воплощение историософии.

И еще один смысл хочется привлечь к «Сухому броду». Густая словесная вязь рассказа (сказа) – вся апелляция к фольклору. В колонке «Язык творит историю» («Литературная газета», 21 декабря 2022 года) Евсеев пишет:

Язык не возникает в ходе истории. Язык истории предпосылается, а затем ее творит. ... Язык – дух и совесть народа.

По мне, эта мысль метафорически выражена и в новом рассказе писателя. Его «духом и совестью» автор передает направление, куда стремится обрисованный им поток истории. Там и есть высшая правда.

АВТОРЫ НОМЕРА

БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО) Людмила – историк, автор двадцати опубликованных работ по истории потомков польских шляхетских родов в России. Живет в Ростове-на-Дону.

БОРОШКО Сергей – кандидат химических наук; историк. Автор более двадцати опубликованных работ по теме средневекового европейского дворянства и его проникновения в Российскую империю в XVII–XIX вв. Живет в Ростове-на-Дону.

БЫЧИХИН Денис – поэт, эссеист. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Крещатик», «Text-Only» и др. Сотрудник Тульского историко-архитектурного музея. Живет в Туле.

Диакон Сергей ГАЛИЕВ – кандидат филологических наук, преподаватель Ташкентской духовной семинарии, клирик ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора. Живет в Ташкенте.

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель воскресной школы и работник самаркандского Свято-Покровского храма. Живет в Самарканде.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока» и других. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор девяти книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

МАТЮХИНА Анна – поэт, писатель, журналист. Автор книг «Кардиограмма судьбы» (в соавторстве с Я.Л. Габинским), романа «Муравейник. Столкновение с вечностью» и др. Лауреат премии «Золотое перо» Уральского масс-медиа клуба. Работает в екатеринбургских СМИ. Живет в Екатеринбурге.

САФРОНОВА Елена – прозаик, литературный критик, публицист. Постоянный автор журналов «Знамя», «Вопросы литературы», «Урал», «Дружба народов» и др. Автор двух книг литературной критики и публицистики. Лауреат Астафьевской премии, премии журнала «Урал», премии Союза писателей Москвы и др. Живет в Рязани.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svysh@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LXII
№ 1-2, январь-июнь 2023.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2023 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2023).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568